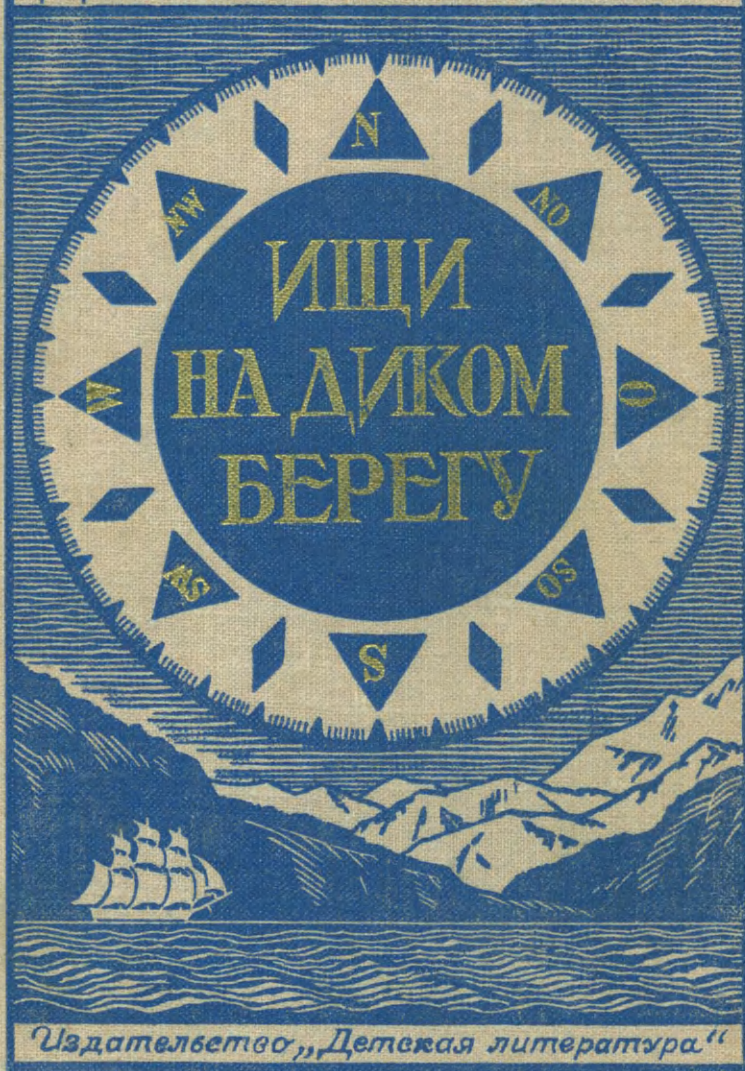

ДЖИН МОНТГОМЕРИ

Издательство „Детская литература“

ДЖИН МОНТГОМЕРИ

ИЩИ НА ДИКОМ БЕРЕГУ

*Повесть
Перевод
с английского
Л*

Jean Montgomery
SEARCH THE WILD SHORE
William Morrow and Company
New York, 1974

ПЕРЕВОД Ю. ПРЕСНЯКОВА

РИСУНКИ Л. ФАЛИНА

Монтгомери Д.

М77 Ищи на диком берегу: Повесть/Пер. с англ.
Ю. Преснякова; Предисл. С. Федоровой; Рис. Ю. Фа-
лина.— М.: Дет. лит., 1979.—208 с., ил.

В пер.: 55 к.

Повесть современной американской писательницы из истории русских поселений на Аляске и в Калифорнии в начале XIX века.

70802—348
М **М101(03)79** 361—79

И(Англ)

©ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

О РУССКОЙ АМЕРИКЕ И АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Многоэтажная Калифорния, лазурное небо и огромные города в грязном смоге, пальмы и кактусы, густая паутина автомобильных дорог, сотни тысяч машин...

И вдруг в самом сердце этой американской земли, всего в 50 милях к северу от Сан-Франциско, ты попадаешь в другой мир. Многоугольные бревенчатые башни, крепостная ограда, обитые тесом домики, деревянная часовня, совсем такая, как церквушки, что стоят в селениях Русского Севера.

Русский Север... Древний город Тотьма на крутом берегу реки Сухоны. Базарная площадь, луковичные главки островерхих церквей, одноэтажные бревенчатые старые дома...

Тотьма. От нее до Калифорнии двадцать тысяч верст, но именно из Тотьмы вышел в дальний путь человек, которому суждено было заложить русское селение на благодатной калифорнийской земле — крепость Росс, самое южное постоянное русское поселение на тихоокеанском берегу Северо-Американского материка. Звали этого человека Иван Александрович Кусков.

И жил в крепости Росс полтора года с лишним лет назад русский мальчик Захар — герой повести американской писательницы Джин Монтгомери «Ищи на диком берегу». Но о мальчике чуть позже... А сейчас расскажем о том, как русские люди добрались до Калифорнии и как возникла там крепость Росс.

В ту пору, когда в границах Российской державы оказалась Сибирь, русские мореплаватели в 1741 году дошли до берегов Америки. Это были не те знойные берега Америки, которые открыл Колумб. Капитан-командор Витус Беринг и капитан Алексей Чириков вышли к туманным берегам Аляски.

Вслед за ними к длинной гряде Алеутских островов, где издавна обитали искусные охотники на морского зверя — алеуты, устремились русские «промышленники». Многие из них были уроженцами архангельских, вологодских, тотемских, великоустюжских, а также сибирских городов, посадов и сел. У себя

на родине они охотились на медведя, белку, соболя, росомуху; за соболем они уходили в Сибирь, а в американской стороне они стали промыслять морского зверя — морских бобров и морских котов. Ради драгоценных мехов эти отважные люди терпели любые лишения, ради новой, богатой добычи они шли всё дальше и дальше на восток и с каждым годом открывали всё новые земли, заливы и бухты. Российские купцы, соперничая друг с другом, объединялись в компании, ссужали крупные суммы денег на постройку судна, нанимали людей — мореходов и охотников, за труды которых платили не деньгами, а половиной пая промысла.

Между прочими хозяевами промышленных судов находился рыльский купец Григорий Иванович Шелихов. Заехав на Камчатку по торговым делам, при познаниях и прозорливости, отличавших его от сотоварищей, он увидел, что ни одна компания не стремилась еще вести промысел к востоку от Алеутских островов. Он убедился также, что восточнее Уналашки (одного из самых дальних островов этой гряды), где русские жили уже не менее полутора десятка лет, постоянных русских поселений не было.

Шелихов составил себе обширный план. Он понимал, что без создания постоянных факторий невозможно будет обладать теми островами и землями. Он предложил организовать единую промыслово-купеческую компанию и ей одной предоставить монопольное право вести промысел морского и «земляного» зверя и строить прочные русские поселения на далеких берегах Северо-Западной Америки.

В 1783 году Шелихов из Охотска двинулся к Америке и обосновался на острове Кадьяке, который лежит у южных берегов Аляски. Там заложил он поселение и прожил почти два года, а затем уехал в Сибирь.

В скором времени на Кадьяке стал управлять верный помощник Шелихова — Александр Андреевич Баранов. Баранов происходил из купеческого сословия. Родился он в северном русском городке Каргополе, Олонецкой губернии, в 1746 году. Он торговал в Москве и Петербурге, а затем в 1780 году переехал в Сибирь. Спустя несколько лет дела его пошли неудачно, и он поступил в 1790 году на службу к Шелихову, с тем чтобы ехать на Кадьяк.

В Иркутске судьба свела Баранова с 23-летним тотемским мещанином Иваном Кусковым, грамотным и сметливым. И Бара-

нов взял его себе в помощники. А потом, подписав контракт с Шелиховым, Баранов в 1790 году вместе с Кусковым отправился из Охотска на судне «Три Святителя» на далекий Кадыяк.

Потеряв во время шторма у берегов Уналашки судно и груз и перезимовав с командой на малообитаемом берегу этого острова, Баранов и Кусков со спутниками на построенных ими двух больших кожаных байдарках прибыли на Кадыяк в июне 1791 года. Под началом у Баранова оказалось две с небольшим сотни российских промышленников. В охотничьем промысле использовали алеутов.

В 1795 году Г. И. Шелихов внезапно умер в Иркутске. А спустя четыре года осуществилась его идея — была создана под покровительством царя Российско-Американская компания, которая и стала хозяйкой новых русских владений в Америке — «Русской Америке». С той поры все добытые русскими промышленниками и алеутами меха и все меха, выменянные у эскимосов и индейцев, принадлежали этой компании.

Российско-Американская компания в 1802 году назначила Баранова главным правителем Российских владений в Америке. Владения эти постепенно расширялись. Еще в 1799 году Баранов основал небольшую русскую крепость на острове Ситхе, лежащем к юго-востоку от Кадыяка, у самого американского берега. Однако это поселение в 1802 году разрушили местные индейцы-тлинкиты, или «кóлоши», как звали их русские.

И неизвестно, как пошли бы дела дальше, если бы на помощь Баранову не подоспел Ю. Ф. Лисянский, командир «Невы», одного из кораблей Первой русской кругосветной экспедиции.

С помощью Лисянского А. А. Баранову в 1804 году удалось окончательно закрепиться на Ситхе. Новое поселение воздвигли на месте разоренной тлинкитской крепости и назвали его Ново-Архангельском. В 1808 году Баранов с Кадыяка и сам перебрался на Ситху и перевел туда главную контору. С той поры Ново-Архангельск стал столицей Русской Америки и оставался ею вплоть до 1867 года, когда Аляска была продана Россией Соединенным Штатам Америки.

* * *

Аляска была землей суровой, холодной. А на Ситхе осень длилась круглый год. И хотя в Ново-Архангельске и на Кадыяке климат был умеренным, хлебные злаки — рожь, овес — не успе-

вали вызреть. Удавалось вырастить огородные овощи — репу, картофель, морковь, брюкву, хуже росла капуста. Но урожай их был слишком мал, чтобы прокормить русских поселенцев. Скотоводство тоже не прижилось: на Ситхе вблизи крепости не было подходящих пастбищ, а на Кадыке пастбища имелись, но за короткое лето не успевали заготовить корму для скота. Поэтому и мяса, по существу, не было. Спасались рыбой. Но по временам и ее не было. Ели мясо сивучей, птиц, собирали по гнездам яйца...

Русских в аляскинских поселениях к 1805 году насчитывалось около пятисот человек. Пшеницу, мясо, соль и другие припасы приходилось доставлять через Охотск из Сибири или на кругосветных судах из Европейской России, а пути эти были бесконечно далекими и опасными. Не раз обрывались тонкие нити, связывавшие Ново-Архангельск, Кадык и Уналашку с Охотском, и тогда горькую нужду и голод терпели русские поселенцы. Приходилось отдавать драгоценную пушнину бостонским «корабельщикам», которые приходили в Ново-Архангельск и привозили пшено, сахар-«леденец», чай.

А между тем ведомо было русским поселенцам, что в полдневной стороне, на самом Северо-Американском материке, лежат богатые и плодородные земли.

О каких же южных землях шла речь?

К югу от Ситхи на полторы тысячи миль тянулись суровые, мохнатые горные цепи, дремучие леса поднимались к их вершинам, кое-где убеленным вечными снегами. Вдоль этих гористых берегов рассеяны были бесчисленные острова, дикие и непроведанные.

Ново-Архангельск стоял на 57° северной широты... И только на 43-м градусе располагались северные рубежи Калифорнии, одной из плодороднейших земель Нового Света.

Но то была чужая земля. Калифорнией владела Испания. Коренные жители Калифорнии — индейцы — обречены были на тяжкую долю: их угнетали испанские правители и испанские монахи, которые утвердились в плодородных межгорных долинах и на океанских берегах.

Испанцы ни с кем не торговали, гавани Калифорнии, и главная из них — залив Сан-Франциско, были закрыты для всех иностранных кораблей. Но и в Петербурге, и в Ново-Архангельске понимали: надо во что бы то ни стало наладить торговые связи с «запретной» Калифорнией.

Еще Шелихов писал, что русским следует добраться до Калифорнии, и Баранов всячески к этому стремился. Ему в этом очень помог Николай Петрович Резанов, участник Первой русской кругосветной экспедиции. По мысли организаторов этой экспедиции, Резанов должен был прежде всего завязать сношения с Японией, а затем ему предстояло как уполномоченному Российско-Американской компании отправиться в русские поселения на Аляске. Японцы захлопнули перед Резановым двери в свою страну, но в русских селениях на берегах Америки Баранов встретил его очень тепло.

Резанов своими глазами увидел, как голодно живет русским поселенцам, и в конце февраля 1806 года он решил отправиться в Калифорнию в надежде непременно добыть хлеб для русских аляскинских поселений. Резанов не ошибся. Сам губернатор прибыл для встречи с ним из Монтерея в Сан-Франциско. Испанцы продали Резанову необходимые припасы, и трюмы корабля наполнились пшеницей, мукой, ячменем, горохом, бобами, салом, солью и небольшим количеством вяленого мяса. Это спасло жителей Ново-Архангельска от цинги и смертельных болезней. И что оказалось не менее важным — положено было начало сношениям русских на Аляске с Испанской Калифорнией.

Резанов рассмотрел и место для русского поселения в той части Северной Калифорнии, которая, как он полагал, не была еще занята ни одной из европейских держав.

Успех Резанова окрылил главного правителя. В 1808 году Баранов отправил из Ново-Архангельска в Калифорнию два парусных судна. Одно из них потерпело крушение (и к этому нам предстоит еще вернуться), а второе, на котором шел И. А. Кусков, достигло залива Сан-Франциско. Севернее находился еще один залив. Испанцы называли его Малый Бodega. Кусков окрестил его заливом Румянцева. Он обнаружил в северной части этого залива закрытую от ветров бухту и счел ее наиболее подходящим местом для будущего русского поселения.

Но не сразу удалось ему осуществить свои планы. Несколько раз отправлялся он к берегам Калифорнии, и лишь в конце 1811 года в заливе Румянцева оставил своих людей. Сам же пошел в Ново-Архангельск и снова вернулся в Калифорнию в марте 1812 года. Это был пятый по счету калифорнийский поход Кускова. На сей раз он пришел туда с 40 русскими, 80 алеутами и всеми необходимыми для строительства припасами.

Обследовав побережье и течение реки Шабакай (русские на-

звали ее Славянкой), Кусков выбрал место в 18 милях к северу от залива Румянцева, под 38° 33' северной широты и 123° 15' восточной долготы (от Гринвича), на высоком каменистом берегу, омываемом тихоокеанскими волнами.

Почти в трех верстах от берега поднимались лесистые горы. Росли там могучие дубы, стройные сосны, ближе к подошве гор зеленели зимой и летом лавровые деревья.

Идея строиться на привольных берегах Славянки, протекавшей на полпути между избранным местом и заливом Румянцева, с сожалением была отклонена из-за того, что устье реки оказалось мелководным и каменистым.

15 мая 1812 года приступили к постройке крепости. Поставлена она была на высоком пригорке, от берега вели к ней 166 ступеней. Крепость соорудили в форме прямоугольника и обнесли ее тыном в две сажени высотой. Кроме того, защищали крепость две бревенчатые рубленые двухэтажные башни — восьмиугольная, на юге, глядела в сторону океана, семиугольная, на севере, защищала подступы со стороны гор. В амбразурах прятались пушки, их было тринадцать. Въезжали в крепость через ворота на западной стороне. Попасть внутрь ограды можно было и через калитку. К ней как раз и подступала длинная лестница.

На крепость никто не нападал, и первое время, когда внутри еще не было построек, промышленники обосновались в башнях. Но на всякий случай порох держали сухим. Выставлялись караулы, особые наряды промышленников совершали обход крепости.

30 августа 1812 года в крепости был торжественно поднят флаг Российско-Американской компании, а сама крепость названа «Росс».

Это произошло в те дни, когда только что отгремела Бородинская битва и Наполеон шел от Можайска к Москве.

Отношения с испанцами у Кускова были сложными. Испанские правители Калифорнии знали, что Испания в 1812 году в союзе с Россией боролась с Наполеоном. Но, с другой стороны, испанцам было не по душе присутствие русских людей на калифорнийской земле. Зато с местными индейцами племени помо у обитателей крепости Росс с самого начала сложились дружелюбные отношения. Об этом пишет и Джин Монтгомери в повести «Ищи на диком берегу»¹.

¹ Эта повесть вышла в свет в Нью-Йорке в 1974 г. Но это не первая книга Джин Монтгомери. Еще в 1968 г. был издан ее роман «Гнев койота», в котором были описаны горькие судьбы индейцев Калифорнии.

Во многом дружбе с индейцами содействовал Иван Александрович Кусков. С 1812 по 1821 год он бессменно был правителем крепости и селения Росс. Русские мореплаватели, заходившие в эти годы в крепость Росс, отзывались о нем как о человеке деятельном и сердечном, всегда готовом прийти на помощь своим соотечественникам.

Кусков проявил себя как рачительный хозяин селения Росс. За первый год в крепости была построена казарма для русских промышленников, поварня, кузница и слесарня, «магазин» (так называли амбар, где хранили припасы и пушнину). Для всех построек употреблялась чага — дерево с красноватой древесиной. Позже срубили из толстых бревен добротный дом, в нем поселился сам Кусков: семь комнат, сени, два чулана, в подполе пороховой склад и кладовые. Повесили колокол, для которого приспособили будку в восточном углу крепости. А в средней ее части вырыли колодец — надо было обеспечить себя водой на случай длительной осады. На флагштоке развевался флаг Российско-Американской компании. Вне стен крепости соорудили 14 «юрт» для алеутов, срубили баню, кухню для выпечки хлеба, кузницу, кожевенный «завод» (там дубили бычьи кожи), скотный двор, свинарник. На пригорке поставили ветряную мукомольную мельницу. В небольшой бухточке под крепостью устроена была верфь: за время правления Кускова здесь было построено и спущено на воду два парусных судна, заложено третье. Строились и гребные суда. Для них на берегу был поставлен сарай.

Кусков добыл у местных индейцев лошадей, а от испанцев получил крупный рогатый скот и овец.

Вблизи крепости, по берегам небольшой речушки, он завел огороды. Хорошие урожаи давали картофель (дважды в год), репа, капуста, салат, тыква, горох, бобы, а также дыни и арбузы. Отлично рос табак малороссийского и виргинского сортов. Несколько позже дошел черед и до посадки плодовых деревьев — яблонь, персиковых деревьев, а также виноградных лоз.

Однако надежды на дальнейшие успехи в хлебопашестве не оправдались. Гористые, перерезанные оврагами и покрытые лесами окрестности мало подходили для посева хлебных культур. Пахотной земли было мало. Да и с пахарями дело обстояло скверно. Среди русских промышленников в большинстве своем были охотники, люди, столь же непривычные к земледелию, как и алеуты. И поэтому на полях работали наемные индейцы.

Все, что производилось в Россѣ, там же и потреблялось. Росс не мог насытить, одѣть и обуть население Ново-Архангельска и Кадьяка. Но зато Кускову удалось наладить торговлю с Испанской Калифорніей, которая стала житницей для русских поселеній на Аляске.

Чтобы прокормить охотников-алеутов (а они не употребляли говядины), Кусков время от времени отправлял небольшіе партии русских и алеутов на каменистые островки Фараллон. Островки эти лежали к западу от входа в залив Сан-Франциско и были излюбленным местом морских котиков и сивучей. Оттуда в крепость Росс доставляли соленое и вяленое мясо сивучей, а также птиц, которых русскіе называли «арами».

Острова Фараллон... Дважды к этим островам подходил на парусных судах герой повести Джин Монтгомери — Захар, и именно здѣсь, у этих берегов, произошла его долгожданная встреча с отцом.

У Джин Монтгомери герой повести назван Захаром Петровым. Причем автор в заключительных строках книги оговаривается, что Захар Петров — герой вымышленный, но в его образѣ олицетворены два реальных персонажа: совсем еще юный Захар Чичинов и многоопытный промышленник Тимофей Тараканов.

Постараемся проследить жизненный путь каждого из них.

Захар Чичинов родился в Якутскѣ в 1802 году. Когда мальчику исполнилось 8 лет, мать его умерла, а отец завербовался на службу Россійско-Американской компании и отправился с сыном в заокеанскіе владенія Россіи. Там мальчика отдали на воспитаніе монаху Герману, который жил в уединеніи неподалеку от Кадьяка — на острове Еловом. Захар научился читать, писать и считать. Пятнадцати лет от роду перебрался в Ново-Архангельск. Перед отъездом мальчика монах Герман дал ему рекомендательное письмо к Баранову, и Захар был принят в услуженіе в дом Баранова. Но здѣсь он находился не долго.

Весной 1818 года Баранов послал в Калифорнію судно. На нем отправился к Кускову и Захар Чичинов с письмом Баранова. В Россѣ в то время находился отец Захара, который взял себе в жены дочь местного индейскаго вождя. Отец Захара работал на постройкѣ дома, Захар взялся помогать ему.

«Господин Кусков был очень добр ко мнѣ,— писал въ послѣдствіи Захар Чичинов в своих воспоминаніях.— Иногда, когда

у него было время, он учил меня. Иногда он давал мне переписывать бумаги и обещал моему отцу дать мне образование, когда сам он будет освобожден от своей должности».

На следующий год отец с сыном были посланы на острова Фараллон, где они вместе с алеутами промышляли морских котов и сивучей, засаливали в бочках их мясо, а также шкуры морских котов. Захар обязан был вести записи промысла. Зимой цинга и болезни так ослабили людей, что они не могли уже охотиться. В июне 1820 года отец Захара, пытаясь достать из птичьего гнезда яйца, сорвался со скалы и утонул в море. Когда Захар на судне, зашедшем на острова Фараллон, вернулся в Росс, Кускова он там уже не застал. В 1823 году Захара послали к испанцам в залив Сан-Франциско на корабле, который был построен в Россе специально для испанской миссии. Там Захар немного научился испанскому. Вернувшись в Росс, он рассказывал, как плохо испанцы обращаются с индейцами, как монахи и солдаты бьют индейцев, когда те нерасторопны. В 1824 году судьба свела Захара Чичинова с промышленником Тимофеем Таракановым (так встретились два человека, чьи жизни, по замыслу Джин Монтгомери, слились в биографии героя ее повести — Захара Петрова). Два летних месяца Захар участвовал в экспедиции, отправившейся из Росса к северу на 50-ти байдарках во главе с Таракановым. В перестрелках с индейцами охотники потеряли много людей, а Тараканов и Захар Чичинов едва избежали плена.

В сентябре 1825 года Захар Чичинов возглавил экспедицию, отправленную из Росса для исследования внутренних земель Калифорнии. По возвращении он был послан в Ново-Архангельск, но в 1828 году снова вернулся в Росс. Ему довелось служить писарем у представителя Российско-Американской компании в Сан-Франциско. Затем Захар снова был отозван в Ново-Архангельск, а оттуда послан на Кадьяк, где он работал лоцманом. Вся эта история стала известна из записок, которые оставшийся на Аляске после ее продажи США Захар, на склоне лет, продиктовал одному американскому чиновнику.

А теперь познакомимся ближе с Тимофеем Таракановым.

В 1802 году, когда Захар Чичинов только родился, Тимофей Тараканов жил в русской крепости на Ситхе. 24 июня на крепость напали колоши и дотла сожгли ее, а людей убили в перестрелке. По чистой случайности Тараканова в этот момент не оказалось в крепости — он отлучился «за стрельбой нерп», как

сказано в показаниях одного из оставшихся в живых участника событий. Тараканов был взят в плен индейцами. К счастью, плен этот длился недолго. Капитан компанейского судна, подойдя к сожженной крепости, взял в заложники вождя колошей и его племянника и отпустил их только тогда, когда на борт судна приведен был Тараканов.

Однако шесть лет спустя суждено было Тимофею Тараканову снова оказаться в неволе. Помните поход в Калифорнию Кускова в 1808 году и гибель одного из судов? Так вот, на судне, потерпевшем крушение севернее устья реки Колумбии 1 ноября, и находился «передовщик» Тараканов с партией русских промышленников и алеутов.

Команда шхуны после долгого скитания по лесам была захвачена индейцами, и Тимофей Тараканов с февраля 1809 по май 1810 года находился в плену у индейцев. Его выкупил у индейцев капитан бостонского судна, и спустя месяц Тараканов был доставлен в Ново-Архангельск. Здесь по свежим следам рассказ Тимофея Тараканова был записан командиром русского кругосветного шлюпа «Диана» В. М. Головниным. Человек сильный и мужественный, Тараканов до конца был верен своим товарищам по несчастью, а индейцев, в плену у которых он жил, он заставил уважать себя благодаря своей сметливости и изобретательности: соорудил из бумаги змея, сколотил пожарную трещотку, зимой изготовлял для своего хозяина — индейского вождя — деревянную посуду на продажу. «Старшины в общем собрании положили, — рассказывал Тараканов, — что человек столь искусный, как я, должен непременно быть старшиною, или тойоном. После сего меня везде звали в гости вместе с моим хозяином и угощали наравне со своими старшинами».

А четыре года спустя, в январе 1814 года, Тимофей Тараканов испытал новые злоключения, о которых поведала в своей повести Джин Монтгомери, когда описывала, как попал в плен к испанцам и как жил в миссии Захар Петров.

Захар бежал из плена вместе с алеутом, которого Джин Монтгомери называет Тайнином. В образе Тайина отражены лучшие черты алеутского народа — товарищество, мужество, взаимопомощь. Тайин оказался мастером на все руки: он умел добыть огонь трением, изготовить лук и стрелы, метко поразить стрелой быстрого оленя. Захар становится другом Тайина. До сознания русского юноши дошла истина, что алеут Тайин — человек большой души и большого сердца.

Истинные приключения Захара Чичинова и Тимофея Тараканова охватывают не менее двух десятилетий. В жизни же вымышленного героя — Захара Петрова — эти десятилетия спрессованы в три года: 1817, 1818 и 1819 годы.

Эти годы Джин Монтгомери избрала не случайно, ибо именно они ознаменовали собой смену двух эпох в истории Русской Америки: престарелый Главный правитель А. А. Баранов, ставший легендарной личностью за 28-летний срок своего правления, 27 ноября 1818 года покинул Ново-Архангельск на борту корабля «Кутузов». Он отправился в Россию, до которой ему не суждено было добраться. Он умер в 1819 году у берегов острова Ява. После смены Баранова на пост Главного правителя назначались только морские офицеры. Период русской вольницы завершился.

Неспокойно было в эти годы и в Калифорнийской стороне. В далеком Мадриде решили выдворить русских поселенцев из Калифорнии. Однако губернатор Калифорнии, Висенте Пабло де Сола, вынужден был терпеть соседство крепости Росс и идти русским на уступки. На то была серьезная причина. Огромная испанская империя (в нее входила половина Южной Америки, Центральная Америка, Мексика с Калифорнией и Техасом) была накануне краха. К 1825 году все испанские колонии на Американском материке обрели независимость от Испании после пятнадцатилетней борьбы.

Но еще раньше, в 1822 году, тогда еще не признанная в Европе Мексиканская республика включила в свои границы Калифорнию.

Эти события выходят за рамки повести Джин Монтгомери. Так же как и дальнейшая судьба крепости Росс.

В 1821 году Кусков расстался с крепостью Росс и вернулся в Ново-Архангельск. А годом позже отправился в Россию. Путь его лежал в Охотск и далее через всю Сибирь — на родину, в Тотьму. Еще в Россе Кусков жаловался на свое здоровье. Добрался он до Тотьмы совершенно больным. Там он и скончался спустя три месяца, в октябре 1823 года.

Селение же Росс, казалось, жило прежней жизнью. Сменялись правители, возникали новые постройки в крепости и вне ее, приходили и уходили русские кругосветные и местные компанейские корабли.

Но вокруг Росса многое переменялось. Сперва католические миссии придвинулись к самой крепости, а затем все больше и

больше в Калифорнию стали переселяться американцы. И в 1841 году Российско-Американская компания вынуждена была покинуть свой южный форпост. Крепость Росс со всем движимым и недвижимым имуществом была продана американскому колонисту Джону Суттеру. Русские ушли в Ново-Архангельск.

В 1848 году США отняли у Мексики Калифорнию. И в том же году вблизи крепости Росс было найдено золото. Началась «золотая лихорадка». В поисках удачи десятки тысяч людей хлынули в Калифорнию. Золотоискатели вытеснили Суттера с его земель, а крепость Росс перешла к новым владельцам.

Постепенно крепость Росс разрушалась. Не пощадило ее и катастрофическое калифорнийское землетрясение 1906 года.

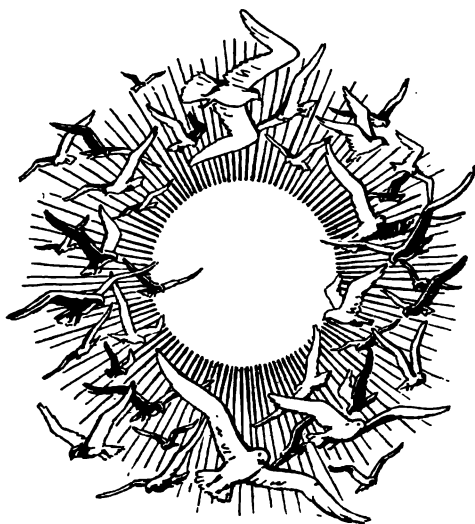
Но с 1907 года судьбой этого памятника русской истории и культуры заинтересовались власти штата Калифорния. Стены крепости и многие постройки внутри ее постепенно были восстановлены. В 1962 году крепость Росс и прилегающие к ней земли объявлены заповедником штата Калифорния. Там ведутся археологические раскопки и реставрационные работы. Восстанавливается также по плану крепости Росс 1817 года и дом Ивана Александровича Кусова.

И дышит преданиями кусковского времени русское селение Росс, которое двадцать девять лет было самым южным русским форпостом на Северо-Американском материке.

* * *

В заключение несколько слов об авторе повести «Ищи на диком берегу». Джин Монтгомери «открыла» для себя крепость Росс, изучая быт, обычаи и нравы индейского племени помо. Того самого племени, с которым в свое время завязали дружественные связи соотечественники юного Захара. И Джин Монтгомери, желая ознакомить американского читателя с этой страницей истории Нового Света, написала повесть, посвященную людям, которые некогда жили в русской крепости Росс.

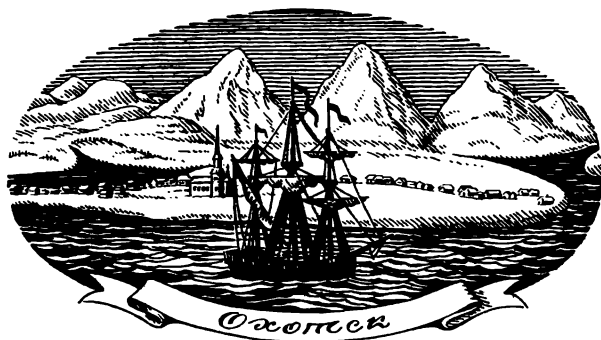
С. Федорова

Посвящается Шарлотте

Когда человек находится в движении, он всегда придумывает себе цель этого движения. Для того чтобы идти тысячу верст, человеку необходимо думать, что что-то хорошее есть за этими тысячью верст. Нужно представление об обетованной земле для того, чтобы иметь силы двигаться.

Л. Толстой, «Война и мир»

*Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами,
отправься
сам за своим отдаленным отцом, чтоб проверить, какая
в людях молва про него.*

Гомер, «Одиссея»¹

1. В ПУТЬ

лавному правителю Российских колоний в Америке,
господину Александру Андреевичу Баранову,
Ново-Архангельск, на острове Ситха

Милостивый государь мой, Александр Андреевич!

Податель настоящего письма пытается свершить невозможное. Сей юноша, Захар Иванов сын Петров, направляется на Аляску, дабы разыскать отца, корабельного плотника Ивана Петрова. Отец Захара покинул дом свой много лет назад и с той поры не давал о себе знать».

¹ Перевод В. А. Жуковского.

Отец Сергей оторвался от письма и задумчиво покосился на окно. Дождь бичевал воды Охотского моря, над ними стлался мглистый туман. «Такой уж у нас август,— думал он,— день-деньской дождь или туман, туман или дождь. Где еще в нашей матушке-России найдешь другое такое дождливое место, как Охотск?»

Священник окунул перо в чернила, окинул взглядом стены из грубых некрашенных досок. Бревенчатая изба была и школой, и церковью вместе. В красном углу — маленький алтарь с иконой, большая печка-каменка заняла весь второй угол. В комнате было голо и неуютно. Пахло деревом, сырой одеждой, людским потом, хотя в избе никого не было — только угловатая фигура священника сутулилась над письмом.

Закончив письмо словами: «Храни тебя Господь», отец Сергей подписался, сложил лист и запечатал его воском.

— Захар! — позвал он. — Захар!

В дверях появился высокий, крепкий парень в серых шерстяных штанах и коричневой холщовой рубаше. Вид у него был нескладный, и стоял он как-то неуклюже на своих здоровенных ногах. Густые темные волосы были подстрижены неровной лесенкой. Серые глаза, лицо румяное, открытое, грубовато-добродушное.

Священник протянул ему письмо.

— Ох, не хочется мне отпускать тебя, Захарушка...

— Надо ехать, батюшка. — Захар беспокойно вертел письмо в больших обветренных руках. — Век буду благодарен за вашу доброту, вырастили вы меня, выучили. А только все это время, все эти годы недоставало мне отца, все-то думал: «Где он, что с ним делается?» Поеду поищу. Найду — хорошо, не найду — значит, не судьба, заживу сам, как сумею.

— Я понимаю, сынок, но ты ведь и не знаешь его толком. Ты еще мал был, когда отец твой подался на Аляску...

Захар перебил его:

— Иначе нельзя было. Он тогда плотником завербовался на верфи, на пять лет. Тут как раз матушка моя померла. А ему уже было не отвертеться.

Священник вздохнул:

— Знаю. Помню. Уж больно он был отчаянный, жизнью своей не дорожил. Начнет об Аляске говорить — не остановишь: «У кого голова на плечах и руки умелые, того Аляска не обидит, не обойдет». А когда твоя мать померла, его и подавно

потянуло прочь отсюда. Да я-то о тебе пекусь. Путь туда долгий, опасный. Сколько кораблей на этом пути потонуло — не счесть. Так и отец твой мог пропасть, кто знает? А если и добрался он до Аляски, если и писал тебе письма... и письма те могли пропасть. Я вот часто думаю: что́ людей туда гонит, какая сила, чего ради идут они в неизвестные края?

Отец Сергей умолк, размышляя о первых русских пришельцах на Аляску. Отчаянный, неукротимый народ эти сибирские охотники — ни бога, ни черта не боялся. Уж если собрались они на промысел, лучше не становиться у них на пути. «Промышленные» — они ни перед чем не останавливались! Те, кому удавалось вернуться в Сибирь, привозили с собой неслыханно богатую добычу: шкуры котика, песцов и самый дорогой и красивый мех на свете — калана, или, иначе, морского бобра. За калана китайцы платили баснословные деньги.

— Я-то знаю, что меня туда гонит, — сказал Захар. — А вот что погнало туда вашего друга? — он показал на письмо. — Что он там искал?

— Александр? Долги его туда загнали. Когда я с ним здесь познакомился, он был торговцем пушниной, один неудачный год — и он влез в долги по самые уши. В то время компания купцов Шелихова и Голикова основала на Аляске колонию для надзора за добычей пушнины. Им понадобился новый управляющий, они и предложили Баранову взяться за это дело. Было это в 1790-м, взяли его на пять лет. И вот поди ж ты, двадцать семь лет прошло, а он все еще там... — Отец Сергей вздохнул. — Так ты не передумал, Захарушка?

Захар покачал головой.

— Нет, батюшка, не могу. Никак мне нельзя отступить.

Захар видел, понимал: старик чувствует то же, что и он сам. И грустно им было, и тяжело вымолвить «прощай». Он поцеловал священнику руку, пробормотал слова благодарности, поклонился и торопливо ушел.

Собираясь в дорогу, Захар спрятал письмо к Баранову в непромокаемый пояс, закатал запасную смену одежды в одеяло и вскинул тючок на плечо. Придя в порт, Захар сразу же нашел «Екатерину». Три мачты этого большого торгового корабля торчали в туманном небе. На этот самый корабль он нанялся матросом, чтобы добраться до Аляски.

Захар постоял у сходней, поглазел по сторонам. В полушубке, в толстых шерстяных штанах он казался еще более нескладным и неповоротливым. Из-под красного шерстяного колпака, нахлобученного на уши, выбивалась спереди прядь темно-русых волос.

Дюжие ломовые лошади, выдыхая клубы пара в холодный туман, выжидали, пока разгрузят их повозки, матросы вкатывали пузатые бочки или поднимались по сходням, согнувшись чуть ли не вдвое под тяжестью мешков и ящиков. Кучка людей — судя по одежде и по ручной клади, это были пассажиры — осторожно пробиралась к кораблю среди портовой суеты.

Захар дождался, когда сходни ненадолго опустели, и торопливо поднялся на корабль. Он шагал вразвалочку, отчаянно стараясь выглядеть бывалым моряком, которому не впервой подниматься на борт с тючком своих нехитрых пожитков. Его добродушное лицо было сурово нахмурено, сердце взволнованно стучало.

На палубе Захару показалось, что он попал в сумасшедший дом. Люди суетились в кажущемся беспорядке среди толстой паутины канатов и штабелей груза. От шума содрогался воздух: что-то падало в трюм с глухим стуком, бочки громыхали по настилу, матросы тащили что-то с песней, мерно раскачиваясь и топая ногами; протяжно звучали неразборчивые команды. И надо всем этим звучал гомон невидимых в тумане чаек.

Заметив человека, похожего на судового офицера, Захар обратился к нему и, стараясь перекричать шум, назвал себя. Через несколько секунд Захар уже спускался вниз следом за невысоким, жилистым матросом средних лет.

Как только они спустились по трапу под палубу, где их не могло видеть начальство, матрос остановился и повернулся к Захару. На его обветренном лице показалась дружелюбная усмешка. Захару он понравился с первого же взгляда. Весь его беззаботно-самоуверенный, лихой вид напомнил Захару отца. Захар улыбнулся в ответ и пожал протянутую руку.

— Новичок? — спросил матрос.

Захар рассмеялся:

— Что, заметно? А я-то надеялся...

Он невольно позавидовал непринужденной легкости матроса, небрежной ладности его одежды. Парусиновые штаны на широком кожаном ремне висят на самых бедрах. Рубаха завязана узлом на животе. Просмоленная матросская шапка набекрень,

ленты болтаются на положенном расстоянии от уха. Захар догадывался, что за этой продуманной небрежностью скрывается многолетняя матросская выучка.

— Звать меня Степаном,— сказал матрос.— Пошли.

Захар спускался за ним в недра корабля, стараясь подражать его упругой походке. По дороге Степан учил его уму-разуму, объяснял, кто есть кто на «Екатерине»:

— Боцман у нас зверь лютый. Чуть что — в зубы, а рука у него тяжелая. Правда, убить или вконец тебя изуечить ему никак нельзя, потому что тогда компания должна выложить твоей семье двести рублей. Ну, а...

Захар рассмеялся:

— Боже мой, целых двести рублей, подумать только! Неужто я большего не стою? — И продолжал уже более серьезно: — А если несчастный случай или кораблекрушение?

Степан пожал плечами.

— На то божья воля. За это компания ни гроша не заплатит...— Степан фыркнул, но тут же добавил: — А с боцманом держи ухо востро, он шутить не любит. За один косой взгляд может выпороть. Если куда пошлет — беги со всех ног!

— Да разве у вас поймешь, что тебе говорят? Я вот сейчас на палубе ни одной команды не разобрал.

— Ничего, пообвыкнешь. На своей вахте возьми на заметку кого поопытнее, чтоб такелаж знал, и делай все, как он. Вахты держим через раз, четыре часа службы, четыре отдыха. В порту, однако, работаем без роздыху, пока не отчалим. В пути будет полегче.

Захар спросил Степана, как долго он плавает.

— Тридцать лет. В море вышел, когда мне еще двенадцати не было. Юнгой начинал.

— А в Ситхе бывал?

— А то как же. В последний раз заходили туда года четыре назад. Что здесь, что там — невелика разница: одни дожди да туманы. Только там потеплей будет.

— Ты там, случаем, не встречал плотника Ивана Петрова? Волосы черные, курчавые. Смешливый такой.

— Иван Петров? Волос, говоришь, черный, курчавый? — Степан снова фыркнул. — Не замечал. Мало ли их там таких ходит, Иванов Петровых. Край, чай, не маленький. Сродственник он тебе?

— Отец мой. Он из дому ушел, когда я еще совсем мальцом

был, и с той поры ни слуху ни духу. Не знаю даже, жив ли он. Ну, я и надумал поискать его.

Степан остановился в темном коридоре и уставился на Захара.

— Захар,— произнес он торжественно,— то ли ты блаженный, то ли... сам не знаю кто. Да ежели б мой старик от меня ушел, я бы тогда спятил от радости! А только пришлось мне самому бежать из дому от этого старого козла. С тех пор не было от него ни костей, ни вестей... Да мне и ни к чему.

Они вошли в тесное, сумрачное трюмное помещение с низким потолком, похожее на пещеру.

— Здесь жить будешь,— сказал Степан.

Захар с трудом различал груды канатов, скатанные паруса, снасти, ящики, просто железный хлам. В сырой, мрачной кобуре пахло гнилым деревом и затхлой трюмной водой. Захара замутило.

— Боже ты мой! И в этом хлеву я буду спать? Ни койки, ни гамака!

— Хм, а ты как думал? Пуховую перину захотел? Спать будешь на парусах. Позже, бог даст, переведут в кубрик. А новички всегда здесь спят. Оставь здесь свои пожитки, и пошли живей!

Захар сбросил с плеча тючок, снял полушубок и шапку, разулся. Где-то совсем рядом раздавалось мычание коров, блеянье напуганных овец. Запах скотины смешивался с трюмной затхлостью.

— Плавающий хлев,— пробормотал Захар с усмешкой, закатывая штаны.

Когда они снова поднялись на главную палубу, Степан показал ему здоровяка, который распоряжался палубной командой.

Одни матросы подкатывали тачки с мешками провианта к открытому палубному люку, другие хватали мешки и швыряли в трюм.

Не останавливаясь ни на секунду, матросы подвозили мешки и тут же отбегали прочь с пустыми тачками.

— Вон он, боцман,— сказал Степан.— Подойди к нему.

Захар с трудом пробрался сквозь суматоху на палубе. Голая, как яйцо, голова боцмана посажена была прямо на могучие плечи — шеи не было. Каменные челюсти. Затылок нависал над воротником мясистыми складками.

— Захар Петров на работу явился,— отрапортовал Захар дрожащим от волнения голосом.

Боцман повернулся ему навстречу всем своим грузным туловищем. Маленькие колючие глазки одним взглядом окинули взъерошенные волосы Захара, его живое лицо, домотканую рубаху на крепком теле, сильные босые ноги.

— Петров...— Казалось, боцман пережевывал это имя. Он мотнул головой в сторону грузчиков с тачками: — Валяй к той команде, на разгрузку.

Голос у этого грузного человека был до странности высокий и тонкий.

— Слушаюсь, ваше благородие! — Захар лихо сделал «кругом» и тут же со всего маху полетел на палубу.

Боцман возвышался над ним, руки в боки, нога, которой он только что подшиб Захара, еще выставлена вперед.

— Чтоб я этих «ваших благородий» не слышал, ясно? — Маленькие пронзительные глазки уставились в изумленное лицо Захара.— Получил команду — заткнись и делай, что велено, без лишних слов, ясно? Меня называй «господин Голуб», я не из благородных. А теперь проваливай.

Захар поднимался на ноги.

— Слушаюсь,— начал было он и тут же снова растянулся на палубе. Плотно сжав губы, он побежал к люку.

Судя по лукавым ухмылкам матросов, первое знакомство Захара с Голубом не прошло незамеченным. Захара поставили в паре с другим матросом на выгрузку мешков. Как только тачка въезжала между ними, они хватались за ушки мешка, и — «Взяли. Подняли. Раз, два, три-и!» — на «три» мешок летел в люк.

Захар быстро приноровился к своему напарнику, долговязому, обтрепанному матросу, от которого несло винным перегаром. Мешки с зерном весили пуда по четыре. Падая в трюм, они поднимали клубы пыли и мякины.

Захару казалось, что мешки становились чем дальше, тем тяжелее. Спину ломило, пальцы переставали слушаться. Захар то и дело чихал. Из носа у него текло, глаза слезились, вся кожа горела от зуда. У него не было, как у других, повязки на лбу, которая не давала бы поту заливать глаза. То и дело он утирал лоб пыльным рукавом, и от этого веки горели еще сильнее.

Наконец кто-то из матросов сжалился над зеленым новичком и сунул ему грязную тряпицу. Наслаждаясь секундной передышкой, Захар утер лицо, выпрямился и стал повязывать тряпку вокруг лба. Тут же у люка возник затор, и напарник крикнул на него:

— Поторапливайся!

Вдруг рядом с Захаром как из-под земли вырос Голуб. Многопудовая туша боцмана передвигалась с кошачьей легкостью. В воздухе мелькнул кулак. Захар присел, откатнулся, и все же Голуб успел смазать его по уху.

В следующее мгновение Захар с оглушительным грохотом полетел в трюм. От удара о мешки с зерном у него на миг перехватило дыхание, но только на миг. Он распластался на мешках с закрытыми глазами, блаженно улыбаясь, отдыхая. Жесткие мешки казались ему мягче лебяжьего пуха.

— Петров!

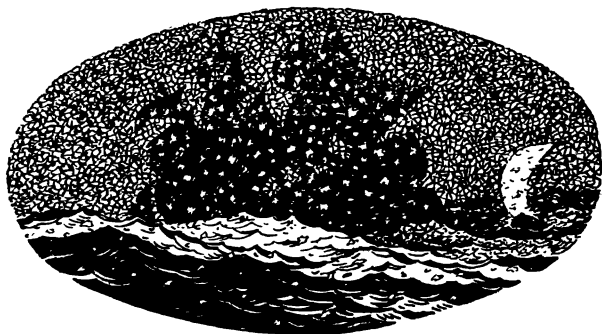
Услышав высокий, силовый голос боцмана, Захар поспешил открыть глаза. Лысая голова Голуба поблескивала в просвете люка, он что-то кричал, но Захар, лежавший на дне трюма с довольной улыбкой, не разбирал слов. Но вот до него отчетливо донеслось:

— Давай наверх, сукин сын!

— Сам ты сукин сын, господин Голуб,— пробормотал Захар сквозь зубы, подымаясь с мешков.

Хромая, он поднялся по трапу на палубу. Захар не удивился бы, если бы Голуб снова замахнулся на него, но тот лишь велел ему стать на рабочее место.

«Испугался, видать,— подумал Захар.— Вдруг я валяюсь в трюме со сломанной шеей! Покойник ценой в целых двести рублей, шутка ли!»

*В решете они в море ушли, в решете,
В решете по седым волнам!*

Л и р. «В страну Джамблей»¹

2. КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

ахар знал, что матросская жизнь не сахар. Ведь он вырос в портовом городе и не раз видел неудачников, изгоев, которые пополняли команды судов, уходивших из Охотска.

Сибирь издавна была местом ссылки. Люди стекались сюда, в Охотский порт, надеясь начать новую жизнь. Здесь можно было увидеть бывших каторжников, отбывших срок, или бродяг, которым не удалось пожить в богатствами сибирской тайги,— теперь они возлагали все свои

¹ Перевод С. Я. Маршака.

надежды на море; здесь искали прибежища бунтари и мятежники, скрывающиеся от царских властей. Судовые команды набирались из беглых крестьян и солдат, бродяг с пустыми глазами, буянов и головорезов, горемычных пьяниц и разорившихся мещан. Бывало и так, что простодушные крестьяне после попойки с вербовщиком в портовом трактире приходили в себя только в море, на борту корабля. Тогда уже поздно рвать на себе волосы — возврата не было!

Чтобы заставить эту пеструю компанию работать не покладая рук, судовые офицеры не гнушались любыми средствами. Выполнения команд добивались зуботычинами, пинками, линьками. Иногда в дело шли пистолеты. Драки матросов из-за харчей пресекались беспощадно. Скудный рацион (тухлая свинина и затхлые сухари) только-только не давал матросам умереть с голоду, а жили они в условиях, в которых хороший хозяин и свиней не стал бы держать.

И все же через несколько недель Захар приохотился к жизни на «Екатерине». А между тем многое здесь было ему ненавистно. Он часто думал: «Как можно любить это старое вонючее корыто? Не эта ли смесь любви и ненависти заставляла людей вроде Степана из года в год уходить в плавание?» В этом была какая-то загадка.

Вот и сейчас Захар думал об этом. Он сидел в трюме и доил корову. «Екатерина» тяжело, но упорно шла вперед по беспокойному морю. Волна за волной ударяла о борт и с шипением прокатывалась вдоль корпуса корабля где-то совсем рядом с Захаром. Он сидел на табуретке, раскачиваясь в такт боковой качке, упираясь лбом в теплый коровий бок. Молоко звонкими струйками цыркало в бадью.

В суматохе, царившей на корабле накануне отплытия, никто не обращал на скотину внимания — не до нее было. Когда после выхода в море Захара послали провести ее, он нашел животных в жалком состоянии. Давно не доенные коровы горестно мычали в запущенных стойлах. До смерти перепуганные овцы утопали в грязи. Захар вычистил стойла и закут, отдоил у коров перегоревшее молоко.

С тех пор он старался по возможности присматривать за животной. Раз в день, перед выходом на вахту, он заставлял себя встать пораньше и спускался в трюм. Животные встречали его благодарным мычанием и блеянием.

Команду забавляла его преданность скотине, за ним закре-

пилаась клИчка «корабельный пастух» или «Захар-молочник». Захар отвечал на насмешки широкой, добродушной улыбкой. Пускай смеются, зато он может пить досыта парное молоко!

Наконец Захар разогнул спину. Бадья была наполовину полна. Он перелил молоко в ведерко и накрыл его крышкой. В первые дни ему удавалось донести до камбуза лишь половину надоенного молока, остальное расплескивалось по дороге из-за непрестанной качки. Отдохнув последнюю корову, он напился прямо из бадьи, с наслаждением ощущая, как теплое, пенистое, сытное молоко наполняет его желудок.

Он поднялся на палубу и направился к камбузу. Грузно переваливаясь, корабль шел под проливным дождем. Захар осторожно пробирался по мокрому настилу, держась за поручень. Ледяной ветер швырял ему в лицо полные пригоршни колючих дождевых капель. Пока добрался до камбуза, промок до нитки.

Маленький, белобрысый помощник повара осклабился навстречу Захару, подмигнул:

— Только для господ офицеров и пассажиров.— Воровато оглянувшись, живо налил себе полную кружку: — Нашему брату матросу ни капли не перепадет.

Захар хмыкнул, глядя, как жадно тот глотает молоко.

В этот момент раздался голос офицера. Захару пора было заступать на вахту. К счастью, со временем его перевели в кубрик, а на вахту он стал выходить вместе со Степаном. Народ в команде подобрался вроде бы неплохой, однако попадалось и «сухопутное дурачье» — так окрестил их Степан.

— Кто ищет себе пропитания на море, тот дурак. Поодаль моря меньше горя,— говаривал Степан.— Бывают, однако, дураки морские, вроде меня, и дураки сухопутные. Сухопутный дурак норовит подняться на борт эдаким бывалым моряком. Но попадись он тебе в деле, на вахте — и сразу видно, что это рудокоп или молодец с большой дороги.

Как-то Захар спросил у него, что делает морской дурак, когда впервые поднимается на корабль. Степан расхохотался и ответил:

— Крестится и приговаривает: «Господи, спаси и помилуй меня, дурака!»

Сейчас Захар видел спину бежавшего перед ним Степана. Матросы выскакивали на палубу, под проливной дождь, босиком,

в одних штанах и рубашах. Боцман в просмоленном дождевике был похож на гигантскую черепаху, вставшую на задние лапы.

Надвигался шторм, пора было убирать паруса. Упираясь ногами в палубу, Захар травил канаты; на реи его еще не посылали, там работали только бывалые матросы. Работа шла медленно. Паруса и канаты разбухли, дождь слепил глаза.

Наконец они все же убрали гроты. Но «Екатерина» по-прежнему то становилась на дыбы, как норовистый конь, то снова проваливалась. При каждом таком нырке через ее нос перекатывалась водяная гора.

— А ну, живо на кливер! — крикнул Голуб, показывая рукой в сторону Захара.

Захар опрометью бросился к бушприту, но перед ним уже маячила спина Степана. Тут Захар сообразил, что Голуб, скорее всего, показывал на Степана, а не на него. Но кто знает? На всякий случай он побежал за Степаном: гнев боцмана был страшнее любого шторма.

Степан оглянулся на бегу, кинул через плечо:

— Пошли, молочник!

Степан вскочил на бушприт, ухватился за брус на уровне груди и, осторожно перебирая ногами по канату, натянутому под брусом, начал пробираться к самому краю бушприта. Захар вспрыгнул следом за ним, повис на скользком бревне, норовя по-обезьяньи цепляться за канат пальцами ног. Пока матросы на палубе травили канаты, парус хлопал со звуком пистолетного выстрела.

«Екатерина» заскользила вниз с гребня огромной волны. Захар судорожно обхватил брус, впился ногтями в дерево. Ледяная вода сомкнулась над его головой. Он держался изо всех сил, оглушенный, ослепший, оцепенелый. Нос «Екатерины» стал задираться кверху, бушприт поднимался все выше и выше и, наконец, выдернул из воды Захара. Его легкие горели как в огне. Снова удар водяной горы, снова волна погребла его. Захар держался, захлебываясь безмолвным криком, пока бушприт снова не вытащил его из воды. Они опять нырнули, опять взлетели над водой. Вконец обессиленный, Захар понял: следующий нырок будет для него последним — он разожмет руки, парализованные холодом и страхом.

Но море смилостивилось над ним. После третьего нырка волны стали разбиваться под бушпритом, который все еще раскачивался с головокружительной амплитудой.

Захар перевел дыхание, протер слезящиеся глаза. Оглянувшись на Степана, повисшего над бездной. Тот ответил ему своей всегдашней дерзкой ухмылкой и принялся дубасить кулаком отяжелевший, неподатливый парус. Захар тоже стал сминать непослушную парусину, и в конце концов они все же укротили упрямый кливер.

Вдоль качающегося бушприта они вернулись на палубу. Вахта кончилась. Выплывая воду, дрожа от холода, спотыкаясь, матросы спустились в кубрик.

— Погодите, это еще только цветочки,— пророчил Степан.

Бури с дождем гнали их по шиферно-серым волнам Охотского моря. Капли дождя превращались в льдинки, стегали синие

от холода лица. Молнии освещали завесы дождя, гром грохотал адской артиллерией.

Неделя шла за неделей, а солнце все еще не показывалось из холодных темных туч.

Мерзкая погода все еще донимала их, когда «Екатерина» приблизилась к выходу из Охотского моря в Тихий океан. Это был один из самых опасных участков пути.

В густом тумане судно пробиралось между рифами Курильских островов и южной оконечностью Камчатки. При выходе в открытый океан Захар стоял на вахте.

Свежий ветерок начал вдруг разгонять туман над верхушками мачт. Вот показался клочок голубого неба. Голубое пятно ширилось, все глаза поднялись к небу. Люди затаили дыхание, боясь поверить происходящему чуду. И вот показалось солнце.

Тихое помешательство овладело командой. Все работы прекратились. Улыбки растекались по усталым, изможденным лицам. Кто-то вопил как безумный, кто-то свистел. Захар яростно колотил по чьему-то литому плечу, глядя в небо и крича:

— Солнце! Гляди — солнышко!

Рулевой запрокинул голову и заулюлюкал.

Постепенно на палубе воцарилось благодушное спокойствие. Захар обнаружил, что он барабанит по плечу Голуба. Однако на этот раз боцман не двинул ему кулаком в зубы, сказал только:

— Пошел на шпиль.

Захар сглотнул слюну и понесся выполнять приказание.

Ясная погода продержалась до выхода в океан. Потом небо нахмурилось снова. Судно раскачивалось, скрипело, стонало под напором встречного ветра. Насосы «Екатерины» круглосуточно откачивали воду из трюма.

Захар не отрываясь глядел на темную, низкую, неприветливую землю.

— Алеутская гряда, — пояснил помощник капитана Вронский, высокий, костистый офицер с землистым лицом. Вронский стоял на палубе, закутавшись в свой серовато-синий плащ, неподвижный, похожий на цаплю. И голос у него был хриплый, как у цапли. Захару казалось: вот-вот он захлопает своими серо-голубыми крыльями и взлетит.

— Это самый западный край Алеутских островов. Здесь никто не живет.

Птицы тучей висели над скалами, обглоданными морем. Все было серое, бесцветное в этом мрачном морском пейзаже.

Ревущие ветры с Берингова моря колотили «Екатерину» своими ледяными кулаками. Снежные бури одели такелаж в ледовую броню. Замерзшие снасти, казалось, были выкованы из железа. Лед приходилось скалывать с них топорами. Команде раздали шерстяные носки, рукавицы и шарфы, но шерсть в считанные минуты пропитывалась сыростью. Матросы ходили в мокрой одежде и спали в волглых постелях.

Приятные минуты наступали лишь тогда, когда они снимались с вахты. Вахтенной команде выдавали котелок кипятка, приправленного ромом и сахаром. После первых глотков по телу Захара разливалось блаженное тепло.

Несмотря на штормовую качку, на усталость, Захар продолжал ухаживать за скотом, хотя это и лишало его части законного отдыха. Молоко поддерживало его силы, в то время как остальным матросам, сидевшим на гнилой пище и тухлой воде, уже угрожала цинга.

В декабре «Екатерина» миновала Алеутские острова. День за днем корабль одолевал последнюю сотню миль до Кадьяка, пробиваясь сквозь слепящий снег. В конце месяца они достигли наконец Павловской гавани. Потрепанное бурями, обросшее льдом судно с измученной командой вползло в порт.

Здесь команда получила долгожданную передышку, обсушилась, запаслась свежей водой и провизией. На борт поднялся лоцман, чтобы провести судно по последнему отрезку пути — через Аляскинский залив и дальше на юго-восток, до самой Ситхи. Когда они вновь подняли якорь, команда была полна твердой веры в благополучный исход плавания.

Корабль быстро пересекал залив под тугим ветром. А на материке крутые горные кряжи и ледники нависали над просторными бухтами и извилистыми фьордами. С гор обрушивались водопады и рассыпались дымной водяной пылью. Сквозь разрывы в тумане проглядывали леса, окаймленные бесконечными снеговыми полями.

«Екатерина» шла на юг вдоль этого удивительного берега, когда грянул новый шторм. По сравнению с яростью этого снежного урагана любая прежняя буря выглядела легким дуновением ветерка. Всю первую неделю января с ее короткими сумеречными днями и долгими безнадежными ночами «Екатерина» упорно пробивалась к югу.

На восьмой день шторма они приближались к Ситхинскому заливу, до цели было рукой подать. Ветер гнал с океана волны и разбивал их о крутые скалы Эджкема. «Екатерина» снова обледенела и слушалась руля неохотно, неуклюже, как баржа.

В то утро Захар проснулся рано и спустился в трюм к скоту. Качка и рыскание судна ослабли, настолько оно отяжелело ото льда. Звуки, проникавшие снаружи, были приглушены ледяной шубой «Екатерины». Захар решил, что опасности миновали, спокойствие и тишина показались ему благоприятным знаком. В трюме он чувствовал себя уютно и безопасно. Его подопечные приветственно замычали ему навстречу, коровы выдыхали в зловонный воздух клубы теплого пара.

— Ну-ну, Лизка, потише. Тпру, Васька...

Захар негромко разговаривал с животными, грел руки об их теплые тела. Когда он принялся за дойку, ему стало тепло и дремотно в вязаной шапке, застегнутом полушубке, шерстяных носках и сапогах.

Прислонив голову к теплому боку коровы, Захар задремал и впервые за все плавание проспал вызов на вахту. Он сонно клевал носом и механически продолжал доить с полузакрытыми глазами.

И вдруг весь мир взорвался. Страшный толчок отшвырнул Захара к стенке. Судно судорожно дернулось, замерло и в следующее мгновение его бросило на невидимую, неодолимую каменную преграду. Какая-то жуткая сила со скрипом, треском и скрежетом крушила корпус корабля.

Потрясенный, Захар с трудом поднялся на ноги. Молоко струйками стекало по его сапогам. Он услышал зловещий шум воды, хлынувшей в трюм, и сразу понял, что произошло. Судно наткнулось на риф. Они тонули.

Сломав голову Захар бросился к трапу. Когда он добрался до лестницы, ведущей на верхнюю палубу, сердце готово было выскочить у него из груди. Захар увидел, что часть переборки рухнула. Тяжелые балки и брусья преграждали ему путь. Железные ступеньки лестницы торчали во все стороны под нелепыми углами. Захар глядел на них разинув рот, а судно между тем кренилось и содрогалось.

Позже, вспоминая об этом, Захар не мог понять, как ему удалось одолеть такую неподъемную тяжесть. Здоровенные балки он расшвыривал словно спички. Пыхтя, он расчистил наконец путь к лестнице и вскарабкался на палубу.

Судно глубоко накренилось, нос уже скрылся под водой, палуба вздыбилась под крутым углом. Шторм утих, и снег падал большими мокрыми хлопьями со свинцового неба на искореженный корпус, на обломки рангоута, на перепутанные снасти.

С дальней от Захара стороны, там, где палуба тонущего корабля нависала над самой водой, отваливал парусный баркас. Люди набились в него до самого планшира.

— Стойте! Спасите!

Крича во всю глотку, Захар побежал, заскользил, покатился по заснеженной палубе.

Весла застыли над водой. У румпеля стоял долговязый помощник капитана Вронский. Он обернулся и взглянул на Захара, вцепившегося в поручни. Их разделяло несколько сажень темной воды.

Люди в лодке загалдели:

— Засосет нас из-за него! Из-за одного все пропадем! Отчаливай! Нет больше места!

Лиц не было видно — одни широко разинутые, оружие рты.

Полоса темной воды медленно расширялась. Захар подавлял в себе безумное желание прыгнуть. Он был отменный пловец, но знал, что в этой ледяной воде ему не добраться до лодки.

Тут он увидел шторм-трап, свисавший с поручня. Нижний конец трапа болтался в воде. Захар торопливо начал спускаться по веревочной лестнице, лицом к мокрой обшивке корабля, выкрикивая бессвязные слова. Над самой водой он остановился, с ужасом оглянулся на пропасть, отделявшую его от баркаса. Лодку медленно сносило прочь.

Захар повернулся всем телом и уставился в мрачные глаза Вронского. Их взгляды сомкнулись. Корабль осел, и ноги Захара погрузились в воду. Он висел молча, моля своими глазами.

Весла замерли над водой. Не поворачивая головы, все еще глядя в лицо Захару, Вронский рассек рукой воздух:

— Задний ход.

Вронский подвел баркас к кораблю и протянул Захару руку.

Захар вцепился в нее, благодарно всхлипывая, перебрался в лодку и плюхнулся на дощатое дно у ног матросов. Его била дрожь — от холода и от миновавшей близости смерти. Кто-то дал ему глотнуть рому, кто-то протянул одеяло. Постепенно Захар овладел собой.

Подняли парус, спеша отвести баркас подальше от тонущего корабля. Вронский все время глядел назад.

— Уходит! — воскликнул он.

Все головы повернулись в сторону «Екатерины». Ее нос целиком ушел под воду. Корма медленно задиралась кверху, потом нырнула. Протяжный вздох прокатился по баркасу.

Захар втиснулся на заднюю банку рядом с помощником капитана. Среди сбившихся в кучу людей он искал знакомые лица и не находил.

— Где Степан? — спросил он наконец.

— Погиб, — ответил Вронский.

— А Николай?

— Тоже.

— Сергей?

Он называл имена и получал один и тот же ответ.

— Все погибли, — сказал Вронский, — вся твоя вахта. Всех смыло за борт.

Захар утер снег с лица:

— И Голуб тоже?

— Да, и Голуб тоже. — Помолчав, Вронский спросил: — А ты где был?

Захар виновато ответил:

— Внизу, в трюме, коров доил. Заснул и не слышал, как вызывали мою вахту.

Вронский хмыкнул:

— Считай, что тебе повезло. Похоже, мы потеряли душ тридцать.

Зимний свет накладывал глубокие тени на его осунувшееся лицо.

Захар тупо глядел, как тонут в темной воде снежинки. Он представлял себе гибель скота, запертого в трюме, и оплакивал бедных, безответных животных. Он знал, что печаль по Степану, по остальным товарищам не выплакать никакими слезами.

*Какое счастье, что отец его появился
на свет раньше его.*

С в и ф т, «Изысканная беседа»¹

3. СЛЕД НА АЛЯСКЕ

Тишина была полная, абсолютная. Захар испытывал смутный ужас, безымянный страх. Ему чудилось, что он скользит, плывет как во сне, ничего не видя, не слыша, ничего не касаясь, взвешенный в пустоте, в белом безмолвии. Вот это и есть смерть? Оцепенелость, беспомощность, бесчувственность?

Ужас стиснул его горло, он закричал и очнулся от собственного крика.

Он лежал на дне баркаса, в клубке тел, жавшихся друг

¹ Во всех случаях, где переводчик эпиграфа не указан, перевод выполнен Ю. Пресняковым.

к другу под присыпавшим их снегом. Захар с трудом приподнял голову. Снег сеялся с темного неба; поток воздуха, идущий от паруса, подхватывал снежинки и бросал их Захару в лицо. Вода со свистящим шорохом обтекала корпус баркаса. Какое-то пугало, полузасыпанное снегом, скорчилось на корме над румпелем.

Захар снова провалился в пустоту. Время от времени чувства возвращались к нему: он ощущал движение лодки, видел фигуру Вронского, все еще склонившуюся над румпелем. «Интересно, — вяло думал Захар, — это он что, лодкой правит? Или замерз там, на корме?»

Темный день растаял в темной ночи. Захар потерял ощущение времени. Он понятия не имел, то ли мгновение растянулось в вечность, то ли дни, недели промелькнули как один миг.

Потом был момент, когда Захар поднял голову и красный свет обжег его глаза. Где-то настойчиво звонил колокол. От этого звука было больно ушам. Когда же он умолкнет, даст ему снова провалиться в сон? Но колокол звонил все громче, все назойливее.

Захар задвигался, злобно выругался. Раздирая смерзшиеся ресницы, поднял веки. Из-за снежной слепоты весь мир вокруг казался кроваво-красным. Вронский — расплывчатое красное пятно — по-прежнему висел на румпеле. Парус был спущен, красная полоса скользила по воде. Захар закрыл глаза, пьяный от неодолимого желания спать, спать.

Потом баркас заскрежетал, дрогнул и остановился. Загудели, задребезжали голоса. Не открывая глаз, не разжимая губ, Захар кричал в себе: «Заткнитесь! Не мешайте мне спать!»

Кто-то бил его по лицу. Он застонал. Новые пощечины заставили его открыть глаза. Огненная жидкость опалила его растрескавшиеся губы. Он захлебнулся, сделал глоток. Вокруг него в лодке стонали, мычали люди, которых приводили в сознание пощечинами. Некоторые плакали навзрыд, как новорожденные, когда их шлепками возвращают к жизни.

Их доставили в длинное, низкое здание, похожее на барак. Захара уложили в постель, наспех приготовленную на полу. Кто-то промыл ему глаза, накормил с ложки горячим супом. Захар забылся тяжелым сном.

Он пришел в себя на следующий день, около полудня. Рядом стояла чашка с водой, лежала сухая одежда. Он осторожно промыл веки и обнаружил, что глаза видят намного лучше.

Оказывается, какая-то добрая душа не только раздела его и уложила в постель, но высушила его одежду. Помянув благодарным словом неизвестных благодетелей, Захар торопливо оделся, застегнул полушубок до подбородка. Давно он не знал такого ощущения сухости и тепла. И такого отчаянного голода. Захар облизнул губы и отправился на поиски еды.

Когда он вышел из дома, у него заслезились глаза от тусклого дневного света. Он различал окрестности как бы в тумане, но постепенно это прошло. Вот что увидел Захар, стоя на заснеженном склоне.

Могучий частокол из тяжелых бревен окружал маленький, плотно сбитый городок. Люди, закутанные в меха, спешили мимо по утоптаным тропинкам. Над городом господствовало внушительное двухэтажное здание, расположенное на вершине высокого холма. Под ним сгрудились дома со всевозможными пристройками; из всех труб валил дым. Порт был защищен бастионом. Высокие крыши с крутыми скатами, восьмиугольные башни, церковь с луковицей купола — все это делало город похожим на маленькую крепость.

Дразнящий запах еды доносился из ближнего приземистого строения. Этот запах притягивал как магнит.

Мимо проходил рослый человек в меховой парке. Захар остановил его, назвался: я, мол, из тех, кто спасся с «Екатерины». Громкий, залиvistый смех, раздавшийся в ответ, неприятно удивил Захара: что может быть смешного в кораблекрушении? Впоследствии, при более близком знакомстве с Ильей Мышкиным, Захар убедился, что смеется он часто и охотно, но его смех порой звучит как-то фальшиво, неискренне. Илья был партовщиком, под его началом находились алеуты — охотники на морского бобра.

Илья сказал Захару, что город этот называется Ново-Архангельск.

— Слава богу! — радостно вздохнул Захар.

Илья снова расхохотался и повел его к дому, из которого доносились соблазнительные запахи. Оказалось, что это столовая для холостых промышленников.

Дощатый стол со скамьями занимал всю длину узкого помещения. Люди за столом горбились над дымящимися мисками. С дальнего конца, из кухни, доносились запахи и звуки стряпни. Захар сглотнул голодную слюну.

Илья зашумел:

— Эй, вы, подвиньтесь! Дайте место старому морскому волку. Вот — Захар Петров с «Екатерины»!

Все головы повернулись как по команде. Кто-то сочувственно закричал, кто-то перекрестился. И все внимательно разглядывали Захара. Для него нашлось место на краю скамьи.

Илья уселся на табуретку во главе стола. Откинул капюшон парки (показались редкие русые волосы), черпаком налил Захару щей из дымящегося чугуна.

Захар жадно хлебал густые, наваристые щи. Он быстро опорожнил миску, блаженно вздохнул и утер лицо рукой.

Шлепая босыми, несмотря на холод, ногами, из кухни вышла рослая женщина. Она принесла деревянные миски с тушеной капустой и свининой и корзинки с толстыми ломтями ржаного хлеба. На ней был шерстяной платок и многочисленные юбки, какие носят обычно русские крестьянки. Но на этом сходство заканчивалось. Захар не мог отвести глаз от этой женщины. Вид у нее был величественный. Статная и сильная, с суровым, темным, красивым лицом и черными властными глазами. Она не робела перед мужчинами, скорее мужчины робели перед ней.

Илья искательно обратился к ней:

— Марьянка, принеси нож и вилку для новенького, сделай милость.

Разговор умолк и возобновился только после того, как она принесла прибор и снова скрылась в кухне.

Захар шепнул:

— Кто это, Илья?

— Туземка, из колошей,— вполголоса проворчал Илья.— Мы ее Марьянкой зовем, а настоящего ее имени никто не знает. Колоши не выдают своих имен. Очень свирепый народ, отменные бойцы эти колоши. Один раз даже выбили наших отсюда. А потом сюда пришел из Кронштадта шлюп «Нева», и с божьей помощью...— тут он сморщил свое большое, пухлое, голое лицо в хитрой улыбке,— с божьей помощью и с помощью пушек нашего шлюпа мы вымели этих дикарей из ситхинской крепости.

Захар кивал, продолжая набивать рот пахучим ржаным хлебом. Полушубок он давно уже скинул на пол. Он утолял свой волчий голод хлебом и капустой до тех пор, пока лоб его не покрылся испариной.

Тогда он обратился к сотрапезникам:

— Может, кто из вас слышал о моем отце, Иване Петрове?

Захар рассказал им, зачем он пришел сюда, на Аляску, по памяти описал отца: черные кудрявые волосы, весельчак.

Люди качали головами. Иван Петров — имя обычное, к тому же имя всегда можно переменить. Нет, никто не знал такого.

Но тут на дальнем конце стола раздался писклявый голос:

— Похоже на лейтенанта Спайса. Помните такого? Лейтенанта Спайса.

Захар вытянул шею, чтобы увидеть говорившего — лысого старичка с ввалившимися щетинистыми щеками. Илья зашептал Захару на ухо:

— Это Венька, старожил. Пришел вместе с Барановым в 1791-м. Сейчас он пономарем при церкви. Немного того... — Илья многозначительно постукал пальцем по лбу и захихикал.

Беззубый, шепелявый Венька продолжал:

— Ну да, лейтенант Спайс. Вот тот был кудрявый, ничего не скажешь. Только росточка был малого. Резвый такой, жилочки в нем так и играют. Да нет, пожалуй, мелковат он был, а ты вон какой вымахал. — Венька визгливо закудахтал: — И никакой он был не лейтенант! Это его просто прозвали так — лейтенант Спайс...

Кто-то прервал его бессвязную болтовню:

— Что там у вас случилось, на «Екатерине»?

Захар был первым из спасенных, с кем можно было поговорить. Вопросы так и посыпались на него.

Захар рассказал им, что знал: про страшный шторм, про крушение, как ему удалось спастись. Плавание в баркасе он помнил смутно. Спросили, конечно, почему только он остался в живых из всей вахты.

— Я внизу был, — отвечал он со смущенной улыбкой, — внизу, в трюме. Коров доил.

— Коров доил? — За столом раздался веселый смех.

— А хоть бы и так, зато жив остался, — упрямо сказал Захар.

После обеда он отвел в сторону старого пономаря:

— Я бы кой-чего спросить хотел, про этого — про лейтенанта Спайса.

Что ни говори, а старик мог навести на след, хотя и туманный.

— Ну да, ну да! — закудахтал Венька. — Как же, помню, лейтенант Спайс. Черные кудри у него были, точно как ты сказал.

Он глядел вслед мужчинам, которые гуськом потянулись к дверям. Захар напряженно ждал. Потом до него вдруг дошло: старик забыл, чего от него хотят.

— Похож он был на меня? — спросил Захар.

Венка строптиво затряс головой:

— Я же тебе сказал: слишком он мал, чтобы быть твоим отцом. С чего ты взял, что он тебе отец?

— Ну, виноват, запамятовал, — примирительно сказал Захар. — А чем он занимался, лейтенант Спайс? Что с ним случилось?

— С кем? Ах, этот. Не помню я. То ли помер, то ли подался куда-нибудь: на Умнак, или на Унима, или Кадьяк, а то еще куда.

Захар не подал виду, что разочарован. Зато он понял, как велика Аляска. «Хотя, конечно, — подумал он, — главный правитель Баранов, тот должен знать, что случилось с моим отцом. Уж у него-то живой человек не затеряется».

На следующий день Захар постучался в двери барановского дома — толстостенного строения на вершине холма, господствовавшего над городом. В руках он держал письмо отца Сергия. Сердце Захара часто стучало, в горле пересохло. Еще бы, ведь ему предстояло увидеть самого «Хозяина Аляски».

Стройный человек лет тридцати, в темном костюме, открыл ему дверь. От неожиданности Захар оторопел. Почему-то ему казалось, что все здесь должны ходить только в мехах и шкурах. Кой-как Захар объяснил, кто он такой, сказал и о письме.

— Входи, — кивнул молодой человек. — Я — Куглинов, секретарь главного правителя.

Говорил Куглинов со скучающим видом, руки не подал. Он ввел Захара в небольшую библиотеку и оставил его ждать там.

Захар прохаживался вдоль полок с книгами в красивых кожаных переплетах. Жадными глазами ненасытного книгочея пробегал он названия книг на корешках. На книжных шкафах стояли искусно вырезанные модели кораблей. На стенах висели грамоты. На самом видном месте красовалась — в рамке и под стеклом — грамота, подписанная самим царем, о производстве Баранова в чин коллежского советника. Рядом висела другая — о назначении его главным правителем Российских колоний в Америке. Захар стал было разглядывать их, но тут Куглинов позвал его в кабинет Баранова.

Это была просторная комната, из окон которой просматри-

вался весь Ситхинский порт. В одном углу за столом, заваленным толстенными конторскими книгами, сидел молодой человек в черном сюртуке и что-то усердно писал. Из-за железной печи, вишнево-красной от жара, в комнате было душно, как в парнике. Захар украдкой вытер о полушубок вспотевшие ладони.

За большим письменным столом сидел, нахохлившись, щуплый старик и глядел в окно на гавань. Куглинов подвел к нему Захара:

— Дядюшка, это Захар Петров. У него письмо для вас.

Выцветшие голубые глаза безразлично взглянули на Захара. Захар неуклюже поклонился и вручил письмо. С душевным трепетом глядел он сверху вниз на блестящую лысую макушку, окаймленную седыми волосами.

Секретарь протянул было руку, чтобы взять письмо у старика, но Баранов раздраженно отмахнулся от него.

— Сам, сам прочту,— капризно сказал он.— Оставь меня. Куглинов начал перебирать бумаги на столе.

— Довольно,— проворчал старик,— оставь меня.

Куглинов вышел, всем своим видом выказывая страдальческую снисходительность.

Баранов стал надевать круглые очки в проволочной оправе. Надел одну дужку на ухо, остановился, пробурчал:

— Они тут думают, что я уж совсем из ума выжил.— Взглянул на Захара, очки болтались у него на ухе.— А ты садись, дружок, садись.

Он водрузил очки на нос, вскрыл письмо узловатыми пальцами.

Захар изучал изможденное лицо, пожелтелое, как старый пергамент в библиотеке. Шероховатая, зернистая кожа кадыка обвисла, как сережка у петуха. Концы ярко-голубого шерстяного шарфа были засунуты в шейный вырез синего жилета. Поверх жилета коричневый сюртук из толстой ворсистой ткани.

Захар глядел на Баранова, парился в своем овчинном полушубке, но скинуть его без разрешения не смел. Он разглядывал маски на стенах, деревянные головы жутких, ярко раскрашенных чудищ. На столе стояли изящные маленькие чаши из шифера, украшенные ракушками, и десятки маленьких резных фигурок: киты, медведи, воины из кости и камня.

Старик снял очки, сложил письмо и стал расспрашивать об отце Сергии. Захар добросовестно отвечал на все вопросы, а сам сгорал от нетерпения. Наконец он не выдержал:

— Пишет ли батюшка в письме, что я ищу своего отца?

— А, да-да, написал, как же. Так как бишь звать его?

— Петров, Иван Иванович,— с готовностью подсказал Захар.

Баранов покачал головой. Потом окликнул человека, сидевшего в углу:

— Кирилл!

Молодой человек, лет двадцати, встал из-за стола, заваленного книгами, и подошел к ним. Высокий, светловолосый, в очках. Он дружелюбно пожал Захару руку.

— Кирилл,— сказал Баранов,— посмотри-ка, нет ли в наших реестрах Ивана Ивановича Петрова? Это отец его.

— У нас такой не числится, господин главный правитель,— не задумываясь, отвечал Кирилл,— наш список я знаю наизусть.

Он вернулся к своему столу, заглянул в одну из больших книг:

— Нет у нас такого.

— Уж Кириллу ты можешь поверить, дружок,— кивнул Баранов.— Он у меня ведет все учетные книги.

Кирилл положил книгу на стол, взял в руки другую:

— В каком году он сюда прибыл?

— В 1807-м,— отвечал Захар с бьющимся сердцем. Он и ждал ответа, и страшился его. Что если Кирилл ничего не найдет? Или наткнется на запись: «Умер в одна тысяча восемьсот...»?

Листая страницы, Кирилл говорил:

— 1807-й — ничего. 1808-й — то же. Постой, постой! Иван Иванович, говоришь?

Сердце у Захара ёкнуло. Не в силах выговорить ни слова, он молча кивнул.

— «Петров, Иван Иванович. Крепость Константина, 1808-й год»,— читал вслух Кирилл.— В 1808-м он пошел в крепость Константина в Нучеке, на верфи.

Что-то бормоча, Кирилл принялся за другие книги.

— «Петров, Иван Иванович. Крепость Росс. Ушел в Калифорнию в 1811-м, с Кусковым».

Захар облегченно вздохнул. Но слова эти ничего не говорили ему. Крепость Константина. Росс. Кусков.

Баранов наклонился вперед, улыбаясь всем своим морщинистым пергаментным лицом:

— Долгий был у тебя путь, и все впустую. Вот незадача!

— Виноват, господин главный правитель,— возразил Захар,— может, не так уж и впустую. Я знаю теперь, что отец был здесь, знаю, куда он подался. Ведь и мне туда можно, правда? Крепость Росс — это где же?

— В Калифорнии; четырнадцать сот миль к югу — тоже путь неблизкий,— сказал Баранов.— До весны ни один корабль туда не пойдет.

Захар помрачнел.

— А что же тебе так неймется разыскать его? — спросил Баранов.— Конечно, конечно, он отец тебе. Но ты ведь его и не помнишь толком, ты еще мальцом был, когда он из дому ушел. И, видно, не больно он о тебе горевал, коли десять лет не давал о себе знать. А ты вот готов за ним хоть на край света. Почему?

В глазах у Баранова был живой интерес.

Захар задумался, подыскивая нужные слова.

— Это все верно, господин правитель, правда ваша. Я и сам

понимаю, что он обо мне не больно-то заботился. С глаз долой, из сердца вон — может, так оно и было. Но я-то его любил и сейчас люблю. И помнить о нем не перестал... В школе отца Сергия, — продолжал Захар, — было несколько сирот. Все вроде бы и жалели их, и поглядывали на них как-то... свысока. А я не хотел, чтобы и на меня вот так же глядели. Я не сирота. У меня есть отец, и я его разыщу. Я должен это сделать!

Захар раскраснелся от возбуждения и от удушливой жары в комнате. Он смущенно умолк, но тут же выпалил:

— Поэтому я прошу отпустить меня в Росс, когда туда пойдут корабли.

Слезы стояли в бледно-голубых глазах старика.

— Желал бы я каждому отцу такого преданного сына! — воскликнул он. — А мой-то всё из дому глядит. Дочь замуж вышла, покинула меня, старика.

Он достал большой желтый фуляровый платок и энергично высморкался. Потом сказал:

— Да, я обещаю. Ты пойдешь на юг с первым же кораблем.

— Спасибо, господин главный правитель!

Баранов махнул рукой:

— Не за что, дружок. А свой проезд отработаешь. Ты какую работу умешь делать?

— Плотничать могу, вообще с деревом люблю работать. Отец Сергей отписал вам, наверное, что я и читать, и писать умею, и арифметике обучен.

— Тогда определите его ко мне, господин главный правитель, — вмешался в разговор Кирилл. — Вы мне обещали отдать первого из новичков, который будет грамотен. Одному мне с учетом уже не справиться.

— Ну, коли обещал, быть по сему. Да внеси его в реестр Ново-Архангельска.

В дверях за спиной у старика показался секретарь, молча поманил Захара. Захар еще раз поблагодарил Баранова, поклонился и торопливо вышел из кабинета. В сенях Куглинов сказал ему:

— Мы стараемся не перетрутить его. Старик в последнее время нехорош.

На улице Захар полной грудью вдохнул свежий морозный воздух. «Для того ли я сюда добирался, чтобы попасть в выучку к бухгалтеру? — недовольно спросил он самого себя. — Ну да ладно».

После первых занятий с Кириллом Захар решил, что счетоводство — самое нудное дело на свете. Зато Кирилл утверждал, что это отличное поприще для молодого человека, желающего выйти в люди.

— Главное наше дело здесь — промыслять морского зверя. Однако скажи мне, кто сидит в одном кабинете с главным правителем? Может быть, партовщик? Нет, бухгалтер! И еще запомни: выучись на счетовода — всегда получишь место в первой же промысловой экспедиции на юг. Люди, сведущие в счете, им позарез нужны. Компания всем платит по квитанциям или дает в кредит, поэтому возня с бумажками изрядная. Сам увидишь, что мужики у нас сильны по части охоты, но не по части сложения и вычитания.

Захар отнесся к совету своего наставника со всей серьезностью и трудился не за страх, а за совесть. Для работы Захару отвели маленькую, но уютную комнатенку в задней части барановского дома. В кабинете Баранова всегда толкалась уйма народу, и Захару было непостижимо: как это Кирилл умудряется без ошибки сложить два и два в такой обстановке? Но этот жизнерадостный молодой человек умел работать сосредоточенно.

Когда Захар сошелся с ним поближе, он оценил его по-настоящему. Кирилл был не только предельно вежлив с каждым, но и великодушен. И всегда готов был помочь новичку.

Он познакомил Захара с городом. В бессолнечном молочном свете дома стояли как нарисованные мягкими, ясными красками и не отбрасывали теней. Однажды Кирилл пригласил его прогуляться на склад пушнины, посмотреть на мех морского бобра — калана.

Они прошли мимо порта, где корабли стояли на якоре, закутанные в свои зимние саваны.

Спускаясь с холма по утоптанной тропинке, Захар то и дело оглядывался на город. Над палисадом развевался флаг Российско-Американской компании с двуглавым российским императорским орлом. Под палисадом ютилось селение колошей. В их длинных, низких деревянных строениях помещалось не меньше дюжины семейств зараз. Перед строениями торчали ряды высоких резных столбов с пугающими изображениями людей и животных. Столбы были расписаны яркими красками. Захар стал расспрашивать про этих резных идолов, но Кирилл и сам не знал толком, для чего они.

— Колоши говорят, что эти столбы посвящены их предкам: мол, чем столб наряднее, тем знатнее предок.

Еще Кирилл объяснил, что русские огулом называют «колошами» все индейские племена на островах Архипелага Александра, в том числе и ситхинских индейцев. Несколько лет тому назад ситхинских колошей изгнали отсюда, но в последнее время они снова начали селиться под Ново-Архангельском. Во время их разговора мимо прошли несколько колошей — высокие, гордые, статные люди.

— Не больно-то они похожи на побежденных, — заметил Захар. — А не опасно это — иметь их у себя под боком?

— О нет, нет! — возразил Кирилл. — Они никогда больше не поднимут на нас руку. Их замирили окончательно. Сказать по правде, с ними не церемонились. Нет, с этим покончено.

Они молча продолжали свой путь к складу, каждый думал о своем. Пакгауз, построенный из массивных бревен, выглядел внушительно, как крепость. Кирилл барабанил в дверь, пока пожилой однорукий сторож не открыл им.

Когда глаза Захара освоились с полумраком, он увидел ряды шкур, свисавших со стропил подобно большим летучим мышам. Шкуры были растянуты на сушильных рамках; на деревянных подставках кипами лежали шкуры, готовые к отправке. Повсюду стоял густой запах камфары.

Кирилл снял шкуру длиной примерно в два аршина и шириной в аршин.

— Вот он, лучший мех в мире. Ты поднеси его поближе к двери.

Захар взял шкуру в руки и стал разглядывать ее при белом дневном свете.

— Бобровая, — почтительно произнес Кирилл. — Эту хоть сейчас к скорняку. Хороша, правда?

Захар гладил плотный, блестящий, черный как смоль мех. Мех так и струился под его пальцами, бархатистее бархата, нежнее сливок. Захар прижал мех к щеке, зарылся в него лицом и заурчал от удовольствия.

— По-моему, грех убивать такого прекрасного зверя.

— Для этого компания и обосновалась здесь, Захар. За одну такую шкуру китайцы дадут сотню рублей, если не больше. На одну шубу нужно до пятидесяти шкур. Может быть, вот эта пойдет на императорскую шубу. — Кирилл взял шкуру у него из рук и снова повесил ее. — Калан теперь попадается все

реже, охотникам приходится идти за ним все дальше и дальше.

Кирилл кликнул сторожа, и они ушли.

От пакгауза они спустились еще ниже — к большому, открытому с обоих концов сараю, в котором хранились лодки. Под навесом гуляли сквозняки, пахло зеленым мохом и водорослями. На стенах висели охотничьи снасти и одежда. Байдарки свисали над самой водой. Кирилл показал Захару камлейку — непромокаемую одежду из тюленьих кишок и муклуки — сапоги из кожи морского зверя. Были здесь и ярко раскрашенные деревянные шляпы-козырьки для защиты от дождя, гарпуны с прикрепленными к ним ремнями из моржовой кожи.

— Всю эту снасть придумали алеуты, — сказал Кирилл.

Захар помог ему снять со стойки выдавшую виды серую лодку.

— Байдарка, — сказал Кирилл. — Алеуты делают их из сивучьих шкур. Шкуры натягивают на шпангоут из плавникового леса.

Узкая лодка длиной в четыре человеческих роста покачивалась на воде легко, как чайка. Вся она была обтянута плотной сероватой кожей, посредине — два люка. Вокруг каждого люка кожаная обшивка собиралась складками на манер воротника с пропущенным сквозь него сухожильным шнуром.

— Садись в нее и затягиваешь шнур вокруг пояса, — объяснял Кирилл. — Чувствуешь себя уютно, словно младенец в пеленках.

Захар глядел на байдарку как зачарованный.

— Давай прокатимся, а?

— Нет, это не по моей части. Попроси лучше Илью. Рано или поздно тебе все равно придется познакомиться с охотой на бобра. Илья охотно возьмет тебя с собой в любое время, его хлебом не корми — только дай поохотиться.

— Вот оно что! — рассмеялся Захар. — Ладно, тогда я попрошусь к нему.

*Быстрым, изящным движением я подставил
свой левый глаз под кулак лорда Сэшера.*

У о р д, «Волнующие сцены в Дикси»

4. СТЫЧКА

Был один из тех редких погожих дней, когда сумеречный полусвет в Ново-Архангельске на несколько часов сменяется бледным солнечным светом. В лодочном сарае Илья и Захар готовили байдарку к плаванию.

Рядом с сиденьем первого гребца Илья приладил гарпуны, аккуратно уложил ремни кольцами, чтобы в нужный момент они разматывались легко и гладко. В передний люк лодки сунул метательную дощечку со стрелами.

— Когда собираешься на морского бобра, ружья ни к чему, — сказал он. — Да я и не надеюсь его повстречать, не сезон.

Но снасть всегда держу под рукой, на случай чего.— Его смех гулко отдавался в лодочном сарае.— Залезай.

Захар натянул шапку на уши и скользнул в задний люк байдарки. Он уселся на подстилке из свернутой тюленьей шкуры, вытянул ноги. Поправил капюшон камлейки и затянул вокруг пояса сухожильный шнур люка — маут. Тонкая, гибкая полоска шнура подавалась при дыхании.

Илья забрался в передний люк.

— Пошли!

Одновременно погружая в воду двухлопастные весла, они вывели байдарку из-под навеса в гавань.

Они миновали пустынную верфь, прошли мимо лихтеров, которые покачивались на дышащей зеленой груди бухты, мимо больших кораблей, стоявших на якоре. Морские птицы с криком кружились над их головами в блеклом солнечном свете.

Когда байдарка пересекла невидимый створ гавани, Захар стал ощущать сквозь тонкое дно лодки стремительное движение воды при каждом гребке. Всего несколько слоев кожи отделяли его от бездонной глубины. При этой мысли у него холодок пробежал по коже.

— Илья, ты говорил, что алеутские охотники далеко уходят на этих своих байдарках...

— Ну да, за тыщу миль, за тыщу двести.— Илья бросал слова через плечо в ритме гребли.

— А если байдарка даст течь?

— Тогда гребь к берегу что есть сил! — Илья заржал.— Алеуты всегда держатся в виду берега. Но когда у них худо с мясом, приходится уходить за тюленем далеко в море — до самых островов Прибылова. Живут они почти все на Алеутских островах, а в этих местах не селятся — боятся колошей как огня. Перед охотничьим сезоном я сам к ним езжу, вербую охотников.

Они гребли в свободном ритме, без видимых усилий, но лодка быстро скользила вдоль изрезанного побережья с его бесчисленными фьордами и маленькими бухточками. В некоторых бухтах берег, покрытый галькой, отлого поднимался навстречу еловым и тисовым лесам, стоявшим сплошной могучей стеной. Сквозь пятна снега проглядывал сочный, зеленый подлесок. В иных местах отвесные скалы нависали прямо над водой. Величественные заснеженные поля простирались вдали от мрачных берегов и неугомонного моря.

Захар думал о том, что и отец, наверное, уже видел все это великолепие. Ему представилось, будто отец сидит на заснеженном берегу и смеется, запрокинув голову, откидывая прядь волос со лба.

Мыслями Захар вернулся к той поре, когда ему было лет пять-шесть — хорошее это было время. Мать была еще жива, отец еще не ушел из дому. Захар помнит, что отец тогда помогал строить дом на песчаной прогалине у реки. В один весенний воскресный день отец повел его на стройку. Там было пустынно. Штабеля бревен на солнцепеке пахли смолой.

Когда они добрались до этого места, у Захара уже подвело живот от голода. И тогда отец начал творить чудеса. Из-под полы куртки он достал маленький плоский котелок и послал Захара по воду, а сам тем временем развел костер. Как только вода закипела, отец стал доставать из своих бездонных карманов всевозможную снедь. Захар не мог оторвать восторженного взгляда от сияющих глаз отца. Доставая что-нибудь из кармана, отец всякий раз приговаривал: «Ну-ка, скатерть-самобранка!» — и выкладывал на расстеленную тряпицу яйцо, или краюху хлеба, или кусок мяса. И даже вынул маленькие фунтики с чаем и солью.

Отец казался мальчику самым замечательным чародеем на свете. Захар ликовал при каждом новом чуде и требовал: «Еще! Еще!»

Но всему приходит конец; и они принялись за крутые яйца, мясо с хлебом, обжигались горячим чаем — на вырубке у реки, где солнце превращало песок в крупитчатое золото. Все имело свой неповторимый вкус, и они были счастливы безмерно.

Погрузившись в воспоминания детства, Захар перестал работать веслом. Илья оглянулся на него.

— Ты греди будешь? — спросил он ехидно. — Я к тебе в гребцы не нанимался!

Захар встрепенулся и заработал веслом во всю мочь.

Но через несколько минут отлынивать стал Илья. Усевшись вполоборота, он заговорил об алеутских охотниках. Само слово «алеут» звучало у него как бранная кличка.

— И до чего же они тупые, эти недомерки, боже ты мой! Не хватает соображения запастись едой на зиму или там избу построить, как все люди... Нет, живут в каких-то норах. Вместо ламп у них рыба-свечка, есть такая рыба, вроде корюшки.

Проденут фитиль сквозь сушеную рыбу-свечку и зажгут. Уф! Вонюща! Лампа с ворванью покажется чистым ладаном. И еще чем только у них не воняет: и выдержанной тюлениной, и тухлой рыбой, и самими алеутами. Сунь только голову в эту нору... Боже мой! Вонь так и шибает в нос, воздух — хоть топор вешай.

Илья окунул разок свое весло в воду и продолжал:

— У нас некоторые этих алеутов и за людей не считают. Они, мол, где-то между людьми и собаками. Но я не таков. Я к моим алеутам отношусь совсем как к людям. Я почитай-то и не бью их вовсе, когда мы их собираем и увозим с собой на промысел. Как же, я даже даю им имена, настоящие русские имена. — Он снисходительно улыбался.

Захар глядел на него и думал: «Экий же ты, брат, сукин сын, даром что улыбаешься во весь рот».

Они приближались к маленькому заливику, окаймленному высокими елями. Илья стал править ближе к берегу, туда, где колыхались на волнах огромные темно-зеленые плети ламинарии — морской капусты. Илья тихо сказал через плечо:

— Кончаем разговоры. И не двигайся. Если повезет, может повстречаться бобр. Они приходят к таким пластам водорослей за ракушками.

Илья привязал свое весло скользящим узлом к петле на байдарке, по левую руку от себя. Отвязал гарпун, приладил его поудобнее под правой рукой. Байдарку медленно сносило к берегу.

Захар тоже привязал свое весло и стал разглядывать пласты морской капусты. Луковицы этой водоросли были похожи на коричневые головы, широкие плети колыхались, как плавники.

Илья зашептал:

— На обычной охоте мы выстраиваем лодки в круг и ждем. Вынырнет бобр глотнуть воздуху, а мы его — вжик! Или тискаем бобреныша в лодке, пока мамаша не приплывет на его визг.

Захар не отрывал взгляда от водорослей. Байдарку плавно покачивало. Постепенно у Захара начали неметь ноги. Он поерзал и подтянул одну ногу под себя, потом снова вытянул обе ноги. Илья грозно оглянулся. Захар перестал ерзать, но теперь начало ломить спину. С берега доносилось воронье карканье и отдаленная барабанная дробь дятла. Байдарка медленно дрейфовала боком к волне, постепенно приближаясь к берегу.

Вдруг он заметил, что Илья застыл в напряженной позе, пристально глядя перед собой. Захар повернул голову в направлении его взгляда — и тоже увидел бобра.

Бобр лежал на воде брюхом кверху, усатая морда глядела прямо в небо. Его перепончатые задние лапы покоились на воде точно так же, как ноги человека покоятся на скамеечке. На груди его лежала большая устричная раковина.

Бобр обедал. Он придерживал раскрытую раковину одной передней лапой, а длинными когтями второй выковыривал из нее мясо, совершенно так же, как мы выковыриваем ядро ореха из скорлупы. Он жевал свою пищу не спеша, с видимым удовольствием и при этом был удивительно похож на дородного купца за воскресным обедом.

— Только салфетки недостает, — фыркнул Захар.

Его раширало от веселья. Что-то смешное было в этом зверьке, смешное и трогательное. Захар никогда еще не видел такое обаятельное существо, он глядел на бобра как зачарованный, забыв обо всем на свете. Большие блестящие глаза бобра были устремлены на раковину, он явно не замечал байдарку.

И тут Захар увидел, что Илья взял в руки гарпун. Медленным, почти неуловимым движением он приподнялся на одном колене и заносил оружие со стальным забуренным острием.

Не задумываясь, Захар выкрикнул: «Не надо!» — качнулся вперед и схватил Илью за руку. Байдарка заплесала на воде.

Гарпун был брошен прежде, чем успел отзвучать крик Захара. Стальное острие пролетело совсем рядом с головой бобра и скрылось под водой.

Бобр нырнул с отчаянным всплеском, и на том месте, где он только что покачивался на волне, закрубился маленький пенный водоворот.

— Ах ты сукин сын! — взревел Илья. — Что ж ты делаешь?

Он повернул багровое от ярости лицо к Захару, казалось, он вот-вот разрыдается. Этот внезапный порыв, это желание во что бы то ни стало спасти красивое животное было неожиданностью не только для Ильи, но и для него самого.

— Прости, Илья, — сказал он совершенно искренне, — я ведь не хотел... Я не нарочно...

— Да как же не нарочно, шут ты гороховый! За руку меня схватил, вспугнул зверя, чуть лодку не опрокинул — и все не нарочно? Убить тебя мало! — Он окинул Захара яростным взглядом.

Байдарку по-прежнему сносило к берегу.

— Ну ладно, Илья, я виноват. Так неожиданно все случилось. Ей-богу, я не хотел мешать тебе.

Илья засипел от злости:

— Нет? Так чего же ты хотел, черт тебя подери!

— Сам не знаю. Я же говорю, это вышло нечаянно.

Злобно ворча, Илья отвернулся и стал подтягивать гарпун. Привязав его к петле, он взялся за весло.

— Ладно, давай сматываться отсюда.

Всю дорогу Илья яростно работал веслом и чертыхался не переставая. Захар отмалчивался. Он вроде бы и сочувствовал разочарованию заядлого охотника, но в глубине души нисколько не раскаивался в своем поступке. Этот бобр, так безмятежно поедавший свой обед у него на глазах, был для него чем-то большим, чем бездушная тварь. Он вспомнил проповедь отца Сергия о милосердии ко всему живому и только теперь понял по-настоящему смысл этих слов. Так, значит, это и есть милосердие? Как бы то ни было, на душе у него было хорошо.

На другой день правитель Баранов давал банкет в честь спасшихся с «Екатерины». О барановских застольях шла слава по всем тихоокеанским портам, не один из заезжих шкиперов оказывался под столом после безуспешной попытки перепить правителя.

Банкетный зал правительского дома был украшен гирляндами из свежих веток. На возвышении в глубине зала стояло фортепьяно, какой-то рыжеволосый моряк негромко наигрывал на нем мелодии русских песен. В ожидании выхода главного правителя гости толпились у бокового стола с напитками.

Посредине зала стоял длинный стол, покрытый камчатной скатертью и уставленный бесчисленными блюдами с мясом, рыбой, пирогами, соленьями и вареньями. Свет ламп и свечей в канделябрах отражался в граненом стекле, фарфоре, серебре. Весь зал искрился, праздничный, нарядный, роскошный. Смех и говор сливались в сплошной гул, похожий на жужжанье пчелиного роя.

Подавленный праздничным великолепием, Захар нерешительно остановился в дверях. Он никого не узнавал в этой нарядной толпе.

Впрочем, он и самого себя с трудом узнал бы в костюме, купленном в кредит в лавке компании. Домотканая рубаша уступила место фракной манишке, уголки воротничка подпирали подбородок. На нем был галстук в голубых цветочках. Новые штаны со штрипками туго обтягивали его ноги, он выглядел в них стройным и длинноногим. Кирилл одолжил ему свой ярко-голубой фрак. Новые элегантные сапоги ослепительно блестели. Захар взял в долг у компании свой оклад за несколько месяцев вперед, чтобы приобрести эту экипировку, хотя и подозревал, что ему никогда больше не представится случай носить ее. После работы он провел несколько часов в бане и теперь блестел, как новенькая монета. Волосы были подстрижены и приглажены. Белье Захара благоухало свежестью.

Захар не решался переступить порог: он боялся, что не сумеет вести себя как следует в этом обществе и будет выглядеть деревенским мужланом. Тут он заметил в дальнем углу аккуратную русую голову и блеск очков Кирилла. Приободрившись, Захар протолкался к нему.

— Ты выглядишь, как модная картинка! — воскликнул Кирилл. — Прямо с парижских бульваров!

Захар простодушно рассмеялся и стал охорашиваться, осторожно вертя головой, чтобы не напороться на острые кончики накрахмаленного воротничка. Кирилл представил его своим знакомым, и мало-помалу Захар совсем освоился.

Смеясь над какой-то шуткой Кирилла, Захар неосторожно повернулся и наступил на ногу кому-то, стоявшему сзади. Он оглянулся и оказался нос к носу с насупленным Ильей.

— Ох, извини, пожалуйста!

— Поосторожней, деревенщина! — проворчал Илья.

Захар извинился снова, но это только подлило масла в огонь. Казалось, даже черный фрак Ильи распирало от ярости.

— Ну как, кому ты сегодня испортил охоту? — спросил он с издевкой и залился громким смехом.

— Я же извинился, Илья!

— Ну да, ясное дело. Извинился! — Илья повернулся к Кириллу и громко продолжал: — Из-за этого олуха я вчера лишился бобра, отличного бобра! Он схватил меня за руку как раз, когда я собирался метнуть гарпун.

Теперь Илья изливал свою досаду, обращаясь ко всему залу. К ним подходили, улыбаясь. Кирилл заговорил о чем-то другом, но Илья не дал себя отвлечь.

— Ты ведь это нарочно сделал, верно? — Илья вплотную придвинулся к Захару, обдавая его запахом рома. — Только я собрался бросать гарпун, — обратился он к окружающим, — как этот олух схватил меня за руку!

— Нет, не нарочно, — возразил Захар. — Я же тебе говорил: меня самого словно что-то толкнуло. — Пьяная настырность Ильи раздражала его. — Но я тебе вот что скажу, — добавил он, — теперь я об этом не жалею. И зверю жить надо.

Вокруг него раздался удивленный ропот. Большинство явно разделяло возмущение Ильи. Кое-кто поглядывал на Захара со снисходительной усмешкой. Кирилл настороженно молчал.

Какой-то коренастый человек с красным галстуком бросил Илье: «Опять за старое? Вылакал пару рюмок и лезешь в драку!» — и отошел прочь с негодующим видом.

Захару не хотелось затевать ссору с партовщиком, тем более здесь. Он сказал рассудительно:

— Что-то такое было в этом бобре — я этого не могу объяснить. Просто я никак не мог допустить, чтобы ты убил его. Он тоже имеет право на жизнь.

Илья яростно запыхтел, на багровом лице выступили капельки пота.

— А если ты будешь подыхать с голоду? Тоже будешь твердить, что он имеет право на жизнь? А сам издохнешь? Или все-таки убьешь, чтобы спасти собственную шкуру?

— Конечно, тогда и я убил бы. Но я не о том говорил, ты моих слов не перевирай. Одно дело — убить, когда помираешь с голоду. И совсем другое — загубить безвинного зверя, чтобы кто-то там шубу себе сшил из его шкуры.

Илья собирался запальчиво возразить, но тут Кирилл с видимым удовольствием провозгласил:

— Господа, главный правитель!

Зал затих. Баранов вошел, опираясь на руку своего секретаря.

Черный мундир коллежского советника свободно висел на его исхудавшем теле. На шее — орден святой Анны, на ногах — черные туфли с серебряными пряжками. Черный парик съехал набок. Баранов улыбался и кланялся, довольный своими гостями, своим праздником и самим собой.

Внесли большую пуншевую чашу и водрузили ее посередине стола, раздали бокалы. Баранов провозгласил первый тост — это был знак, что банкет официально открыт.

Прислуга разносила подносы с пирожками. Кирилл взял

два пирожка, Захар последовал его примеру. Илья снова отчалил к столу со спиртными напитками.

— Ты ешь побольше,— советовал Захару Кирилл,— а пунш пей маленькими глотками. Смотри не опьяней с непривычки.

Но Захар не в силах был устоять перед сладким, горячим пуншем.

— В жизни ничего такого не пробовал,— то и дело приговаривал он,— боже, до чего же вкусно!

Баранов провозглашал один тост за другим. Гости не скупилась на ответные здравицы, и главный правитель охотно чокался со всеми. Пуншевую чашу наполняли снова и снова, и румянец на щеках Баранова становился все ярче.

Захар слонялся по залу с рюмкой в одной руке, с пирожками в другой и с улыбкой до ушей. Он повстречал старого пономаря Веньку и чокнулся с ним. Однорукий сторож оказался очень славным человеком, Захар выпил с ним тоже. А первый помощник капитана «Екатерины» Вронский — ведь это он спас ему жизнь! Было бы просто невежливо не выпить за его здоровье. Весь зал светился мягким розовым светом; Захар был счастлив, он заливался блаженным смехом в ответ на любое слово. Каждый был ему другом, ему было так хорошо здесь, среди лучших своих друзей!

Вдруг перед ним оказался Кирилл, вернее, два Кирилла. Бухгалтер то раздваивался, то снова сливался. Захар тарашил на него глаза, покачивался на непослушных ногах и хихикал.

Оба Кирилла хмурились:

— Захар! Ты пьян. Пойдем, поешь чего-нибудь.

Во время ужина хор на помосте пел русские песни. Баранов сидел во главе стола с сияющей улыбкой, его парик лихо съехал набекрень. Когда певцы грянули «Ум российский промыслы затеял...» — песню, сложенную самим Барановым, на глазах у него выступили слезы.

После ужина гости столпились вокруг фортепьяно. Захар был в их числе. Плотный ужин ослабил действие пунша, Захар снова твердо стоял на ногах, но ощущение блаженной сытости не покидало его.

Внесли новую чашу с пуншем, снова пошли по рукам бокалы.

— Пей до дна, пей до дна! — восклицал рыжий моряк, барабанил по клавишам одной рукой.

И все дружно пили до дна. После каждой песни кто-нибудь провозглашал очередной тост.

Захар подтягивал про матушку-Россию, и в груди у него словно таяло что-то. Глубокая печаль боролась в нем с чувством безбрежного счастья. Он чувствовал странную дрожь в неверных ногах. Ему вдруг стало нестерпимо жарко и душно, он с трудом дышал в этой шумной толпе, сгрудившейся вокруг фортепьяно.

Подчеркнуто аккуратно он поставил свой бокал на фортепьяно и заспешил к двери. И тут, круто повернувшись, он нечаянно задел Илью, который как раз подносил рюмку ко рту. По белой рубашке Ильи потекла струйка пунша. Захар растерянно глядел на растущее желтое пятно и бормотал:

— Виноват, виноват, виноват...

Комната накренилась, в голове жужжал пчелиный рой.

— Скотина! — взревел Илья, неуверенно шаря рукой по манишке.

Захару показалось, что Илья раздувается у него на глазах и вот-вот лопнет, как лягушка из басни. Это было так забавно, что он невольно прыснул.

Илья угрожающе понизил голос:

— Давай выйдем.

— Конечно, давай. Здесь слишком жарко, — согласился Захар, ухмыляясь, и поплелся к дверям следом за Ильей.

Неожиданно для себя он обнаружил, что стоит на заснеженном склоне под стенами барановского дома. В ясном ночном небе мерцали сине-белые языки северного сияния.

Илья скинул фрак прямо в снег и пошел на Захара, который лишь теперь понял, что происходит.

Захар попытался принять позу опытного кулачного бойца: грудь колесом, челюсть решительно выдвинута вперед, кулаки подняты. Морозный воздух немного освежил его голову, но ноги стояли нетвердо.

Илья набросился на него, работая кулаками, ногами, коленями. Он пнул Захара в живот; тот сложился пополам, но Илья тут же выпрямил его сокрушительным ударом в челюсть. Захар мотнул головой и растянулся на снегу. В затылке что-то хрустнуло, челюсть превратилась в сгусток жгучей боли.

Он стал на четвереньки, кое-как выпрямился. Горизонт полыхал дрожащим светом. Фигура Ильи плыла в сине-белых сполохах, медведем надвигалась на него. Захар успел увидеть, как столбы света взорвались в ослепительной вспышке. Потом свет померк, и Захар погрузился в темноту.

О моя Америка! моя новонайденная земля.

Д о н н, «Элегии»

5. КРЕПОСТЬ РОСС

Захару казалось, что весна приходит на Ситху нерешительно, как взволнованная невеста,— робкими шагами, с сияющими глазами. Лед и снег таяли в нестойком дневном тепле и снова замерзали ночью. В теплые дни город был полон бульканья, журчания, всплесков воды, рвущейся на волю из долгих ледяных объятий зимы. Со скатов крыш повисли сосульки, и капель запела свое неугомонное «плонк-тинь-плонк!».

Порт зашевелился, как человек после долгого сна. Вокруг кораблей, готовящихся к отплытию, водяными жучками сновали лодки. Илья отправился на дальние острова, чтобы набрать алеутов-охотников. После того кулачного боя Захар сторонился

его. Обида постепенно улеглась, но он окончательно невзлюбил задиристого партовщика. Илья тоже делал вид, что Захар для него не существует. Стычек между ними больше не было.

В апреле Илья вернулся, и в порт одна за другой начали приходить байдарки. В каждой кожаной лодке сидели по два низкорослых, коренастых алеута. Для Захара все они были на одно лицо. У всех были плоские, широкие лица с высокими скулами, кожа цвета слабого чая, глаза с косым разрезом и прямые угольно-черные волосы. Все они были в кожаных штанах, камлейках — длинных рубахах, сшитых из тюленьих кишок, и в меховых или кожаных парках. Ярко раскрашенные деревянные шляпы привязаны ремешком под подбородком.

В конце апреля Захар поднялся на борт «Златоуста», отплавившего в крепость Росс. Тяжелый и медлительный бриг с низкой осадкой поднял флаг Российско-Американской компании и русский вымпел. «Златоуст» вез алеутов-охотников с их байдарками и большую партию товаров.

Захар покидал Ново-Архангельск с пустыми карманами, на последние монеты — «марки» он купил подарки друзьям. Но жизнью он был доволен. Должность учетчика продвинула его на несколько ступенек вверх по сравнению с прежним положением рядового матроса. Теперь он спал не в кубрике, а в одной каюте со вторым помощником и столовался в кают-компании вместе с капитаном Рошиным, обоими его помощниками и Ильей.

Захар ежедневно имел дело с алеутами. Их добычу или отсутствие таковой — так как охота была плохая — он записывал в учетную книгу. Однако узнать кого-нибудь из них поближе Захару никак не удавалось. У алеутов была своя линия поведения, выработанная почти вековым опытом общения с русскими: они безропотно подчинялись любым приказам с безразличным видом. Уступчивость алеутов, которую Захар принимал за бесхарактерность, возмущала его. Но на все попытки Захара сблизиться они отвечали холодным равнодушием.

Эта молчаливая неприязнь огорчала дружелюбного, бесхитростного Захара. Однажды вечером он заговорил об этом с Петей, вторым помощником капитана: они сидели вдвоем за поздним ужином.

Петя поджал маленькие пухлые губы. (Захара всегда удивляло, что у дородного и широкогрудого второго помощника такие мелкие черты лица.)

— Чего ты, чудака человек, огорчаешься? — сказал Петя. — Не стоят они этого. К тому же это такой народ: ты им только палец протяни, а они уже норовят всю руку отхватить. Вроде этой вот...

Он кивнул в сторону буфетной, где, как он полагал, подслушивала горничная. Молодая, но толстая и всегда мрачная алеутка пользовалась особой благосклонностью капитана и прекрасно отдавала себе в этом отчет. Обслуживая любого, кроме самого капитана, она с угрюмым вызовом швыряла тарелки на стол. «Уж в ней-то рабской покорности нет и в помине», — подумал Захар.

Второй помощник продолжал:

— И не набивайся ты им в друзья, мой тебе совет. Ты, Захар, простая душа, они тебя живо вокруг пальца обведут.

Эти слова заставили Захара задуматься. Может быть, Петя и прав? Ведь не он один так думает.

Алеуты по-прежнему сторонились Захара. Ну и черт с ними! Значит, они в самом деле не такие, как все. И Захар тоже стал говорить «эти алеуты» презрительно, как Илья.

Чем дальше уходил «Златоуст» на юг, тем неудачливее становилась охота. Иногда охотники уплывали на своих байдарках на несколько дней и возвращались с пустыми руками. Захар ни разу не слышал, чтобы хоть один из них пожаловался. «Златоуст» шел под парусами вдоль берегов Калифорнии и бросал якорь чуть ли не в каждой бухте. Алеуты уходили на заре и поднимали свои байдарки на борт судна только в сумерки. По их мрачным лицам Захар видел, что и сегодня ему ничего записывать не придется.

Когда Захар проснулся утром первого мая, «Златоуст» стоял на якоре у входа в небольшую бухту. День был погожий, и легкий бриз доносил с берега свежий запах сырой земли.

— Вон он, Росс! — сказал чей-то голос на палубе.

Прежде чем сойти на берег, Захару пришлось изрядно потеть над своими учетными книгами. Илья и его охотники давно уже отплыли на своих байдарках. Капитан Рошин тоже отбыл на встречу с Кусковым, правителем крепости Росс. Корабельная шлюпка уже не один раз прогулялась к берегу и обратно, когда Захар наконец забросил в нее свой тючок и сам спустился следом. На веслах сидели два матроса.

Захар уселся на корме, распахнул полушубок, снял шапку. Ласковый ветерок обвеивал его лицо.

Берег был усеян каменными столбами, изрезан фьордами и бухточками. Рядом с бухтой, в которую входила шлюпка, была еще одна, точно такая же. На высоком плато над бухтой Захар увидел палисад крепости из тяжелых бревен, теплый коричневый цвет которых был особенно приятен для глаз на фоне ясного высокого неба невероятной голубизны. Над одним из углов палисада выступала крыша массивного блокгауза. Холмы, покрытые рыжеватой травой, волнами поднимались навстречу лесистому горному хребту, который издали казался фиолетовым. После холодного, пугающего великолепия Аляски Захару показалось, что этот край приветственно протягивает навстречу ему свои загорелые руки. Он полюбил Росс с первого взгляда, почувствовал себя так, словно возвратился домой из долгих странствий по негостеприимным краям.

Вокруг палисада разбежались во все стороны хижины, склоны ближайших холмов были покрыты садами. Впадавшая в бухту речка прорезала глубокую лошину справа от крепости. На берегу стояли всевозможные строения: сарай для байдарок, кузница, верфь с остовом небольшого корабля. И всюду были люди.

Как только шлюпка ткнулась в песок, Захар выпрыгнул и побежал к людям, работавшим на берегу, надеясь увидеть отца. Но отца не было среди них. Тогда он направился к высокой крутой лестнице, вырубленной в красной почве отвесного берега, и начал торопливо подниматься вверх по ступеням.

На полпути он остановился, чтобы перевести дыхание, оглянулся. За ним осталось не меньше восьмидесяти ступенек, впереди было еще больше. Захару казалось, что земля колеблется под ним в такт колыбанию моря. «Златоуст» со спущенными парусами был похож на неуклюжего сонного человека.

«Интересно, как выглядит теперь отец? Узнаю ли я его?» Подгоняемый этими мыслями, Захар снова заспешил вверх.

Наконец он одолел бесконечную лестницу и, отдуваясь, зашагал по лужайке к палисаду. У крепостной калитки показался капитан Рошин — елеяного вида человек с жирной кожей и густо напomaженными волосами. В любое время дня, в любую погоду он ходил в теплой шерстяной одежде. Человека, который шел рядом с Рошиным, Захар ни разу в жизни не видел, но тут же догадался, кто он.

Человек с деревянной ногой¹, шагавший рядом с Рошиным, был правитель крепости Росс — Кусков. Пока Захар шел им навстречу, он вспоминал все, что ему было известно о Кускове.

Лет двадцати с небольшим тотемский мещанин Иван Кусков отправился на Аляску вместе с Александром Барановым в качестве его приказчика. Сноровистый и смелый, он вскоре стал правой рукой правителя русских владений в Америке. Кусков основывал фактории в глухих и далеких местах, выполнял другие ответственные и опасные поручения Баранова.

Наступило время, когда Российско-Американская компания решила шире развернуть свои операции на Тихоокеанском побе-

¹ Джин Монтгомери изображает Кускова одноногим. Вероятно, она использовала недостаточно обоснованную версию американского историка, что Кусков потерял ногу в бою с индейцами.

режье. Компании нужно было основать хотя бы одно поселение в более теплых краях, где можно было бы выращивать хлеб для северных поселений. До сих пор припасы доставляли на Аляску морским путем из России, но не всем кораблям удавалось одолеть этот долгий и опасный путь. Новую колонию решили основать на Калифорнийском побережье. Это земледельческое поселение, защищенное крепостью, должно было стать опорным пунктом компании также в торговле с испанскими поселениями, лежащими к югу.

И снова Баранов послал на это дело своего безотказного помощника Кускова. Преодолев бесчисленные препятствия, Кусков в 1812 году заложил крепость на прибрежном плато и стал первым ее правителем. Испания сыздавна предъявляла претензии на всю Калифорнию и поэтому потребовала, чтобы русские убралась оттуда. Но испанцы были слишком слабы в Калифорнии, чтобы настоять на своем. Проявив недюжинные дипломатические способности, Кусков сумел избежать открытого столкновения, и теперь, шесть лет спустя, поселение Росс процветало.

Когда Захар приблизился к стоявшим у калитки, Рошин сказал:

— А вот и он сам.

Маслянистое лицо капитана, казалось, дымилось под солнечными лучами. Кусков был в легкой рубаше, худощавый, чуть выше среднего роста. Держался он уверенно и властно. Его загорелое, обветренное лицо было тщательно выбрито. Стальные серо-голубые глаза, четко очерченный выразительный рот, волнистые русые волосы.

Рошин направился к лестнице — он торопился на корабль. Кусков крикнул ему вдогонку:

— Я велю послать на корабль говяжью тушу и овощей для команды! — Потом повернулся к Захару: — Значит, ты и есть Захар Петров. Здравствуй, — и протянул руку.

Его рукопожатие было крепким. Захар опустил свой тючок на землю и протянул Кускову письмо от Баранова.

Кусков бегло проглядел письмо. Поднял голову и окинул Захара спокойным оценивающим взглядом.

— Господин главный правитель тебя хвалит.

Захар смущенно молчал.

— «Образованный. Способный. Не боится любой работы...» — вслух читал Кусков. — В отличие от каторжников и никчемных работников, которых к нам присылают в нынешние времена, За-

хар мне показался человеком дельным и совестным. Если вышколишь его как следует, из парня будет толк. Со временем может стать добрым помощником...» — Кусков широко улыбнулся. — Ну что ж, раз такое дело, рад видеть тебя здесь. Весьма рад.

— Батюшки светы! — растерянно пробормотал Захар и добавил более уверенно: — Спасибо на добром слове, господин правитель!

— Говорят, ты приехал, чтобы разыскать отца.

— Да, верно.

— Зачем?

Захар коротко рассказал свою историю, описал свое путешествие из Охотска. Кусков слушал внимательно, не перебивая. Потом сказал:

— Вообще-то у меня для тебя неважные новости, Захар.

Захар похолодел. Он безмолвно глядел в синевато-стальные глаза правителя.

— Нет здесь твоего отца, — продолжал Кусков. — Ушел он на Сандвичевы, то бишь на Гавайские острова...

У Захара было такое чувство, словно его ударили кулаком под ложечку. Видно, это отразилось на его лице, потому что Кусков поспешил добавить, дружески положив руку ему на плечо:

— Но он скоро вернется, Захар. Я ручаюсь.

Захар отвернулся. Он боялся, что не выдержит и разревется от разочарования. Все его надежды рушились, как карточный домик. Внезапная волна гнева захлестнула его:

— Да что ж это он вечно шляется, словно цыган какой! Сколько верст я за ним отмахал, а он снова сбежал!

Кусков махнул рукой.

— Такой уж он у тебя уродился. Вечно тянет его куда-то. Вообще-то я надеялся, что после этого плавания он уговорится, потому и отпустил его.

— Как же это так вышло?

— Компанейский наш корабль, «Кама», шел с Ситхи на Гавайи, в пути попал в шторм и заглянул к нам на ремонт. Отец твой помогал его чинить. А тут как раз корабельный плотник расхворался. Петров вызвался заменить его, я согласился. «Кама» вернется месяцев через пять-шесть.

Захар вздохнул. Ничего не оставалось, кроме как ждать отца здесь.

— Твой отец непременно вернется на «Каме», — продолжал Кусков. — Я и сам жду его не дождусь. Тут вот какое дело. Жена его — дочь здешнего индейского вождя, мы зовем его тойоном. Так вот, тойон решил, что отец твой ее бросил...

— Жена? Моего отца? — опешил Захар.

— Да. Тойон очень недоволен, а мне с ним ссориться не с руки. Люди его племени у нас работают, без них нам не справиться. Вообще положение не из приятных, щекотливое. Ты об этом, Захар, крепко помни, когда увидишься с тойоном; а ты с ним, конечно, увидишься.

Но эти слова влетели Захару в одно ухо и тут же вылетели в другое — так он был озадачен известием о женитьбе отца.

— Отец женился? А разве здесь есть священник? И церковь? — Захар вспомнил наставления, которые вдалбливал ему отец Сергей.

— Нет у нас ни священника, ни церкви.

— Стало быть, отец не мог венчаться.

— Да нет же, они женаты по всем правилам, — возразил Кусков, — и по русскому обряду, и по индейскому. Я сам их и венчал.

— Это как же: вокруг ракитового куста? Без церкви, без священника венчание силы не имеет. Уж вы извините меня, господин правитель, — Захар покосился на улыбающегося Кускова, которого явно забавлял этот разговор.

— Женился он, дружок, все было честь честью, можешь мне поверить. Я ведь уполномочен заключать браки, совершать крещения и погребальные обряды — вообще все, что надлежит делать священнику.

Выходит, изменил отец памяти матери. Захар вздохнул.

— И многие здесь... гм... женятся на индианках?

— Да порядочно. Русских женщин здесь нет. Я эти браки одобряю. И жить веселее, и с местными дружнее. Пусть они видят, что мы здесь не на день-два, а надолго. А вот отъезд твоего отца испортил мне всю музыку. Я хочу, Захар, чтобы ты относился к этим людям уважительно. Один бог знает, как встретит тебя тойон после отъезда твоего отца.

— Да, господин правитель.

Захар задумчиво глядел на часового у ворот. Солдат был в обычной форме: мундир с поясом, фуражка, шаровары заправлены в сапоги.

— Может, лучше не говорить, кто я такой?

Кусков повернулся к нему всем телом и посмотрел в глаза.

— Нет,— резко сказал он.— Каждый, должно быть, уже знает о тебе. Здесь все сразу становится известно, иногда даже раньше, чем я сам об этом узнаю. И вообще обман — плохая политика. Индейцы держатся открыто, честно и от нас ждут того же. Нет уж, чем скрываться, я тебе советую первым делом навестить Надежду и отца ее, тойона. Она живет выше по склону, в доме, который построил твой отец.

— Хорошо, господин правитель.

Они вошли в калитку. Кусков ответил на приветствие часового. Невзирая на свою деревяшку, Кусков шагал энергично, хоть и враскачку; казалось, он не замечал своего недостатка.

Центр крепости составляла просторная площадь. Даже неслышимые новости об отце не помешали Захару оценить всю привлекательность этого обжитого места. Словно на этом дальнем берегу каким-то чудом оказался клочок его родной земли.

У домов были высокие крутые крыши. Дожди и ветры отполировали бревенчатые стены до сочного шелковистого блеска. Над колодцем, так же как и над большим бронзовым колоколом, подвешенным к перекладине на столбах, были сооружены остроконечные крыши — голубцы. Дома, мастерские, амбары, пекарня — все образовывало одно уютное, обжитое целое.

— Какое-нибудь ремесло знаешь, кроме счетоводства? — спросил на ходу Кусков.

— Ремесло-то у меня отцовское, плотничье,— ответил Захар, всецело поглощенный изучением окрестностей.— Яблочко, как говорится, от яблоньки недалеко падает.

Кусков то и дело здоровался со встречными. Держался он со всеми дружелюбно, непринужденно, но без панибратства. И чувствовалось, что с правителем Кусковым шутки плохи. Захар сразу понял: если нужно, Кусков будет тверд и беспощаден. Вздвигая солдат, вяло экзерцировавший на площади, при их приближении сразу подтянулся¹.

Повсюду в крепости ощущались порядок и довольство. На флагштоке в центре площади трепетал на ветру трехцветный компанейский флаг с двуглавым золотым орлом на белом поле. Северный угол палисада, расположенный на небольшой возвы-

¹ Здесь у автора допущена неточность. В Русской Америке до 1854 года не было воинских частей. Крепость Росс охраняли промышленники, которые никакой формы не носили, свою службу они отбывали в гражданской одежде.

шенности, был защищен семистенным блокгаузом. Сложенный из могучих бревен, блокгауз четко вырисовывался на фоне лесистого горного кряжа. Захар оглянулся на нижний блокгауз, господствовавший над побережьем, и насчитал восемь стен.

Кусков объяснил, что один блокгауз прикрывает подступы к крепости с суши, другой — с моря. Он сам спланировал крепость и руководил ее строительством.

— Ни один из блокгаузов в деле еще не побывал, — заметил он. — Вообще здешние племена мирные. Иногда мы палим из пушек берегового блокгауза в честь наших испанских гостей. Пусть знают, что мы всегда начеку и пороку у нас достаточно. Но, кроме этих церемониальных салютов, мы к пушкам еще ни разу не прибегали.

Он заковылял к дому, по всему фасаду которого шли окна. Перед домом пламенели на клумбах яркие цветы. Обойдя дом, он распахнул дверь.

— Входи, Захар.

Деревянная нога Кускова постукивала по дощатому полу. Миновав несколько небольших, но уютных комнат, они подошли к деревянной лестнице.

— Там у нас комнатка наверху, — сказал Кусков. — Вообще мы держим на чердаке всякие припасы, но жить там вполне можно. Поднимайся-ка, брат, и располагайся как дома.

Удивленный и обрадованный, Захар пробормотал слова благодарности и стал подниматься по лестнице. Комнатка была маленькая, но славная. У коньковой балки крыша высоко поднималась над головой. Пахло сухим деревом, как на всех чердаках. Захар скинул полушубок, бросил тючок с пожитками на узкую койку с соломенным тюфяком. Из оконца падал столб света. Захар задумчиво глядел на пылинки, танцующие в солнечном луче.

Значит, так: отец опять уехал на край света. Да к тому же еще и женился, и на ком — на индианке! Ну что ж!

Захар спустился по лестнице и решительными шагами направился к северному блокгаузу.

Когда он подошел к воротам, из блокгауза вышел молодой светловолосый солдат. Захар спросил его, как найти дом Петрова.

— Дом Ивана Ивановича Петрова? — переспросил солдат с насмешливой церемонностью, забавно сморщив нос. — Пойдем, я покажу.

Он вывел Захара за ворота и показал на бревенчатую избу выше по склону:

— Вон там, наверху, за алеутскими хижинами.

За избой виднелись коричневые спины индейцев, работавших в поле. По всему склону были разбросаны как попало дощатые хижины; вокруг них стайками носились веселые ребяташки.

Захар перевел взгляд на круглолицего молодого солдата. Был он аккуратный, подтянутый, плотно сбитый, в хорошо отглаженном мундире, застегнутом на все пуговицы. Роста среднего, волосы соломенного цвета, глаза — самые синие, какие Захар когда-либо видел.

— Сержант Петр Борисович Гальван к вашим услугам, — представился он.

— Петров Захар Иванович, — улыбнулся в ответ Захар. — А вы отца моего знали?

— Конечно. Мы здесь все друг друга знаем.

— Каков-то он теперь? Мне его и вспомнить трудно, давно не видались.

— Н-ну... — Гальван замялся. — Он, как бы это сказать, очень, да, очень приятный, что ли.

Захар заметил заминку, вспомнил, как махнул рукой Кусков, говоря об отце. «Неужто отец как-то осрамился здесь?»

— Он веселый, — продолжал Гальван, — общительный. И жена у него славная.

— Славная! — Захар фыркнул. — Туземка!

Улыбка Гальвана померкла.

— Она славная, — повторил он. — Помо — славные люди.

— Да нет, я не то... я не думал... — смутился Захар.

— Конечно, всегда лучше подумать, а потом сказать.

Захар покраснел. Солдат продолжал более мягко:

— Мы ведь не испанцы, чтобы чваниться своей белой кожей. Мы здешних не обижаем, живем с ними мирно. И правило наш платит индейцам за их труд вместо того, чтобы делать из них рабов, как испанцы.

— А как насчет шашней с туземцами? — Захар не собирался мириться с женитьбой отца.

— Если тебе приглянулась девушка и если ее семья не против, то и господин Кусков не возражает. Но тогда нужно жениться, без этого нельзя.

— Понятно...

— И мне недолго осталось ждать, — продолжал Гальван с мечтательной улыбкой. — Скоро выходит срок моей службы, и я

женюсь. Вот погодите, сами увидите, какую я себе невесту при-
смотрел!

— Поздравляю,— пробормотал Захар.

Он начал уже подниматься по склону, когда Гальван оклик-
нул его:

— А знаете, ведь моя невеста — Надина племянница!

Захар недоуменно оглянулся на него.

— Надя — это мачеха ваша,— объяснил солдат.— Когда я
женюсь, мы вроде как бы породнимся, так ведь?

И он залился веселым смехом.

— Будешь нашему забору двоюродный плетень? — пошутил
Захар.

Он шел и думал, какой славный малый этот Гальван. Хорошо
бы сойтись с ним поближе.

*А мне милей грова небес,
чем грозный взгляд отцовский.*

Кэмпбелл, «Дочь лорда Уллина»

6. ИНДЕЙСКИЙ ВОЖДЬ

Женщина развешивала перед бревенчатой избой рыбу для сушки. Когда Захар подошел ближе, она выпрямилась, окинула его внимательным взглядом, торопливо вытерла руки о старенькое ситцевое платье с высоким воротником, полосатое, как чехол от тюфяка.

— Сын Ивана, здравствуй! — воскликнула она, тщательно выговаривая русские слова. — О, здравствуй, сын Ивана!

Это была крепко сложенная молодая женщина, ростом чуть ниже Захара. Широкое мясистое лицо казалось вылепленным из коричневой глины. Полные губы, глубокая ямочка в подбородке. Она приветственно протянула навстречу ему руки.

Захар глядел на нее отчужденно. Перед его глазами промелькнул образ матери. Мать была тоненькая, стройная, с белой веснушчатой кожей, а волосы у нее были словно золотая пена. И эта толстуха, этот кусок сырой глины в полосатом чехле, норovit занять ее место!

Он осторожно сжал кончики ее коричневых пальцев в коротком рукопожатии.

— Здравствуйте! — чопорно сказал он и добавил: — Как вы меня узнали?

— Уже все люди знают, что ты приехал, сын Ивана. — Она жадно вглядывалась в его лицо. — Потом, ты очень похожий на моего мужа. Только волосы у тебя коричневые, не черные. И ты такой большой! — Ее теплая улыбка постепенно угасала под его холодным пристальным взглядом. — Идем в дом.

Он вошел за ней следом в просторную комнату, где черты русского и индейского быта причудливо смешивались. Стены были увешаны оленьими шкурами, корзины всех форм и размеров стояли на полу или свисали со стропил. В очаге из дикого камня над тлеющими угольями висел железный котел. Скамья и несколько стульев окружали чистый стол из красновато-коричневого дерева. Медный самовар на столе отражал солнечные блики. Захар неохотно признал про себя, что в доме опрятно и уютно.

Внутренняя дверь вела в маленькую спальню, на стенах которой висела мужская одежда.

— Отцовские вещи? — спросил Захар.

— Да. Пойди посмотри.

В спальне только и было места, что для кровати и сундука. На колышках висели несколько старых рубаш, куртка, штаны. Он погладил потертую куртку, взял в руки рубашку и понюхал ее, но учуял только запах чистой хлопчатой ткани. В самом деле, смешно: неужели он надеялся вспомнить отцовский запах?

— Чай будешь пить? — спросила его женщина, когда он вернулся в большую комнату.

— Выпью. — Захар уселся за стол. — Меня зовут Захар. А тебя как звать?

— Надя. Это мое русское имя, твой отец зовет меня так. Мое настоящее имя внутреннее — тайное.

Шлепая смуглыми ногами по полу, она принесла две жестяные кружки, поставила на стол колотый сахар.

Захар пил горячий, крепкий чай вприкуску, покряхтывая от

удовольствия, и скупое отвечал на вопросы Нади о себе, о путешествии, о поисках отца.

Когда Надя рассказывала о его отце, у Захара все сжималось внутри. Беззаветная, почти собачья преданность и в то же время какое-то чувство собственности звучали в ее голосе, во всем, что она говорила. То и дело она повторяла: «мой муж сказал», «мой муж сделал». Она ни капли не сомневалась, что ее муж вернется.

— Через шесть месяцев, — твердо сказала она. — Не больше.

Челюсть ее выступала вперед, как упрямый коричневый кулак, на смуглой коже в уголках угольно-черных глаз вырисовывались косые морщинки.

— Как ваш народ-то зовут? — лениво спросил Захар, потягивая чай.

— Помо, — ответила она, — по-вашему это и будет «народ, люди». Весь этот берег — земля помо. Наша земля начинается далеко на север отсюда, а на юг идет до залива, который испанцы зовут Бодега. То, что вы зовете Росс, — это часть нашей деревни Метени. Нас, индейцев помо из этих мест, зовут кашайя. Это значит «горячие игроки», мы очень любим азартные игры.

— А отец у тебя кто — тойон?

— Да. Так русские его зовут. Наше слово «хоипу» — «вождь, вожак, большой человек».

Она поднялась. Захар допивал свой чай.

— Теперь нужно к моему отцу идти. Наверно, он уже знает, что ты здесь. Он думает, твой отец не вернется, бросил меня.

— А ежели твой осердится на меня из-за отца? В драку не полезет? А то ведь...

Стоя перед Захаром, Надя смотрела на него сверху вниз. Слова Захара явно оскорбили ее.

— Мы не дикари, — произнесла она с достоинством. — Мы не бросаемся на человека, если он нам не нравится.

Она повернулась и вышла, Захар поплелся за ней. Вдруг Надя остановилась, обернулась к нему.

— Ты еще очень молодой, — сказала она серьезно. — Тебе еще много надо знать.

Захару казалось, что она понимает причину его неприязни. Но она, по-видимому, была полна решимости не обращать на это внимания.

— Пойдем. Нам пора в деревню.

Дорога в Метени вела мимо огороженных полей к лесистому

горному хребту. Надя заговаривала с людьми, мотыжившими песчаную почву, то и дело упоминая его имя и имя его отца. Почти все индейцы работали в поле в одних набедренных повязках. Солнце опалило их кожу до цвета красной меди, черные волосы, свисавшие до плеч, были перехвачены на лбу ремешком. Захар глядел на этих здоровых, крепких людей и невольно сравнивал их с аляскинскими колошами. В округленных телах индейцев помо, в их плавных движениях чувствовалась добродушная мягкость. Колоши и помо — холодный зимний день Аляски и это кроткое майское утро.

На горном склоне тропинка пошла лесом. У ног великанов-деревьев с морщинистой темно-коричневой корой крупный папоротник поднимал свои зеленые и золотые копыта навстречу солнечному свету. Надя заговорила о правителе Кускове.

— Мы зовем его Апи-Хоипу, — рассказывала она. — «Апи» — значит «отец», «Апи-Хоипу» — это вроде как «отец-вождь». Потому что его власть мудрая и добрая. — Она лукаво глянула на Захара и добавила, явно передразнивая Кускова: — Вообще.

(Захар тоже успел подметить, что «вообще» — излюбленное словечко правителя.)

— Когда русские пришли, господин Кусков заплатил нам за землю, которая была ему нужна, — продолжала Надя. — Помо взяли с него несколько топоров и еще что-то. Это немного, но мы были довольны. Он показал, что признаёт: это наша земля. Он платит нашим людям за работу. И защищает нас от испанцев. Они делают очень нехорошо, эти испанцы. Обижают людей, забирают их землю. Они берут пленных и делают из них рабов. Здесь нет, здесь они не смеют. Когда они приходят сюда, господин Кусков заставляет говорить пушки.

Захар услышал голоса прежде, чем увидел деревню — скопление хижин из корья на просторной поляне. В стороне, на краю поляны, стояло большое круглое строение из выветренных досок. Оно отчасти ушло в землю и, казалось, пустило корни, приземистое и массивное, как крепость.

— Наш круглый дом, — сказала Надя. — Очень святое место.

Еще Захар увидел на открытом возвышенном месте круглую площадку, окруженную живой изгородью из кустов. В центре ее свисал с жерди флаг с двуглавым орлом.

— Наш флаг! — воскликнул Захар.

— Он говорит испанцам, что у нас есть сильные друзья, —

объяснила Надя. — В этом кругу у нас бывают общие танцы, но круглый дом — запретное место. Чужим туда нельзя. Очень святое, очень тайное место.

Похоже было, что все женщины деревни занимались своими делами на улице, перед хижинами. Одни, стоя на коленях, скребли шкуры, растянутые на земле с помощью колышков. Другие толкли желуди в каменных ступках, плели корзины, что-то варили на костре. Большинство ходило в бесформенных ситцевых платьях, как Надя; но на некоторых были только юбки из материала, похожего на траву, — у этих грудь была прикрыта пестрыми ожерельями.

Здороваясь по пути с каждым встречным, Надя направилась к рослому седому старику, сидевшему скрестив ноги у дверей одной из хижин. Все внимание старика было поглощено какой-то кропотливой работой. Инструмент и материалы лежали наготове под рукой — на китовом позвонке величиной с табуретку.

Услышав голос Нади, старик поднял голову, и его темное, морщинистое лицо расплылось в приветливой улыбке. Однако при виде Захара старик посуровел, окинул его враждебным взглядом и снова занялся своим делом. Его прямые седые волосы были откинuty за уши и перехвачены по лбу повязкой из сплетенных красных волокон. На шее висела на ремешке медная медаль с литой рельефной надписью «Союзные России». Обнаженная грудь старика была такой же морщинистой, как и его лицо.

Захар стоял перед ним, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он чувствовал эту затаенную враждебность и испытывал что-то вроде страха перед мрачным старым тойоном.

Надя опустила на землю перед отцом и стала горячо говорить что-то, пытаясь заглянуть ему в глаза. «Ке-апи!» — то и дело повторяла она, и еще: «Иван Иванович» и «Захар».

Тойон не отрывал взгляда от своей работы. К небольшому куску кожи, лежавшему на левой ладони, он прижимал четыре пальцами обломок черного блестящего камня — обсидиана. Правая рука сжимала длинную кость, конец которой был зажат у него под локтем, острие кости упиралось в камень. Мерными, уверенными движениями старик отщеплял мелкие осколки от стекловидного камня. Постепенно камень принимал форму наконечника стрелы.

Стоя на коленях, Надя во время своей речи размахивала руками, как птица крыльями, выражение ее лица то и дело менялось. Улучив момент, она торопливо сказала Захару:

— Я говорю, как ты искал отца. Про крушение. Как ты попал в Ледяную страну и вообще.

Старик то кивал, то хмыкал, но глаз не поднимал. Наконец он положил готовый наконечник на ладонь и стал придирчиво разглядывать его. Маленькое черное острие сверкало на солнце, как драгоценный камень.

— О апи! — Со вздохом Надя поднялась на ноги.

Старик взглянул мимо нее на Захара и сказал резко:

— Что надо здесь?

Захар был ошарашен. Он никак не ожидал, что старик заговорит на русском языке, хотя и на ломаном.

— Я... я пришел сюда, чтобы найти моего отца, — медленно произнес он.

— Неправильно пришел. Твой отец ушел. Моя дочь осталась. Выбросил. — Старик отложил наконечник и поднял с земли кусок гладкого красного камня.

— Он вернется, — торопливо сказал Захар.

— Нет. Не вернется. Су-укин сын выбросил моя дочь.

Захар вытаращил на него глаза.

— Да. Сукин сын, — спокойно повторил тойон, снова и снова поворачивая камень в своих пальцах.

Кровь прилила к щекам Захара.

— Не смей так говорить о моем отце! — проворчал он.

— Ке-апи! — Надя разразилась бурным потоком слов.

Тойон не обращал на нее внимания:

— Руссы говорят «сукин сын» все время.

— Не говори так о моем отце. Это значит...

— Я знаю, что значит, — прервал его старик. — Значит «сын собаки, плохой человек». Твой отец сукин сын. Он...

Захар повысил голос.

— А я говорю, не смей обзывать его!

Разочарование, испытанное Захаром в этот день, искало выхода во вспышке безрассудного гнева. Он бросился к тойону, схватил его за плечи.

Старик не произнес ни слова. Его руки застыли, лицо стало непроницаемым, бесстрастным. Он сидел неподвижно, как каменная статуя.

— Захар!

Возглас Нади среди наступившей тишины подействовал на Захара, как ушат холодной воды. Он вспомнил предупреждение Кускова и отрезвел.

— Простите. Я забылся,— произнес он неестественным, упавшим голосом.— Я прошу прощения...

Тойон не шелохнулся.

У старика было крепкое телосложение. Когда-то, наверное, он был настоящим богатырем, но и сейчас его никак нельзя было назвать щедрым. Захар содрогнулся.

Ни тени чувства не мелькнуло на лице вождя, когда он поднял взгляд на Захара и невозмутимо произнес:

— Ты лучше уходи. Ты сукин сын, как твой отец.

Надя сказала с упреком:

— Ты оскорбил моего отца, Захар. Нехорошо.

Ее черные глаза горели возмущением.

Захар проглотил резкий ответ и зашагал прочь.

Он нашел Кускова на площадке за пределами палисада. Под наблюдением правителя два солдата обьезжали лошадь. Золотисто-коричневая, как каштан, с белой гривой и белым хвостом, лошадь приплясывала и натягивала повод. Когда Захар подошел к ним, Кусков воскликнул:

— Ну разве не красавица! — Он повернулся к Захару с сияющей улыбкой: — Подарок от губернатора испанской Калифорнии. Я ему послал коляску петербургской работы, небесно-голу-

бую с золотой эмалью. Говорят, она там отлично выглядит у них в Монтерее, среди глиняных мазанок.— Он улыбнулся краешком рта.— Но это было несколько лет тому, мы тогда лучше уживались с испанцами.— Он крикнул солдатам: — Голову ей задержи повыше!..— Тут он внимательно посмотрел на Захара и спросил: — Ну как, свиделся с тойоном?

— Да, господин правитель,— хмуро отвечал Захар.

— Случилось что? На тебе лица нет.

Захар ответил нерешительно:

— Мы с ним схватились немного, господин правитель. Он больно уж зол на отца, обругал его. Ну, и я тоже не сдержался.

Кусков гневно стиснул зубы.

— Я ведь тебя предупреждал, болван! — сказал он ледяным голосом.

— Так точно.

Кусков нахмурился, прищурившись посмотрел на заходящее солнце. Овес на склоне горел цветом бледного золота.

— Вот что, Захар, заруби себе на носу,— сказал он сурово.— Мы должны быть дружны с тойоном, иначе нам здесь не выжить. Если он вобьет себе в голову, что с ним или с его людьми здесь плохо обращаются, он уведет их отсюда, и все пойдет прахом. Они здесь работают в поле, пасут коров и овец. Рыбу и дичь доставляют они же. Все на них держится.

Отчаянно пытаюсь исправить свою промашку с тойоном, Захар вставил:

— А разве нельзя так, как Баранов с колошами? Припугнуть их пушками, чтобы слушались.

Кусков окинул его холодным взглядом.

— Я для того и перебрался сюда, чтобы уйти от барановских войн. Мне они поперек горла стоят. Слава богу, пока еще никому не пришлось здесь умирать за то, чтобы наше поселение преуспевало. Надеюсь, так будет и впредь. И потом, обстоятельства здесь совсем другие. Мы здесь, вообще-то, хлеб растим. А покойники нам без надобности — их ведь ни пахать, ни сеять не приспособишь.

Видя, что гнев правителя утих, Захар рискнул задать еще один вопрос:

— А как насчет испанского способа? Взять рабов и заставить их работать.

— Нет.— Кусков с отвращением покачал головой, лицо его потемнело.— Они хоронят почти столько же индейцев, сколько

захватывают в рабство. Нет, Захар, меня здесь зовут «отцом» не за здорово живешь. Или люди будут работать вместе с нами в мире — или нам здесь крышка.

Он резко повернулся и заковылял прочь.

С мрачным видом Захар слонялся по поселку. Он прошел молодым садом и не заметил его. Постоял у ветряка, отсутствующим взглядом окинул сложное переплетение шестерен, ремней и колес. Проходя мимо лесопилки, где завывала пила, глубоко вдохнул острый запах свежераспиленного сырого дерева. Постоял у свинарника, где розовые поросята сосали огромную черную свинью. Их возня невольно развеселила и отвлекла Захара. Он вошел в крепость, пересек площадь, здороваясь со встречаемыми.

Дверь блокауза была открыта, перед ней со скучающим видом прохаживался часовой. Захар подошел к нему. Рябой солдат оживился. Он вошел в блокауз вместе с Захаром, показал ему все. Затем вернулся на свой пост, предварительно наказав Захару ничего здесь не трогать.

Захар остался в блокаузе один. Ему казалось, что он находится на дне шахты. Пушечные порты были закрыты, пушки чернели в полутьме. Свет слабо просачивался из дверного проема, да одинокий солнечный луч падал через люк на лестницу, которая вела на второй этаж. Стены из могучих бревен, приземистые черные пушки, пирамида ядер — все это создавало впечатление массивной силы, оплота, который устоит до конца времен.

Он взбежал вверх по лестнице.

И здесь перед закрытыми портами стояли пушки. Из маленькой амбразуры на уровне груди открывался вид на море. Облокотившись, Захар стал глядеть вниз. Вода блестела, как гладкий шелк, над «Златоустом» кружили морские птицы, на фоне синего неба они казались черными. На красноватом береговом песке копошились мастерские. Молотки стучали по белым ребрам шпангоута — на стапелях постепенно вырисовывались очертания небольшого судна.

Кто это копошится там под байдарочным навесом? Казалось, этот рослый человек что-то ищет. Но вот он вышел из-под навеса, и заходящее солнце осветило его лицо. Ах, да это же Илья Мышкин! Проверяет байдарки, готовится, наверное, к новой охоте.

В Захаре внезапно пробудилась острая неприязнь к этому че-

ловеку. Во время плавания они часто работали и ели рядом, но всегда между ними веял ветерок отчуждения. В глубине души Захар его презирал. Теперь, стоя у амбразуры, Захар окончательно решил разделаться с охотой на морского зверя. Он ненавидел это кровавое занятие и его главного мясника.

Илья стоял там, на песчаном берегу, подставив широкое безбородое лицо солнцу. И вдруг Захар представил себе, будто наводит на Илью одну из этих пушек. Вот он подносит тлеющий фитиль к запальному отверстию...

— Брру-ум,— произнес он вполголоса,— брру-ум...— Ядро пошло слишком высоко и подняло в бухте фонтан воды.— Понизить прицел! — громко пропел он команду. И опять: — Брру-ум!

Есть! Прямое попадание! Илья разлетелся на клочки, растаял в клубах дыма.

Захар злорадно захихикал. Он затопал ногами так, что загудели доски, и издал ликующий, кровожадный клич.

— Эй, парень!

Захар обернулся, краска смущения залила его лицо.

Часовой стоял на ступеньках лестницы, его рябое лицо торчало на уровне пола.

— Давай-ка слезай отсюда!

— А, да... Сейчас.— Захар кубарем скатился по лестнице мимо него.

Вприпрыжку он сбежал к берегу, к лодчному навесу. Илья задумчиво разглядывал серое кожаное дно перевернутой байдарки. Захару стало совестно, что только что в своем воображении разнес этого человека в клочья, и он заставил себя говорить с ним дружелюбно, но голос звучал неискренне.

Илья насторожился.

— Тебя какая муха укусила? — подозрительно спросил он.— Любовная, что ли? — Он со вкусом засмеялся, и его самодовольный смех задребезжал под навесом.

Захар замялся.

— А что, разве обязательно нужно собачиться?

Почему-то Илья всегда умудрялся поставить его в тупик, заставлял Захара оправдываться.

— Но я вот что хотел тебе сказать: не стану я больше связываться с вашей охотой. Хватит, наплавался. Пусть кто-нибудь другой считает ваших убитых бобров.

— Ну-ну,— Илья задвинул байдарку на место и снял со

стойке следующую. Похоже, эта новость не очень его взволновала.

— А вообще я, знаешь, придумал, как тебе самому считать добычу.

Илья перевернул лодку вверх дном, нагнулся над ней. Захар продолжал:

— Ты сделай список всех алеутов по именам. Потом пронумеруй лодки.— Илья чуть повернул голову, и Захар готов был поклясться, что тот насторожил уши, как собака.— Каждой байдарке дай отдельный номер. И запиши этот номер на алеутов, которые в этой байдарке ходят на охоту. А когда будешь считать добычу, пиши не имена, а номера, понял? Это и проще, и быстрее.

Илья хрюкнул, не поднимая глаз. Захар помолчал, выжидая. Но и промышленник молчал, внимательно изучая дно байдарки. Захар резко повернулся, выбрался из-под навеса и пошел прочь. «Даже спасибо не сказал»,— пробормотал он про себя.

*Дурак готов ввалиться туда, куда
даже ангелы не смеют ступить.*

По п, «Опыт о критике»

7. КРУГЛЫЙ ДОМ

После подвесной корабельной койки, которая ночами качалась как маятник, постель на чердаке показалась Захару блаженным, несокрушимым пристанищем. Первую свою ночь в Россе Захар проспал как убитый и проснулся только днем. Где-то в ветвях деревьев разорялись сойки.

Захар встал, очумелый от долгого сна, оделся и сбежал по лестнице. Дом словно вымер. Он прошел через заднюю дверь к сарайчику, который служил и умывальней, и прачечной, и кухней одновременно. И здесь ни души.

Захар умылся, пошарил в кладовке. Нашел хлеб, масло, сыр, молоко, позавтракал и вышел на площадь, прогретую солнцем.

Все здесь были заняты делом. Дымок поднимался над кухней и коптильней, из пекарни доносился аромат свежевыпеченного хлеба. Кто-то идет к коптильне, неся перед собой на вытянутых руках окорока, как охапку дров. Лошадь медленно, натужно ходит по кругу, вращая мукомольный жернов. Звенит металл в кузнице. От лесопилки, лежащей выше по склону, доносится визгливый скрежет пилы. Рядом с поварней человек суетится у огромного квасного чана.

Захар бродил по Россу, знакомился с этим полюбившимся ему местом и его обитателями. Вроде все при деле, а между тем повсюду царило какое-то привольное настроение. Солдаты не занимались муштрой, а лениво слонялись перед казармой. Никто никуда не спешил. Когда Захар проходил мимо, люди прекращали работу и затевали с ним неспешную беседу. Чего-то не хватало, но чего — Захар никак не мог понять.

Он остановился, чтобы поглядеть на работу чернявого точильщика. Точильщик мерно нажимал ногой на педаль, вращая точильный круг. Вода сочилась по каплям из жестянки, подвешенной над кругом. Когда точильщик прижал лезвие ножа к точилу, сталь завизжала. Он снял ногу с педали и пощупал острие большим пальцем — кромка ножа блеснула на солнце.

— Бог в помощь, — сказал Захар.

Точильщик кивнул, не отводя от лезвия взгляда своих темных птичьих глаз. Это был угрюмый, неопрятный человек, черная щетина покрывала его щеки. Он снова заработал педалью, подправил лезвие — сталь завывала — и отложил нож в сторону. Ленивыми, небрежными движениями он достал трубку, набил ее, зажег, выпустил клуб вонючего дыма.

— Это ты, стало быть, новичок?

— Да. Петров моя фамилия.

— Знаю, как же. Мы с твоим папашей друзья были — водой не разольешь. — Он выпустил струю едкого дыма на точило. — Счастливый человек, смотался отсюда. Я ему так и сказал на прощанье. «Иван Иванович, — говорю, — везет же тебе. Коли есть у тебя башка на плечах, не вертайся ты сюда ни за какие коврижки». Ей-богу, так ему и сказал.

У Захара часто-часто заколотилось сердце.

— А он чего?

— Чего? Смеется. Он всегда так, ему всё смешки. — Дым струился над небритой верхней губой точильщика.

Захар глядел на него со скрытым отвращением: «Тоже мне

друг-приятель. Да разве стал бы мой отец дружить с таким?»

— Он вернется,— убежденно сказал Захар.— Господин Кусков так сказал.

— Га-спа-дин Кусков! — насмешливо протянул точильщик.— Руки коротки у господина Кускова, чтобы до него дотянуться. Командовать-то он мастер, Кусков: когда есть, когда пить, даже когда чихнуть, ей-богу. Только до Сандвичевых и ему не добраться. Это тебе не сегодняшняя ездка — одна нога здесь, другая там.

«Вот оно что!» — сразу понял все Захар. Ведь за все время прогулки он ни разу не повстречал правителя! Точильщик сказал ему, что Кусков уехал рано утром, а вернется дня через два. К югу от Росса у компании было несколько заимок на побережье, и Кусков имел обыкновение время от времени посещать эти отдаленные хозяйства.

При этом известии Захар почувствовал себя жеребенком, которого выпустили побрыкаться вволю на весеннем пастбище. «За два-то дня,— сказал он себе,— правитель небось позабудет мою стычку с тойоном».

Он весело взглянул на кислую физиономию точильщика и пошел прочь. Его потянуло к северному блокаузу. Может, он повстречает там Гальвана.

Ему в самом деле повезло: белобрысый сержант стоял там на часах. Гальван приветствовал его дружелюбной улыбкой, но тут же сказал:

— Я сейчас не могу разговоры с тобой вести, Захар. Сам понимаешь, не годится это на посту. Даже когда начальство в отлучке.

Довольство своим делом, всей своей жизнью отражалось у Гальвана во всем: в его опрятном мундире, чисто выбритом лице, чистых ногтях.

— В пять я сменяюсь. А вечером милости просим к нам. Наши ребята собираются нынче повеселиться. Приходи к казарме. Придешь?

Захар кивнул.

Ровно в пять он появился у казармы. Гальван был перед баракком с компанией солдат. Он познакомил Захара со всеми, потом подвел его к яме, в которой только что выгорел костер.

— Это вот земляная печь на манер тех, что у помо,— объяснил Гальван,— мясо в ней отменно жарится. Берем мы большие ломти мяса, завертываем в них лук, приправы, потом все это

заворачиваем в несколько слоев мешковины. Свертки обматываем проволокой и зарываем их неглубоко в землю на дне ямы, а в яме разводим огонь. Скоро выгребем мясо, тогда сам увидишь, что это такое.

Когда свертки выгребли из-под угольев и развернули, у всех слюнки потекли при виде сочного, душистого, горячего мяса. Еще была картошка в мундире, свежая зелень, хлеб, масло и молоко. Захару наложили здоровенную порцию, и он уселся на траву рядом с Гальваном.

Поначалу они были слишком заняты едой, чтобы разговаривать. Зато потом они нежились в тепле у костра, сытые, довольные, и беседовали, словно старые друзья.

Гальван завербовался в армию совсем еще мальчишкой.

— Солдатская жизнь не сахар, никогда не знаешь, где тебя смерть подстережет. Зато и с голоду не помрешь, а вот в моих краях это бывает.

Захар глядел на него не без зависти. Он живо представлял себе Гальвана, как тот мчится, размахивая саблей, среди свиста ядер и пуль.

— А с Наполеоном ты воевал? — спросил он.

Сержант покачал головой.

— Чего не было, того не было. Кто на запад шел, а наш полк гнали все время на восток. Воевали другие, а мы в Сибири торчали. В Охотске я долго пробыл. А потом сюда переезжали.

— Но в каком-нибудь сражении ты ведь побывал, верно?

— Только в перестрелках. А в настоящем деле ни разу не довелось.

Захар был разочарован. «Зато, — думал он, — Гальван — прямая душа, такому можно верить. Другой на его месте наговорил бы с три короба про ратные подвиги».

— Так ты, стало быть, здесь хочешь остаться? — спросил Захар. — Я бы тоже за милую душу, вот только бы отец вернулся.

— Да, мне здесь нравится. Срок мой выходит будущей зимой. Думаю податься в матросы. Правителю вечно их недостает.

— Добро, — улыбнулся Захар. — А я на верфь попрошусь. Я буду строить корабли, ты будешь на них ходить. — Помолчав, он спросил: — А Кусков тебе как?

— Строг, но справедлив. И умен, людей насквозь видит. Лентяям не потатчик, что верно, то верно. А уж если кто не

ладит с помо или с ихними бабами путается — тогда и по давню спуску не жди. За это у нас уже нескольких пороли, прямо на площади. Однажды правитель даже сам за кнут взялся.

Захар вздрогнул.

— Отчего такая строгость?

— Правитель хочет, чтобы индейцы были довольны и не уходили от нас.

Пока они беседовали у костра, один из солдат настроил бала-лайку и, перебирая струны, запел: «Вот мчится тройка удалая», остальные подхватили песню. Подбросили в костер дров, уселись вокруг и долго пели под тихим вечерним небом. Вдруг балалаечник тряхнул головой, лихо ударил по струнам — и пошла пляска. Солдаты стали в круг, обняли друг друга за плечи, легко и быстро пошли перебирать ногами. Потом все хлопали в ладоши, а кто-нибудь плясал в кругу один.

Гальван сплясал «казачок» вприсядку, со скрещенными на груди руками, лихо выбрасывая вперед ноги. Он и в пляске был аккуратный, ловкий и сдержанный. Он вышел из круга, улыбаясь, но лицо его было красным от напряжения.

При свете луны они перешли к играм, где каждый норовил блеснуть силой, ловкостью, удалью. Расходиться начали, когда привычное время отхода ко сну давно уже миновало.

Гальван и Захар пошли через площадь.

— Давай прогуляемся, Петр,— сказал Захар,— я что-то разошелся, сна ни в одном глазу.

Они вышли в северные ворота. Склон холма купался в лунном свете, деревья на вершине стояли черные, загадочные.

Гальван кивнул на темный, тихий блокгауз:

— Часовой-то, видать, уснул.— Он неодобрительно щелкнул языком.

Мысль о женитьбе отца не выходила у Захара из головы, и теперь, когда они неторопливо поднимались по склону, он снова завел речь об этом.

— Кусков говорил, что отец женился и по нашему, и по индейскому обряду.

— Да,— кивнул Гальван,— это здесь принято. Я видел свадьбу твоего отца.

— Когда это было?

— С год назад. Мы только-только прибыли сюда.

— Что это такое — индейская свадьба, на что она похожа? Смешно, наверное?

Гальван не видел в этом ничего смешного.

— Конечно, для нашего брата кое-что выглядит диковинкой, но у индейцев, говорят, все имеет свой смысл. На свадьбах у помо много играют в прятки. Сперва жених прячется у себя в доме. Потом жених и невеста прячутся где-нибудь, и все их ищут. Когда их найдут, начинается сам обряд по ихнему чину. Тойон и шаман благословляют молодых.

Под конец мать невесты берет в руки чашу с водой и кусок ровдуги, а молодые становятся перед ней на колени. Она им лица умывает, а деревенские старики тянут какую-то свою песню. Моет она их, моет, пока старики не допоют. Тут и обряду конец.

Они прошли еще немного. Гальван добавил:

— Потом уже правитель венчает их по православному обряду, а там и за свадебный стол. Гуляют все, когда всю ночь, а когда и дольше.

— Ну, а отец — каков он был на индейской свадьбе?

— Выглядел он очень серьезно. И потом рассказывал, что, когда ему лицо умывали, у него так хорошо было на душе, будто он заново родился. Такое у него было чувство...

Захар хмыкнул:

— Видать, ему этого чувства ненадолго хватило.

— Это ты о том, что он ушел с «Камой»? Ну, не знаю, Захар. Может, он... Постой-ка! — Гальван умолк и остановился. — Слушай, — сказал он, вглядываясь в стену деревьев.

Они стояли на опушке, у тропы, которая вела через лес к Метени. Из леса доносились глухие удары. То и дело останавливаясь, прислушиваясь, они молча пошли по тропе в сторону деревни помо. Постепенно звуки становились отчетливее, они раздавались ритмично, как барабанный бой.

— Э, да это их ножной барабан, а я-то думал, не случилось ли чего, — сказал Петр.

— Ножной барабан?

— Ну да. Длинное такое выдолбленное бревно, через яму переброшено. Они на нем прыгают и в лад ногами бьют.

Теперь уже можно было различить мрачный силуэт круглого дома, темневшего среди деревьев. Оттуда доносились глухие удары и монотонное пение. Из отверстия в крыше выбивался дым. Облака приглушали лунный свет, все вокруг казалось серым.

Гальван то и дело зевал.

— Значит, пляски у них сегодня. А я-то думал... Пошли, Захар, домой. Спать пора.

Однако Захар медлил, вглядываясь в круглый дом.

— Да нет, мне сейчас все равно не уснуть. Ты, Петр, иди, если хочешь. А мне больно уж посмотреть охота.

— Да на что смотреть-то? — проворчал сонным голосом Гальван. — Пляски у них в круглом доме, а туда нам дорога заказана. Пошли.

Захар отвернулся:

— Нет. Ты иди, а я еще здесь побуду. — И он отошел в тень большого дуба.

— Ну ладно, я пошел.

Гальван двинулся по тропе, зевая и бормоча что-то. Вскоре темнота поглотила его

Стоя в кромешной тьме, Захар прислушивался. Какие-то ночные зверюшки шуршали в траве. Таинственные звуки доносились из круглого дома. Захар слышал возбужденные возгласы, глухое урчание барабана и еще какие-то звуки — как будто там играли на ложках или крутили трещотку. Вдруг раздался взрыв мужского смеха. Потом надолго воцарилась тишина.

Неожиданно и беззвучно распахнулась дверь круглого дома. На поляну вышел человек, в руках у него была большая жаровня с раскаленными углями. С головы до ног человек был разрисован белой краской, в волосах торчали перья. Он осторожно поставил жаровню на землю в нескольких шагах от двери и снова вошел в дом.

Захар успел заметить, что за дверью было совершенно темно. И тьма эта была чернее тени, в которой прятался Захар.

Он стоял, сгорая от любопытства, и напряженно вслушивался. Снова зазвучал барабан — медленные, зловещие удары. Захар выскользнул из тени и шагнул к закрытой двери. Над тяжелыми ударами барабана взлетел жуткий, тягучий вой.

Стоило Захару коснуться двери, как она приотворилась. Он заглянул в темноту. Медленно двигаясь, словно притягиваемый мощным магнитом, он втиснулся в щель. Беззвучно ступая по утопанному земляному полу, прокрался вдоль стены и замер.

Сколько Захар ни озибался, как ни вглядывался в кромешную тьму, он ничего не мог разглядеть, хотя спертый воздух говорил о присутствии множества людей. Захару стало жутко. Теперь он хотел бы любой ценой выбраться отсюда, но страх приковал его к месту. Отчаянно колотилось сердце. А барабан бил все чаще, и все крепчал, нарастал жуткий, ревущий, воющий звук. Казалось, этот звук вращается по спирали.

Какое-то движение, отблеск под самой крышей — Захар поднял голову. В рамке дымового отверстия на фоне серого неба он увидел человеческую фигуру. Казалось, из ее головы исходил огонь. Наконец, Захар разглядел на голове человека что-то вроде корзины с углями. Человек стоял там, наверху, раскачиваясь, заставляя сильнее мерцать уголья. Оранжевый огненный шар тускло освещал верхнюю часть его тела, окрашенную в черный цвет.

Перегнувшись всем телом далеко вперед, человек обхватил руками центровой столб и начал спускаться в круглый дом. Люди в темноте издали протяжный вздох. Человек медленно полз по столбу вниз головой. В корзине неярко тлели уголья. Барабан умолк. Снова пошел кругами этот жуткий вой, переходящий в пронзительный вопль. В воздухе стоял запах горелых волос и дыма.

Внезапная вспышка где-то вверху заставила Захара перевести взгляд на дымовое отверстие. Там один за другим взлетали к ночному небу языки синего пламени. Огонь вспыхивал, замирал, разгорался снова и наконец угас совсем.

Теперь виден был только огненный шар на голове ползущего по столбу человека. Шар раскачивался, отклоняясь от столба. Шар отклонялся дальше, чем могла бы отклониться голова человека, и вычерчивал в воздухе огненные спирали.

И вот он начинает подниматься вверх, выписывая головокружительно широкие дуги. Воющий рев в темноте поднялся до гипнотического, ледящего душу визга. Этот звук подхватил человека с огненным шаром, закружил его и понес по бесконечной спирали — все выше и выше.

Запрокинув голову, Захар следил за полетом огненного шара. Вопль круто нарастал, в то время как вращающийся шар то опускался, то взлетал к самой крыше. Захару казалось, что он сам возносится в воздух и вращается по кругу. Голова кружилась от оглушительного шума, от запаха дыма и тлеющих волос. Он не испытывал страха — нет, это было более глубокое чувство благоговейного ужаса, заставлявшее забыть обо всем на свете. Дрожащие губы беззвучно повторяли: «Колдовство... колдовство...»

Наконец огненный шар взлетел прямо к дымовому отверстию. На лбу Захара выступил холодный пот, сердце стучало невыносимо, дыхание участилось. Горящие уголья вылетели в дымовое отверстие и исчезли. Пронзительный вой опускался все ниже и

ниже, переходя в скрежещающий рев, в стон, и наконец затих.

Захар перевел дыхание. Невидимая в темноте толпа облегченно вздохнула.

Внезапно, почти в тот же миг, как исчез огненный шар, Захара обдало воздухом — это распахнулась дверь. Человек, разрисованный белой краской, вбежал с жаровней, полной угольев, опрокинул ее в очаг, подбросил ветвей и хворосту. За ним вбежали мужчины с фонарями и горящими факелами.

Свет появился прежде, чем Захар успел прийти в себя. Он был слишком ошеломлен увиденным, сознание происходящего медленно возвращалось к нему. Вокруг него сидели на полу индейцы, все еще не вышедшие из транса; их опустошенные лица с остекленевшими глазами были подняты кверху.

Захар обвел растерянным взглядом большое куполообразное помещение. Посредине трещал в яме огонь. За плетеной занавеской у противоположной стены виднелась небольшая дверь... И тут индейцы, разрисованные и разукрашенные перьями, налетели на Захара, как пчелиный рой.

Десятки смуглых рук вцепились в него, его толкали, трясли, осыпали тумаками и бранью. Помо не церемонились с белым пришельцем, хотя и не пускали в ход кулаки. Очутившись в кольце разъяренных индейцев, Захар изо всех сил старался удержаться на ногах, но не отбивался. Перед ним мелькали искаженные гневом лица, разукрашенные полосами красной, черной и белой краски. Он видел перед собой ноздри, проткнутые костяными палочками, мелово-белые бусы и перья, перья...

Потом мучители вдруг расступились. В круг вошел тойон в великолепном плаще из перьев и в высоком головном уборе, также из белых перьев. С величественным и грозным видом тойон стоял в кругу своих соплеменников, глядя на Захара.

Захар сконфуженно мигал и щурился.

— Я только смотрел,— промямлил он.— Я ничего... вы не подумайте...

— Ты знаешь, белый человек сюда не идет. Моя дочь тебе говорила. Ты сломал наш закон.— Вождь говорил ровным, зловещим голосом, его раскрашенное лицо было устрашающей маской.

Захар что-то забормотал в ответ.

— Ты пришел святой дом. Ты сломал закон помо. Ты плати за это.

Могучий старый вождь отвернулся от него, перья головного убора заколыхались. Резким голосом он отдал какой-то приказ.

Крепкие руки схватили Захара и выволокли наружу. В следующее мгновение он взлетел в воздух и с глухим стуком приземлился в нескольких шагах от круглого дома. Не в силах подняться, Захар долго еще лежал на спине и чертыхался, глядя в небо, затянутое тучами.

Он плелся в крепость прихрамывая, то и дело ощупывая языком зубы. Но думал он только об этом чертовом колдуне: как это ему удавалось летать по воздуху? Как он это делал?

*Дон Десперадо
Слонялся по Прадо
И там повстречал он врага.*

Кингсли, «На Запад»

8. КОНКИСТАДОР

Посподин приехал, — сказал Пуммук, домашний слуга Кускова. Добродушное лицо Пуммука сосредоточенно: к обеду будут гости. Кухонька завалена провизией. Жаркое должны принести из поварни, что через площадь. Все остальное Пуммук готовит здесь, в доме.

— Вот и хорошо, — сказал Захар. — Я рад, что он вернулся. В отсутствие Кускова дни проходили в безделье и неопределенности. Конечно, приятно было слоняться по окрестностям, но Захар быстро соскучился по работе.

Он уже познакомился с невестой Гальвана — полной девушкой с круглым миловидным лицом. Звали эту симпатичную

индианку Лусайя. Попробовал как-то Захар искупаться в бухте — вода была такая холодная, что у него перехватило дыхание. Однажды, стоя на берегу, он увидел, как Илья отправлялся со своими алеутами на охоту. На каждой байдарке белой краской был выведен номер. Захар провожал лодки взглядом и посмеивался.

— А я нынче корзину моллюсков набрал,— сказал Захар Пуммуку.

— Поставь туда,— Пуммук показал ножом на один из столов и стал доставать тарелки.— Господин пригласил на обед капитана. Он сказал, чтобы ты тоже приходил.

— Я?

— Ты, ты. Я так понимаю: вырастешь, умный станешь, будешь у правителя помощник.— Пуммук сверкнул белозубой улыбкой.— Иди, переоденься.

Захар пулей вылетел из кухни и взбежал по лестнице к себе на чердак.

Он надел белую рубашку, свои «парадные» штаны и сапоги. Из гостиной уже доносились голоса. Захар причесался и поспешил вниз, возбужденный и голодный.

Этот дом не был похож на роскошный дворец Баранова. Простой и уютный, он свидетельствовал о хорошем вкусе Кускова. Большой двусторонний камин из неотесанного камня разделял жилую площадь пополам: одна сторона камина выходила в гостиную, другая — в столовую. На стенах, обшитых деревянными панелями, поблескивали золоченые рамы картин. На угловом столике стоял небольшой самовар. Дощатый пол был устлан циновками.

Илья (он уже вернулся с охоты) уселся на тонконогой кушетке, которая казалась слишком хрупкой для его массивного тела. У противоположной стены стоял небольшой клавесин с разрисованной розами крышкой.

— Хорошенький у вас клавесин,— говорил капитан Рошин, когда Захар входил в гостиную.— Розовенький, как свежая девица.

Кусков стоял у камина, спиной к огню, рядом с большой корзиной индейской работы, в которой хранилась лучина для растопки. Руки он спрятал под фалдами темно-зеленого сюртука с позолоченными пуговицами. Эполеты и золотая медаль на груди придавали ему серьезный, официальный вид. Но взгляд его, устремленный на капитана, был полон добродушной иронии.

Семен — первый помощник капитана на «Златоусте» — стоял у окна, поглаживая густые усы.

И он, и Илья, и капитан Рошин — все были в чистых белых рубашках. На капитане, как всегда, был костюм из толстой шерстяной ткани.

Захар пригладил волосы и переступил порог. Он нерешительно взглянул на Кускова, ожидая какого-нибудь знака, улыбки, кивка, который подсказал бы ему, что он вышел из немилости. Но ему ничего не удалось прочесть в невозмутимом взгляде Кускова. Здесь же был корабельный мастер Попов, лысый с корявыми, узловатыми пальцами, и главный механик Руденко.

— Как промышляли, Илья? — спросил Кусков.

— Хорошо. Ей-богу, хорошо, а ведь вышли всего на несколько дней. Бобров сорок, да и морских котов взяли порядочно. Отчет я на стол положил. — Илья кивнул в сторону маленького простого стола рядом с клавесином и добавил небрежно: — Правда, четырех алеутов я потерял. Однако добыча хорошая, так что эти две байдарки окупятся.

Кусков нахмурился:

— Вознаграждение их семьям влетит компании в копеечку.

Илья засмеялся:

— Двое были бобыли! Значит, четыреста рублей останутся у нас в кармане.

— Ну разве что так, — кивнул правитель и пригласил гостей в столовую.

Капитана он усадил в конце стола. По одну сторону уселись Илья и Семен, по другую — Попов, Руденко и Захар. Кусков занял свое место во главе стола.

— Приятно посидеть за таким столом, — заметил капитан, разворачивая льняную салфетку.

Действительно, стол, уставленный красочной смесью дорогой привозной и повседневной домашней посуды, являл собой живописное зрелище. На белоснежной скатерти рядом с изящными тарелками китайского фарфора лежали деревянные ложки, покрытые красным и черным лаком. В свете свечей витого серебряного канделябра тускло поблескивала старая оловянная посуда.

— Богато живете, господин коммерции советник, — сказал капитан, называя Кускова его официальным титулом. Этот чин Кусков получил за заслуги на Аляске.

— Жить в достатке — не грех, — отозвался Кусков. — Да и положение обязывает. Стараемся не ударить лицом в грязь перед нашими испанскими соседями. Нам не к лицу ютиться в палатках. Пусть видят, что мы здесь не временные гости.

Каждый положил себе с большого блюда порцию моллюсков, приправленных острым соусом. Слуга внес тарелки с ярко-вишневым борщом, на поверхности которого белели островки сметаны. В белой куртке и темных штанах Пуммук выглядел весьма достойно, если не обращать внимания на его босые ноги.

Кусков пустил по кругу графин с вином (вино доставляли из ближайшей испанской миссии). Наученный горьким опытом, Захар пил молоко. К его удивлению, так же поступил и Семен. Помощник капитана налил себе большую кружку пенистого молока и выпил ее, не отрываясь.

— На море этим не побалуешься, если на корабле нет своего скота, — сказал он, заметив удивленный взгляд Захара.

Захар невольно вспомнил «Екатерину», и у него защемило сердце.

Ему передали хлеб в красивой корзинке. В бока корзины были вплетены хохолки темно-красного пуха, а обод был украшен радужными обломками перламутровых раковин.

— Это работа помо, — сказал Кусков. — Хохолки — из пуха колибри, а ракушки — абалон, или морское ушко, как его еще называют. Умеют они делать красивые вещи.

Илья презрительно фыркнул, но тут же поспешил сделать вид, что закашлялся. Кусков не обратил на него внимания. Щетиновые усы Семена выглядели как хворост после снегопада. Он утер с них молоко и спросил, как люди Кускова уживаются с индейцами.

— Вообще неплохо, — ответил правитель; Пуммук убрал тарелки из-под борща и подал на стол мясо и свежие овощи. — Сначала было у нас несколько стычек с туземцами. Но с тех пор как мы научились понимать друг друга, отношения у нас хорошие. Давно не было неприятностей. До недавних пор. — Он холодно взглянул на Захара и налил себе вина.

Захар чуть не подавился куском хлеба. Он замер в ожидании. Кровь гулко стучала в ушах.

— Вот этот красавец недавно здесь опростоволосился. — И Кусков начал рассказывать о встрече Захара с тойоном.

Захар похолодел. Значит, о втором его проступке правитель пока ничего не знает? Что-то будет! Ведь он прокрался, как

вор, в круглый дом, в эту святыню помо. И его с позором вышвырнули оттуда. Боже мой! Теперь пища, съеденная за этим столом, камнем лежала у него в желудке.

Кусков между тем продолжал:

— Тойон убежден, что отец Захара бросил свою жену, то есть тойонову дочь. Вообще-то тойон большой умница, но эта мысль не идет у него из головы. А Захар умудрился загнать ее еще глубже.— Он отхлебнул вина.— Но я думаю, что затевать из-за этого ссору тойон не станет.

— А что он может? — пробурчал Илья.— В драку, что ли, полезет? С богом, говорят, не судись, с царем не дерись. А вы здесь царь и бог, так сказать.— И он загоготал над собственной остротой, так что крошки брызнули у него изо рта. Илья уже опрокинул изрядную толику рюмок, лицо его горело.

— В драку? Нет, хуже,— возразил Кусков.— Они могут сняться с места и уйти. А нам без них не обойтись.

Капитан Рошин вытер свою тарелку хлебной корочкой.

— У вождя ведь тоже жизнь не масленица. И со своими нужно ладить, и с чужими. Приходится небось оправдываться перед племенем. Как-никак, а вы расположились на их землях.

— Ну что ж, мы поселились здесь с их дозволения,— сказал Кусков.— Мы признали их права на землю, чего никогда не делают испанцы. Эти герои привыкли предъявлять права на целые страны по той простой причине, что какой-то их корабль проплыл мимо берега. Правда, индейцы живут на этом берегу покои веков, но они-то в счет не идут.— Он отхлебнул вина.— А если уж испанцы высаживаются на берег, то непременно с пушками. Пушки против луков и стрел! И называют себя конкистадорами!

Это звучное слово отвлекло Захара от его невеселых мыслей. «Конкистадоры,— повторил он про себя,— конкистадоры». Но тут же уныние снова овладело им. Захар понимал, что он должен рассказать Кускову про круглый дом. И чем скорее, тем лучше. Он чувствовал себя как преступник в ожидании приговора.

Застольный разговор постепенно угасал.

И вдруг на площади раздался тревожный звон бронзового колокола. Кусков вскочил и торопливо заковылял к двери, за ним бросились остальные. Пуммук невозмутимо продолжал убирать со стола.

Кусков распахнул дверь. Через площадь к дому правителя бежал долговязый солдат.

— Испанские солдаты, господин правитель! — выпалил он, с трудом переводя дыхание. Его глаза возбужденно блеснули. — Человек семь-восемь. Капитан Барский выслал наших навстречу, чтобы задержать их у блокгауза.

— Передай капитану: пусть выяснит, что им здесь надо, и пришлет тебя сюда с донесением, — велел Кусков.

— Слушаюсь. — Солдат затрусил вверх по склону.

Капитан Рошин и Семен заторопились на корабль. Попов и Руденко тоже ушли. Кусков ждал в дверях. Стоя за его спиной, Захар глубоко вдыхал мягкий вечерний воздух. Илья остался в столовой; он сидел привалившись к столу и пьяно икал. Из кухни доносилось позвякивание тарелок.

Снова прибежал, запыхавшись, длинноногий солдат:

— Капитан просил передать, господин правитель, что это мирная делегация. У них письмо для вас. Командует ими лейтенант Хавес. С ним капрал, тот немного по-русски говорит. И семь солдат в эскорте.

— Расположить их на ночевку в пустом амбаре за палисадом. Скажи господину капитану, чтобы поставил там часовых. Испанских офицеров сопровождать сюда. Вежливо, понял?

— Слушаюсь. — Солдат козырнул и убежал.

Кусков вошел в столовую.

— Ты, Илья, оставайся здесь, поможешь мне с ними в разговоре. Ты ведь кумекаешь по-испански.

Партовщик кивнул и громко заикал в ответ. Кусков поглядел на него прищурившись, кликнул Пуммука. Когда слуга вошел, Кусков велел ему вывести Илью за дом и дать ему ведро воды.

— Присмотри за ним. Пусть полощет голову, пока не протрезвеет, — добавил он.

Индеец окинул Илью оценивающим взглядом и вывел его через заднюю дверь.

Захар спросил нерешительно:

— А мне как, уйти, Иван Александрович?

Казалось, правитель совсем забыл о его существовании. Он глянул на Захара, обвел взглядом опустевшую комнату.

— Нет, пожалуй. Иди в гостиную, жди там испанцев, а я отлучусь на минуту. По нужде. — И он вышел в заднюю дверь.

Войдя в гостиную, Захар заметил, что дрова в камине выгорели, и принялся заново разводить огонь.

В то время как он возился у камина, перед домом послышался

топот сапог, стук прикладов о землю. «Испанцы!» Захар разогнул спину, оглянулся на дверь.

Высокий испанский солдат перешагнул порог, снимая на ходу синий кавалерийский плащ, покрытый пылью.

Захар шагнул навстречу, не зная, что полагается делать или говорить в таких случаях. «Скорее бы вернулся правитель!» Он неуверенно посмотрел на испанца.

Испанец ответил ему вызывающим, надменным взглядом. Черные его волосы были подстрижены так коротко, что казались нарисованными на его смуглой коже. В посадке головы, во всей его стати, в каждом движении сквозило самодовольство записного вояки и покорителя дамских сердец. Он сорвал с плеча плащ и швырнул его под ноги Захару:

— Гей, малшик!

Захар недоуменно глядел на плащ, складки которого еще подрагивали на полу.

— Поднять это, ты! — сказал испанец.

Ноздри тонкого носа с высокой переносицей брезгливо раздувались, словно в комнате дурно пахло.

Захар выпрямился. Он вскипел, но старался не подать вида.

— Я вам не лакей, — ответил он почти спокойно.

Они устали друг на друга, как бойцовые петухи перед схваткой.

В этот момент вошел второй испанец, средних лет, приземистый, крепко сбитый. Темные курчавые волосы стекали с его висков, смыкаясь с бакенбардами. На его аккуратном синем мундире были лейтенантские эполеты.

— Ривера! — резко окрикнул он своего подчиненного и что-то добавил едким тоном, глядя на плащ на полу. Тот ответил ему угрюмым взглядом, но плащ поднял.

Захар шагнул навстречу лейтенанту.

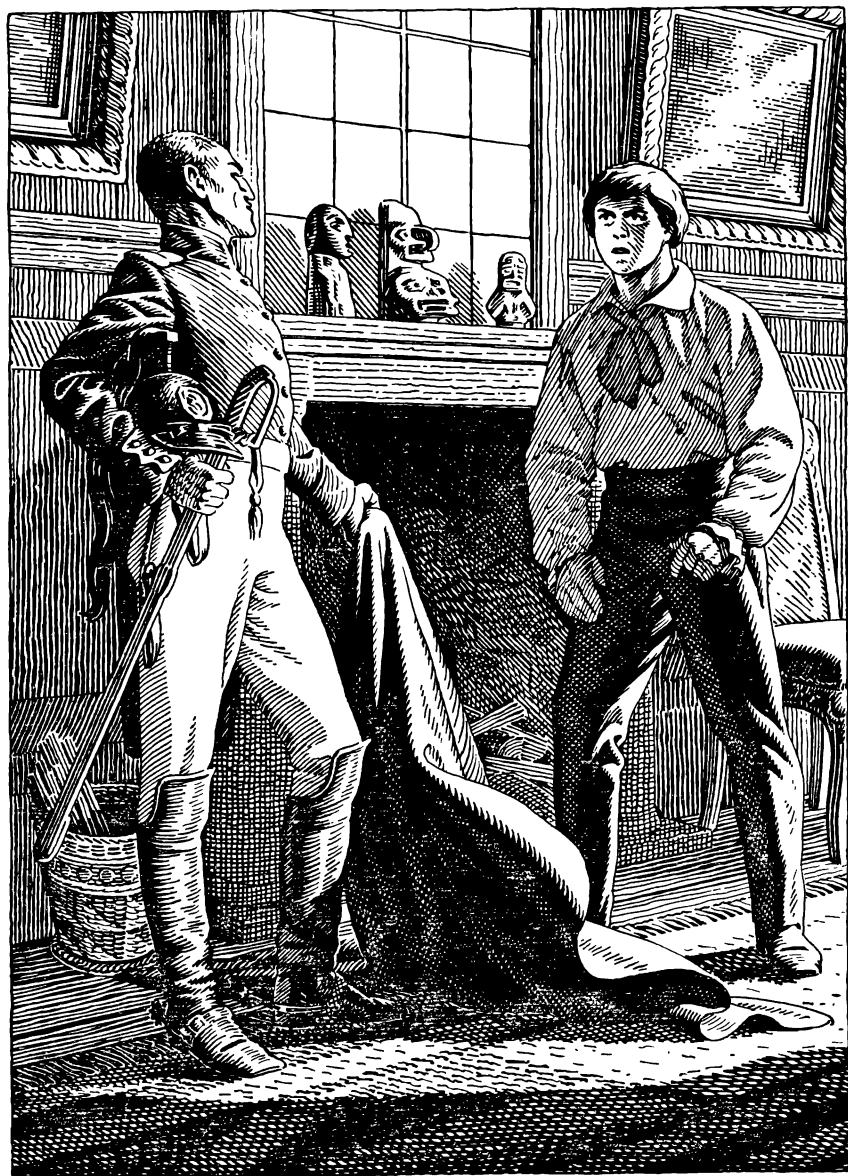
— Захар Петров к вашим услугам, — сказал он с легким поклоном. — Господин правитель сейчас придет...

Тут в дверях столовой появился Кусков. Он обменялся рукопожатием с офицером.

— Лейтенант Хавес, — представился испанец, затем повел рукой в сторону высокого: — Капрал Ривера.

— Де Ривера, — поправил его заносчиво капрал, — де Ривера!

В гостиную вошел Пуммук и принял плащ у капрала. Кусков выразительным жестом пригласил гостей к столу. Сам он уселся с противоположной стороны стола, Захар сел рядом. Так они и

сидели попарно друг против друга, словно партнеры в какой-то светской игре.

Пуммук вернулся и стал разливать вино. Вошел Илья, приглаживая мокрые волосы, и сел рядом с Кусковым.

Прежде чем перейти к деловому разговору, Хавес и Кусков обменялись тостами с цветистыми обоюдными комплиментами. Наконец Хавес достал из внутреннего кармана своего мундира мягкий кожаный футляр и вынул из него сложенный лист плотной бумаги.

— Государственные дела,— сказал он. Капрал перевел и передал бумагу Кускову.

— Письмо из Монтеррея,— произнес Ривера со своим жутким акцентом.— От губернатора Калифорнии.

Кусков любезно улыбнулся.

— От губернатора Испанской Калифорнии,— сказал он с нажимом на слове «Испанской». Потом развернул письмо: — Должен признаться, лейтенант, испанский почерк я не разбираю. Печатно, по-книжному, и то мне тяжело. А уж почерк...— он покачал головой с извиняющейся улыбкой.— Что там в письме?

Илья перевел его слова на испанский, а капрал начал, спотыкаясь на каждом слове, передавать ответ Хавеса:

— Письмо, что вы на испанской территории. Земля наша по праву открытия. Вы уйдите из форта Росс. Уходите из Калифорнии.

Лейтенант Хавес явно чувствовал себя не в своей тарелке. «Еще бы ему не сробеть,— подумал Захар с улыбкой.— Сидит в нашей крепости, кругом наши, и нам же велит убираться отсюда!» Заметив, что Ривера злобно уставился на него, Захар ответил ему безмятежным взглядом.

Кусков убрал письмо в стол:

— Я это письмо pošлю господину главному правителю Баранову на Аляску. А он, ясное дело, перешлет его в Санкт-Петербург. Об этом не нам судить, а правительству.

Он выждал, пока Илья переведет, и продолжал:

— Вам, должно быть, известно, лейтенант, что отношения между Россом и нашими испанскими соседями всегда были дружественными. Прежний ваш губернатор присылал нам скот и прочее из того, что нам было нужно, и мы не оставались в долгу. Торговля была полезна обеим сторонам. Что же случилось, почему вы изменили свое отношение? Надеюсь, ваше начальство не завидует этой маленькой крепости, которую мы возвели

здесь? Может, ему колют глаза наши урожаи, наши стада, наша верфь? Уверяю вас, мы вовсе не добивались, чтобы испанские поселения выглядели нищими по сравнению с нашими.

Этот язвительный ответ, переведенный Ильей, заставил Хавеса покраснеть. Правитель сидел непринужденно, улыбался любезно.

— Мне известно, лейтенант, что в Испании в последнее время многое изменилось. У вас новый король — то есть вообще-то прежний, но заново возведенный на престол, — а также новый вице-король и губернатор Испанской Калифорнии. Но все же и они должны понять, какие выгоды сулит мирная торговля с нами.

Лейтенант попытался поддержать светский тон, предложенный Кусковым:

— Мне ли обсуждать политику моего правительства, господин Кусков? Ведь я всего лишь курьер. — Он то разводил руками, то прижимал их к сердцу. Капрал между тем переводил. — Я со своей стороны могу сказать одно: эта земля — часть испанской территории, которая простирается к северу до самого пролива Хуан-де-Фука. Каждый, кто попытается захватить любую часть ее, будет... э-э... сожалеть об этом.

— Вы хотите сказать, что намерены прогнать нас отсюда? — Уголки губ у Кускова поползли вверх в откровенной насмешке. — Может быть, силой?

Лейтенант побагровел.

— Нет, что вы. Отнюдь нет... Я всего лишь простой солдат. Я не могу решать за свое правительство, господин комендант Кусков, так же как и вы за свое, — вы сами сказали. Я знаю одно: мне велено передать вам, что вы нарушаете права испанцев на эту территорию.

— Вообще, лейтенант, вам следовало бы знать вот что. Мы поселились здесь с изволения российского правительства. Ни одна из держав до нас не владела этими землями. Туземное население добровольно уступило нам Новый Альбион. — Кусков подождал, пока Илья переведет, и продолжал: — Если ваше начальство попытается изгнать нас отсюда силою оружия, оно допустит ошибку, достойную всяческого сожаления. Давайте лучше жить в мире, добрыми соседями, как это было прежде. — Он улыбнулся самой любезной из своих улыбок и добавил вскользь и так быстро, что капрал не успел понять его: — Мы уйдем отсюда, когда рак на горе свистнет.

Эти слова Илья переводить не стал, из чего можно было заключить, что он тоже знает толк в дипломатии.

Далее правитель сказал, что капитан Рошин отплывает на следующий день с товарами, предназначенными для обмена на испанское зерно. Кусков выразил надежду, что россиянам удастся наладить регулярные и крупные закупки пшеницы. Испанцы только выгадают от этой сделки, добавил он. В Монтерее Рошин вручит губернатору письмо по этому поводу. А пока он, Кусков, хотел бы, чтобы господа офицеры передали его пожелания испанским властям в Сан-Франциско. Пожелания эти — «мир и торговля».

Хавес кивнул с улыбкой. Но Ривера покачал головой:

— Я — нет, — заявил он. — Ничего не передаю. Меня переводят. На юг. Теплый юг. Сан-Франциско — только холод, песок и блохи. — И он надменно взглянул на Кускова.

На прощанье Кусков и Хавес опять обменялись изысканными тостами и комплиментами. Ривера наблюдал за ними с циничной ухмылкой. Он накинул плащ и вызывающе глянул на Захара. Выяснив, что Захар — не слуга в доме, он с подчеркнутой иронией называл его «сеньором».

— До свиданья, сеньор Петров, — с расстановкой произнес он, покидая гостиную. Ривера был легконог и худощав, как горная кошка.

Правитель вышел вместе с гостями и проводил их до северных ворот. Их сопровождал эскорт из русских солдат.

Захар хотел было пойти вслед за ними, но на площади к нему подошел Гальван и предложил прогуляться.

— Ладно, — согласился Захар. — Тогда пошли на берег.

Захар теперь избегал прогулок в сторону индейской деревни. О своем посещении круглого дома он никому не рассказывал, в том числе и Петру, надеясь, что дело не получит огласки, пока он сам не расскажет Кускову.

Они прохаживались вдоль обрыва, глядя сверху на волны, блестящие в лунном свете, как жидкое серебро. Гальван в этот вечер говорил не умолкая, он возбужденно рассказывал о своей красавице невесте, о предстоящей женитьбе. Они ушли довольно далеко от крепости и уселись на камни. По-прежнему говорил один Гальван, Захару оставалось только слушать. Наконец Петр выговорился и собрался идти спать.

— А ты что, никогда не спишь по ночам? — спросил он Захара.

Захар рассмеялся, но не тронулся с места.

— Я-то? Нет, разве что по утрам иногда. Не хочется уходить от этой красоты. Ты иди, а я еще здесь посижу.

Он привалился спиной к огромному валуну и наблюдал, как черные валы внизу разбивались о берег и рассыпались белой пеной. По левую руку от Захара виднелись прибрежные строения: кузница, верфь, лодочный сарай. В белом лунном свете они казались массивными и черными. Ритмичный гул моря незаметно убавюкал Захара.

Дернувшись спросонья, Захар стукнулся затылком о валун, открыл глаза. По морю шла дорожка от низко висевшей луны. Все тело у Захара онемело от неподвижности и холода. Он поднялся, зябко поеживаясь, обхватил руками свои плечи.

Вдруг какое-то движение у самого края обрыва привлекло внимание Захара. На ровном участке обрывистого берега торчало что-то, похожее на высокий камень. Захар был озадачен: раньше здесь камня не было. Он протер глаза и всмотрелся.

Тут он понял, что это не камень, а человек. Высокий человек. Высокий человек, закутанный в длинный плащ. Человек пристально смотрел на крепость. Волосы и борода были словно нарисованы черной краской. Ривера! Испанский капрал склонился над каким-то белым предметом, который он держал в руке, и поглядывал то на него, то на крепость.

Наконец до Захара дошел весь смысл увиденного: каким-то образом Ривере удалось пробраться мимо часовых, расставленных вокруг места ночевки испанцев, и сейчас он снимал план крепости.

— Эй! — вырвалось у Захара.

Слома голову он бросился вниз по склону.

Прибой заглушал шум его шагов. Теперь испанец разглядывал бухту, повернувшись спиной к Захару.

— Эй, ты! — снова завопил Захар. Он был уже в двух шагах от Риверы, стоявшего на ровной площадке, покрытой сухой травой и галькой. — Чертов шпион!

Ривера резко обернулся. Он глянул дерзкими черными глазами на подбегавшего Захара и выронил лист бумаги из рук. Отвернувшись, он сказал:

— Ладно. Бери это.

Захар остановился и перевел взгляд на белый лист, валявшийся на земле. В ту же секунду Ривера бросился на Захара и сбил его с ног.

«Старый фокус,— успел подумать Захар,— и я на него клюнул!»

Мускулистые руки стиснули горло Захара. Красная мгла поплыла перед его глазами, сознание затуманилось, ноги конвульсивно задергались. Собрав все силы, он отчаянно рванулся и ударил испанца коленом в пах. Тот взвыл от боли и скатился с Захара. Какое-то время они лежали рядом, судорожно глотая воздух.

Ривера вскочил первым, сорвал с себя плащ. Пошатываясь, Захар поднялся на ноги. Он ожидал, что испанец тут же бросится на него, но тот начал кружить вокруг него крадущимися шагами, выбирая удобный момент для атаки. Захар был настороже: как только испанец бросался на него, он закрывался и при первой же возможности наотмашь бил кулаками. Они кружили, схватывались и снова расходились над самым обрывом; оба дышали тяжело, с хрипом.

Ривера использовал все уловки грязной драки: он бил головой и ногами, пытался выдавить глаза и даже кусался. Захар был упрям и силен, как молодой бык, а сознание правоты утраивало его силы. Шпион должен получить по заслугам!

Ривера стал теснить его к краю обрыва, надеясь сбросить его вниз. Захар осторожно, бочком уходил в сторону. Краем глаза он покосился на крутой обрыв с торчащими внизу скалами. В тот же миг Ривера метнулся к нему, норовя нанести удар ногой, который неминуемо сбросил бы Захара с площадки.

Захар отскочил в сторону, и удар, нацеленный ему в живот, пришелся по голени. Захар упал на карачки, ему казалось, что нога сломана. Но этот рывок Риверы чуть не сбросил его же самого с обрыва. Он с трудом вскарабкался на площадку, пока Захар поднимался на ноги.

Когда испанец снова приблизился к нему, Захар увидел, что в руке у того что-то блеснуло.

— С ножом! — завопил Захар. — Ах ты сукин сын!

Ривера снова стал выписывать свои смертельные круги вокруг Захара, нож поблескивал в лунном свете. Захара прошиб холодный пот, он не отрывал глаз от ножа, стараясь в то же время уследить за движением ног противника.

Раз за разом испанец делал ложные выпады, отскакивал, заходил то с одной стороны, то с другой.

При очередном выпаде из-под ноги у Риверы вывернулся камень, он качнулся, теряя равновесие.

Захар давно уже принаравливался лягнуть врага и на этот раз не упустил удобного случая. Он ударил ногой по запястью Риверы, нож задребезжал по гальке. И тут же Захар нанес испанцу отчаянный удар снизу, в который вложил всю силу, весь вес своего тела. Удар пришелся в челюсть и, казалось, оторвал Риверу от земли. И вот он лежит, опрокинувшись навзничь, с закрытыми глазами, черная бородадка уставилась в небо.

Захар стоял согнувшись в три погибели, упираясь руками в колени. Воздух со свистом вылетал из его груди. Все тело ломило и ныло, словно его измолотили вальками.

Когда Захар сумел, наконец, выпрямиться, он дрожащими руками снял с себя пояс, перевернул бесчувственного испанца и связал ему руки за спиной. Потом отстегнул пояс Риверы и спутал его ноги, снова перевернул на спину и накинуд на него плащ.

Он подобрал белый лист бумаги там, где уронил его Ривера. Луна осветила грубый, незаконченный набросок крепости и бухты под ней. Захар медленно, обстоятельно разорвал рисунок и выбросил клочки за край обрыва. Потом оглянулся на неподвижное тело испанца.

— Конкистадор! — пробормотал Захар, добавил что-то невнятное и начал взбираться вверх по склону.

*Изгнанье? Пожалей! Скажи мне: «Смерть!»
Лицо изгнания страшнее смерти
во много раз.*

Шекспир, «Ромео и Джульетта»¹

9. ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Правитель Кусков стоял в дверях своей комнаты со свечой в руке. Желтый свет играл на его рыжеватых взъерошенных волосах. Костыль, на который опирался правитель, задрал край его длинной ночной рубахи. Захар и Гальван только что закончили свой рассказ о ночной прогулке капрала Риверы.

Оставив Риверу на берегу, Захар первым делом прибежал в казарму и растолкал Петра. Вдвоем они приволокли капрала, все еще не пришедшего в себя, к амбару и бросили его на порог. Часовой спал. Разъяренный Гальван разбудил его затрепачной.

¹ Перевод А. Радловой.

— Так ты говоришь, Ривера рисовал план крепости? — спросил Кусков.

— Так точно. И он...

Правитель поставил подсвечник на пол у двери, протянул руку:

— Ну-ка, дай взглянуть.

Только теперь Захар сообразил, какую глупость он сморозил. Он глядел на Кускова разинув рот:

— Я его разорвал и выбросил.

Медленно, бесстрастным голосом Кусков повторил:

— Значит, ты его выбросил.

— Так точно. Но я хорошо его разглядел при лунном свете, господин правитель. Луна нынче такая ясная... И вообще все ясно. Ривера — лазутчик, шпион. Он снимал план...

Кусков оборвал его:

— Обвинять его в шпионаже мы не можем. У нас нет улик. Была улика, но ты ее уничтожил. Вообще теперь эта история выеденного яйца не стоит. Я сам не раз водил испанцев по Россу, нам нечего от них скрывать. Правда, если он тайком прокрался к крепости, чтобы составить карту, это уж слишком. Но без доказательств...

Захар глядел на него с ужасом. Лицо правителя было холодным и замкнутым.

— Об этом я с ними даже разговора заводить не буду, — продолжал Кусков. — Ты будешь твердить свое, а они свое. — Он проворчал в сторону Гальвана: — Сержант, часовому — дюжину плетей.

— Слушаюсь. — Гальван козырнул и вышел.

— А ты, Захар, марш спать.

Захар поднимался по лестнице, чувствуя себя глупым, осрамившимся щенком.

Испанский отряд выехал на следующее утро. Захар постарался не показываться им на глаза. Судя по всему, правитель и виду не подал, что ему известно о ночном происшествии.

Сразу же после их отъезда отплыл капитан Рошин. Захар и Гальван были в числе тех, кто вышли на берег провожать «Златоуст».

— Рошин подался за хлебом для Аляски, — сказал Захар. — А почему бы не сеять пшеницу здесь? Неужто у нас здесь земли мало?

— Отчего же, здесь и пшеницу сеют, — возразил Гальван, —

но здешнего урожая не хватает. Сыро здесь для пшеницы, туман ее губит. И еще здесь гоферов тьма, маленькие такие зверюшки, вроде сусликов, они корни грызут.

«Златоуст» медленно удалялся, над ним кружили чайки.

— Прощай, старина,— пробормотал Захар.

Едва корабль миновал южный край бухты, как русский вымпел и флаг Российско-Американской компании заполоскались и расправились на ветру.

— Знаешь, Петр, я это старое морское корыто где хочешь узнал бы, хоть на краю света.

Когда «Златоуст» скрылся из виду, горстка провожающих рассыпалась.

Кусков направился к верфи, где уже обозначился остов брига, похожий на скелет кита.

— Ты в казарму, Петр? — спросил Захар.— Мне еще нужно поговорить с господином правителем.

Захар подошел к стапелям и стал в сторонке, дожидаясь, когда Кусков закончит разговор с корабельным мастером. У Попова была привычка, разговаривая, вертеть в руках какую-нибудь деревяшку. Захар не мог отвести взгляда от этих рук, искореженных многолетней плотницкой работой.

Захар всегда с завистью наблюдал за работой людей на верфи. Ему не терпелось тоже взяться за плотницкий инструмент, почувствовать, как сверло вбивается в дерево, ощутить весомую тяжесть рубанка, увидеть, как змеится из-под его рубанка стружка.

Когда Кусков заковылял к лестнице, Захар пристроился с ним рядом.

— Иван Александрович,— произнес он настойчиво,— можно мне с вами поговорить?

— Наверху,— отвечал Кусков, ставя свою деревяшку на нижнюю ступень.— Давай-ка сперва одолеем эту лестницу.

Поднимаясь следом за Кусковым, Захар заметил, что правитель ни разу не позволил себе закричать или хотя бы громко перевести дыхание, хотя ему, очевидно, тяжел был подъем. Этот человек умел владеть собой и редко давал волю своим чувствам.

Когда они поднялись на ровную травянистую площадку, с которой открывался вид на бухту, Кусков остановился.

— Так. Ну, что у тебя?

Захар перевел дыхание.

— Иван Александрович, позвольте мне перейти на другую работу.

— Что, надоело вести конторские книги?

— Не в том дело. Ходить на морского зверя — вот что мне не по душе. Правда, я только учетчик, а все равно противно. Я ведь дома плотничал: тесать, пилить, строгать — это по мне. Как вы думаете, можно мне пойти на стапеля?

Кусков зашагал к воротам.

— Илья тебя не отпустит. Как только придет корабль с Ситхи, Илья возьмет своих людей и пойдет с ними на юг. Плавание будет долгое, без учетчика ему не обойтись, тут уж ничего не попишешь.

— Иван Александрович, я придумал, как ему вести учет! Вместо имен можно пользоваться номерами. Я ему уже все растолковал.

Захар с азартом объяснил свою идею. Кусков полюбопытствовал, что сказал на это Илья.

— Ничего не сказал. Но похоже, что он на это клюнул. Номера на лодках он уже написал.

— Ладно, я с ним поговорю. На верфи ты бы пригодился. Попов жаловался, что рук не хватает.

Они прошли в ворота мимо козырнувшего часового.

— Я бы и вам помогал с отчетами, — сказал Захар. — Только бы мне остаться здесь.

— Посмотрим. — Кусков заковылял через площадь. — Ну, что у тебя еще на душе?

Изложить второе дело было куда сложнее, Захар это знал. Он сделал глубокий вдох, словно собираясь нырнуть в холодную воду:

— Я, господин правитель, был намерен в деревне, в Метени. Я был рядом с их круглым домом и... — Голос его сорвался.

Но Кусков уже не слушал его. Он внимательно вглядывался в сторону северных ворот.

В воротах появился тойон. Вождь помо был в своем парадном плаще из черных и белых перьев и высоком головном уборе, на груди красовалось ожерелье из бус. С ним был еще один индеец в плаще из оленьей шкуры и тоже в парадном головном уборе из перьев.

Приветливо улыбаясь, Кусков двинулся навстречу индейцам, сердечно поздоровался с ними. Тойон отвечал на приветствие с величественным видом.

Как только Захар увидал в воротах тойона, сердце у него упало. Он не мог расслышать, о чем говорят индейцы с правителем, но Кусков оглянулся на него, и Захар понял: речь идет о нем.

Кусков ввел индейцев в свой дом, бросил через плечо:

— Захар, зайди.

С бьющимся сердцем Захар последовал за ними. Тойон сел на самый краешек кушетки с гнутыми ножками и застыл в напряженной позе. Хрупкость козетки подчеркивала всю неуместность его одеяния из перьев в этой комнате. Морщинистое лицо тойона было сурово и печально. Второй индеец — видимо, помощник вождя — подтянул кресло и уселся рядом. Кусков стоял лицом к ним на своем привычном месте у камина. Захар замер у порога. Его трясло как в лихорадке.

Не отрывая темных глаз от лица Кускова, вождь начал рассказ о вторжении Захара в круглый дом. Тойон не обращал внимания на Захара, ни разу не взглянул на него. Он называл Захара «этот сын Петрова», словно его здесь не было. Тойон сказал, что до сих пор ни один белый не был свидетелем пляски колдуна в Метени. Это священный танец, очень древний, его устраивало братство посвященных. Теперь индейцам Метени придется отказаться от него. Глаза белого человека лишили танец волшебной силы.

Захар пришел в ужас. Он понятия не имел, сколь серьезен его проступок. Это представление с корзиной угольев было странным, жутким, захватывающим. Но священным?..

Кусков перевел взгляд на Захара.

— Это правда? Дочь тойона сказала тебе, что чужим нельзя в круглый дом? И ты все же полез туда?

— Господин правитель, я как раз хотел рассказать вам про это. Да, она что-то такое говорила. Но я тогда не обратил на это особое внимания. И когда я в ту ночь оказался перед круглым домом, ее слова вылетели у меня из головы. Я...

— И у тебя вылетел из головы мой наказ уважать наших друзей помо и их вождя? Я вижу, Захар, что говорить с тобой бесполезно.

— Господин правитель, виноват...

— И ты прокрался туда?

— Ну да, я вошел, но ничего плохого там не делал. Просто стоял у стенки.

— Ты знаешь, как помо наказывают человека, который

подглядывает за их обрядовыми плясками? Даже индейца, не посвященного в их секретное братство... ты знаешь, что они с ним делают?

Захар растерянно покачал головой.

— Они держат его над огнем и поджаривают ему гузно,— сказал Кусков.— Ты еще дешево отделался.

Тойон поспешно вставил, что такое наказание применялось очень редко, может, всего один раз.

— Мы не жестокие, господин правитель. Даже когда наш человек нарушает закон, мы ничего ему не делаем. Мы отсылаем его прочь. Мы просим, чтобы ты тоже послал прочь этого сына Петрова.

— Ой, нет, не надо! — Захар почему-то засмеялся пронзительным нервным смехом и сам не узнал свой голос.— Ведь вы этого не сделаете? Господин правитель! Иван Александрович!

В его голосе звучали протест и мольба.

Лицо Кускова казалось таким же каменным, застывшим, как лица обоих индейцев. Он оборвал Захара одним жестом и посмотрел на вождя.

— Это суровый приговор, тойон. Ты знаешь, что паренек проделал большой и опасный путь, чтобы найти своего отца. Отослать его прочь сейчас...

— Его отец! — Тойон презрительно фыркнул.

— А что, если я откажусь?

Старик пожал плечами, и складки на его груди сморщились еще больше.

— Ты знаешь, что.

Кусков задумчиво поглядел на бесстрастное лицо старого вождя; потом повернулся к Захару:

— Да, разочаровал ты меня, Захар. А я было на тебя рассчитывал. Но теперь...

Захар чувствовал, к чему идет дело. Он глядел на Кускова с отчаянной мольбой.

— Господин правитель!

Внезапный стук заставил всех обернуться. В дверь просунулось большое пухлое лицо Ильи.

— Виноват, Иван Александрович,— сказал партовщик.— Корабль из Ситхи пришел.— Он вошел в комнату, отдуваясь после поспешного подъема от пристани.— «Елена». Капитан — Годви, из бостонских шкиперов, что работают на господина

Баранова. Собирается отплыть, как только пополнит запас дров и воды.

— Сейчас спущусь,— сказал Кусков.— Ты, Илья, пока собери своих алеутов.

Илья поспешно вышел.

— Захар!

Захару казалось, что он читает мысли Кускова.

— Не надо, господин Кусков! Ради бога!

— Пойдешь на «Елене», вместе с Ильей,— бесстрастно произнес Кусков,— будешь считать добычу. Собирайся.

Он вопросительно посмотрел на тойона. Старый вождь молча кивнул.

...Захар двигался как во сне. Непослушными руками собрал теплую одежду. Свалил в одеяло все прочие свои пожитки и поспешил к дому отца.

Надя была подавлена известиями, которые принес ей Захар. Он вручил ей свои вещи:

— Пожалуйста, сохрани до моего приезда. Если отец вернется первым, скажи ему...

Она обняла его, залилась слезами: «О Захар, Захар!» — прижалась мокрой коричневой щекой к его щеке.

Ее неподдельное горе растрогало Захара, у него перехватило горло.

— До свидания,— выдавил он с трудом и выбежал вон.

Он не плакал, но лицо его было мокрым от ее слез.

Времени оставалось только-только, чтобы добежать до казармы и попрощаться с Петром. Гальван стиснул его руку, обнял, трижды расцеловал его: «Возвращайся, брат, поскорее!» — и улыбнулся.

Захар дружески ткнул его в бок и побежал.

На злополучной «Екатерине» Захар служил младшим матросом и был счастлив, когда его перевели в кубрик. На «Златоусте» он жил чуть ли не на правах судового офицера. На «Елене» Захар снова оказался в кубрике среди матросов. Это была пестрая компания, в основном американцы с кличками вроде «Швед», «Французик», «Рыжий Ирландец». На «Елене» было около тридцати алеутов, прибывших с Ситхи, да еще поднялся на борт Илья со своими охотниками.

Захар быстро понял, что на этом корабле ему нечего рассчи-

тивать на какие-либо привилегии. Но он был слишком подавлен, чтобы обращать на это внимание. «Елена», бойкая шхуна из тикового дерева, держала курс на юг. Надежда найти отца слабела с каждой новой милей, отдалявшей Захара от Росса. Теперь ему казалось, что все его долгое и опасное путешествие было ни к чему, что сама жизнь потеряла всякий смысл. Захар был мрачен, замкнут и настолько одинок, насколько это возможно на многолюдном судне. Он безмолвно выполнял свою ненавистную работу: считал окровавленные тушки животных, которые доставляли на корабль охотники; он безропотно глотал помой, которыми на «Елене» кормили команду, и вдыхал зловоние трюма.

Капитан «Елены» был бостонский шкипер с прескверным характером. Звали его, собственно, Хардвик, однако русские переименовали его фамилию на свой лад и называли его «Годви». Алеуты звали его «чертов бостонец» — «Дэмбостон». Это был один из американских шкиперов, занимавшихся добычей морского зверя исполу с Российско-Американской компанией. Баранов поставлял охотников, шкипер предоставлял корабль, а прибыли делили пополам. Хардвик очень был похож на акулу — особенно ленивыми движениями своего длинного, тощего тела, которое умело двигаться с неожиданной быстротой, когда шкиперу этого хотелось. Лицо у Хардвика было вытянутое, с чертами острыми, как лезвие гарпуна. Он то и дело сморкал свой длинный красный нос в грязный клетчатый платок.

Немного южнее Росса «Елена» бросила якорь в большой бухте у голого скалистого мыса. Илья сказал, что это мыс Дрейка. Когда ветер разогнал туман, на противоположном берегу бухты показалась гряда каменистых холмов; их пологие склоны, обращенные к морю, были занесены песком. Два дня байдарки обшаривали все уголки залива в поисках морских бобров, однако результат был ничтожный. Скучная добыча вконец испортила и без того скверный норов капитана. Пока охотники поднимали на борт свои лодки, он до полусмерти избил двух алеутов, которые показались ему недостаточно расторопными.

Когда судно снова вышло в море, туман до того сгустился, что Захару казалось, будто они плывут под огромным опрокинутым горшком сметаны. Он стоял у поручней, уныло наблюдая, как проносится мимо темная вода.

Илья остановился рядом, поглядел на это сырое белое одеяло, окутывающее их со всех сторон:

— Ну и туман! Считай, нам повезло, что мы попали к Годви.

Я уже бывал с ним прежде. Он плывет наугад, но всегда приходит туда, куда надо.

— А куда нам надо? Куда мы идем? — мрачно спросил Захар.

— К Скалистым островам. На карте они называются Фараллоны — то же самое, только по-испански. Наши там промышляют морских котов и сивучей. Один русский и с ним дюжина алеутов. — Он перегнулся через поручень и сплюнул в пену. — Каждый компанейский корабль обязан заглянуть туда, если проходит поблизости, и подбросить им дров и воды. Там ведь ни деревьев, ни пресной воды, кроме дождевой.

Приблизившись к Фараллонам, шхуна стала против ветра и сбавила ход. Огромный каменный горб вынырнул из тумана.

— Это главный остров, здесь у нас фактория, — сказал Илья.

Узкие фьорды выглядели черными щелями в массивной скале. Шхуна подошла так близко, что Захар сумел разглядеть в расщелинах сотни небольших черно-белых птиц, стоявших столбиком, как пингвины.

— Кайры, — пробормотал Захар.

Он еще помнил, что отец любил их яйца. Недалеко от их дома на скалах был птичий базар, и каждой весной Захар ходил туда с отцом. Отец оставлял Захара внизу, он не позволял ему карабкаться на крутые скалы. Когда отец спускался, его рубашка оттопыривалась спереди от яиц, которые он складывал за пазуху.

Под оглушительные крики чаек «Елена» бросила якорь. Пеликаны взмахивали огромными крыльями и парили высоко над стаями темных буревестников, срезавших верхушки волн. Горбатые скалы ошетились бесчисленными черными столбиками бакланов, сидевших на гнездах. Корабельная шлюпка вошла в узкую, как лезвие ножа, бухточку, которую море и ветер вырезали в твердом граните. На берегу лежало несколько перевернутых байдарок. Вода шиферно-серого цвета плескалась в этом заливишке.

Горсточка людей в парках с капюшонами подбежала к шлюпке и вместе с гребцами стала разгружать ее. Русского промысловика нетрудно было узнать среди алеутов по окладистой рыжей бороде. Широкие, безволосые лица алеутов, работавших на берегу, просияли при виде земляков, сгрудившихся на носу «Елены». Они начали бойко перекликаться, заглушая чаек.

Неожиданно на палубу выскочил капитан, яростно размахивая кофель-нагелем — железным штырем, которым обычно поль-

зуются для крепления снастей. С гневным ревом он начал дубасить алеутов по головам, и те бросились врассыпную. Когда последний алеут скрылся в трюме, Годви стал на носу с победным видом, широко расставив ноги. Он подбоченился, достал свой клетчатый носовой платок и затрубил в него громко, как снежный гусь.

Илья вперевалку зашагал к нему по палубе. Вместо того чтобы заступиться за своих людей, он стал извиняться перед шкипером. Захару Илья напоминал большую, но трусливую собаку, униженно виляющую хвостом. Шкипер снова трубно высморкался и направился на корму.

Илья заметил Захара, наблюдавшего за этой сценой, и подошел к нему:

— Бешеный этот шкипер, не приведи господь! Алеутов бьет по чем зря!

Захар хмыкнул, но ничего не сказал.

— А ты не больно-то задирай передо мной нос! — вскипел вдруг Илья. — Не могу я с ним из-за этого лаяться. Только хуже будет. Деньги уплывают, вот он и звереет. Повезет с охотой — и он подобрееет.

«Елена» подняла якорь. Обогнув остров, они прошли мимо лежбища — каменной площадки, на которой расположилось стадо сивучей — огромных серых зверей весом с тонну каждый, с толстыми, мясистыми, вислыми мордами. На одном из немногих ровных клочков земли на острове стояла хижина, сложенная из камней; она выглядела такой же холодной и негостеприимной, как и сам остров. Птичьи гнезда покрывали каждую пядь поверхности, и чайки тучами носились над головами с бесконечным оглушительным гамом.

— И надолго остаются здесь промышленные? — спросил Захар.

— Когда на год, когда на два.

Захар содрогнулся:

— Как же они здесь выдерживают, в этой холодной пустыне? Одни голые камни да туман. А когда туман разойдется, только и видно, что это холодное, серое море.

— Да еще птичье дерьмо по колено, — ухмыльнулся Илья. — Ты прав, не все здесь выдерживают. На моей памяти здесь уже свихнулись двое. Русские. Алеутам — тем хоть бы что. Они ко всему привычные, не то что наш брат.

— Я тебя убью! Я тебя застрелю! —

Жестокий вскричал капитан.—

— Я в море тебя, как щенка, утоплю...

«Баллада о тщеславии».

10. ГОРЬКОЕ ПЛАВАНИЕ

Захара огорчали мелкие, но очень досадные неприятности, которые то и дело случались с ним. Едва «Елена» вышла из Росса, как алеуты начали враждебные действия против него. Они не воевали с Захаром в открытую. Но под ноги ему то и дело летели предметы, о которые он спотыкался. На его одежду проливали всякую вонючую дрянь. Его вещи бесследно исчезали, а если и находились потом, то в безнадежно испорченном виде.

Алеуты вели против него форменную партизанскую войну. Это уже не было похоже на обычное поддевание новичков на борту корабля. Кроме того, рассуждал Захар, алеуты слишком

покорный, нерешительный народ, чтобы позволять себе такие шутки с русским. Кто-то должен был подбивать их на это.

Захар все чаще обращал внимание на байдарщика, который с ведома Ильи командовал остальными охотниками. Этого коренного, с литыми плечами алеута из Росса звали Тайин. У него были необычные для алеутов желтые глаза, которые временами казались янтарными. Когда кто-нибудь из его людей в очередной раз пытался насолить Захару, Тайин наблюдал за этим с ухмылкой. Но Захару ни разу не удавалось поймать его взгляд. Стоило Захару взглянуть на него, как эти желтые глаза на широком, бесстрастном, желтоватом лице уже смотрели куда-то в сторону.

Проделки алеутов до предела натягивали нервы Захара, который и без того был в безнадежно плохом настроении. И наконец, однажды вечером, когда корабль стоял на якоре у входа в залив Сан-Франциско, Захар не выдержал. Весь день алеуты охотились в бухтах и фьордах пролива, ведущего в этот большой залив. Ведя счет добыче, Захар стоял на палубе рядом с растущей горкой тушек морских бобров. От их вида и запаха у Захара все переворачивалось внутри.

На борт поднялся последний охотник и тяжело уронил убитого котика прямо под ноги Захару. Когда туша шлепнулась на палубу, из вспоротого брюха вывалились внутренности. Захар отскочил, но зловонная кровавая каша обдала его сапоги и забрызгала штаны.

Захар обрушился с бранью на охотника, маленького, невзрачного алеута. Тот бросил на него испуганный взгляд и убежал в трюм. Рядом стоял и ухмылялся Тайин. Его глаза ускользнули от яростного взгляда Захара.

И тут Захар взорвался. Один прыжок — и он схватил Тайина за плечи, навис над его приземистой фигурой:

— Это ты его подговорил? Ты их всех подбиваешь на эти пакости, так ведь?

Глаза алеута замерцали янтарным блеском.

— Убери руки, господин Петров, — сказал Тайин ровным голосом.

— Сами они бы не решились. Это ты их подзуживаешь! — Захар еще крепче вцепился в тяжелые плечи Тайина и встряхнул его.

— Руки убери, — повторил алеут. Краска залила его широкое смуглое лицо.

Захар снова встряхнул его. Одним резким движением плеч Тайин сбросил руки Захара и отскочил. Они стояли друг против друга со сжатыми кулаками.

— Эй вы там! А ну кончайте! — Илья встал между ними. — Вы что? — Он понизил голос и тревожно оглянулся: нет ли поблизости капитана? — Чего не поделили?

— Ничего, господин Мишкин, — угрюмо проворчал Тайин, не сводя с Захара своих тлеющих желтых глаз.

— Это наше дело! — огрызнулся Захар. Он не стал бы жаловаться Илье, даже если бы алеуты заживо содрали с него кожу.

— Ладно. Пошел вниз, Тайин, — скомандовал Илья.

Алеут строптиво покосился на партовщика, но все же нехотя подчинился.

Позже Захару удалось поговорить с Тайином с глазу на глаз. Гнев Захара утих, и он уже сам стыдился своей вспышки. Но он твердо решил выяснить, за что алеуты травят его.

На его вопросы Тайин реагировал как обычно: пожимал плечами и что-то мычал, делая вид, что не понимает, чего хочет от него Захар. Но в конце концов он сказал:

— Наши люди получили номера. Имени нет. Номер.

— Чего, чего?

— Номер на байдарке. Ты сказал господину Мишкину: забери имя, дай номер. — Его лицо медленно наливалось кровью.

— Ах, ты вот о чем. Ну да. Это я предложил. Ну и что?

Тайин не спешил с ответом. Долго безразлично глядел вдаль, потом перевел тяжелый янтарный взгляд на Захара:

— Ты имеешь имя, да? Господин Петров твое имя, да? А ты хочешь номер? Хочешь, чтобы тебя звали «номер три»? Или «пять»? Или «пятнадцать»? «Эй ты, Пятнадцать!» Ты это любишь?

— Ах, я не знаю. — Захару стало не по себе. Нет, ему бы это не понравилось. Он Захар. Захар Иванович Петров. — Да какая вам разница?

— Чертовско большая разница — взять у человека имя. Но ты думаешь, нашему человеку все равно. «Алют!» Глупый, как мускусный бык. Алют ничего не чувствует, ничего не знает.

Захар неловко переминался с ноги на ногу.

— Я тебе скажу, — продолжал Тайин бесстрастным голосом. — Номер приносит беду. Первая охота из Росса, первый раз номера, очень нехорошая охота. Номер шесть мертвый. Номер шесть мертвый. Номер два, номер два — мертвые. — Теперь его

голос был хриплым, на скулах выступили багровые пятна.— Четыре моих брата нет. Мертвые. Не номер. Человек.

— Ах ты боже мой... Я виноват.— Захар прикусил губу. Ему показалось, что он увидел слезы в этих желтых глазах. Но Тайин быстро отвернулся.— Я скажу господину Мышкину, чтобы убрал номера. (Захар знал, что теперь в номерах никакой нужды не было. Ведь он сам вел счет.) А ты скажи своим, чтобы они перестали, ладно?

Тайин ушел, не сказав ни слова.

Илья охотно согласился закрасить номера на байдарках и вернуться к именам. Он вообще готов был на все что угодно — только бы к ним вернулась удача.

Однако алеуты не уgomонились, они стали еще более дерзкими. Захар понял свою ошибку. Нельзя было показывать, что их проделки задевают его за живое. Почувя слабину, они стали еще неутомимее травить его. Захар сдерживал себя, стиснув зубы, старался не обращать внимания на своих мучителей. Но внутри у него все кипело. Его прежняя добродушная беззаботность сменилась угрюмостью. Он стал враждебно относиться ко всем алеутам и особенно — к Тайину. Казалось, эти желтые тигровые глаза с ухмылкой провожали каждый его шаг. Впервые в жизни Захар возненавидел человека.

Однажды утром до восхода солнца байдарки отплыли на охоту в залив Сан-Франциско. Корабль бросил якорь вне залива — подальше от испанского форта на скале, господствовавшей над внутренней частью пролива. Байдарки могли безопасно пробираться по проливу мимо испанских пушек только у противоположного берега.

Как только солнце съело туман, воздух задрожал, замерцал от зноя. Но перед заходом солнца прохладный бриз снова нагнал туман. Захар шагал по палубе, дожидаясь возвращения охотников. Сырой туман окутывал верхушки мачт и стался по палубе седыми прядями. Корабельные фонари бросали тусклые желтые отсветы на влажный настил.

Подошли первые байдарки. Охотники поднимались на палубу, дрожа от изнеможения. Захар стоял под фонарем и считал добычу. Затем одновременно причалила целая стайка лодок, последним поднялся на борт Илья. До смерти уставшие люди сгрудились вокруг Захара, подсчитывавшего добычу.

От рубки спешил к ним капитан, что-то выкрикивая на ходу. Захар торопливо записывал последние цифры.

— Сорок,— сказал он Илье.— И несколько котиков. Три байдарки еще не пришли.

— Сорок бобров, капитан Годви,— сказал Илья шкиперу.— Трех байдарок еще нет.— Его лицо было серым от усталости. Он озабоченно вглядывался в темноту.

— Сорок? — Капитан дернулся, словно у него что-то взорвалось внутри. Он затрясся всем телом и разразился потоком ругательств.

Илья повернулся лицом к разъяренному капитану. Со слабой извиняющейся улыбкой он сказал:

— Капитан, люди не виноваты. Мы работали как проклятые на этой адской жаре. Когда мы подошли к берегу, чтобы набрать воды из родника, нас уже поджидали эти чертовы испанцы. Они отогнали нас выстрелами. Весь день мы подыхали от жажды, а потом надрывались, чтобы выгрести к «Елене» против прилива.

Шкипер метнулся к рубке и начал выкрикивать приказания, то и дело трубно сморкаясь в свой клетчатый платок. Задрезбужала якорная цепь.

Захар бросился к шкиперу.

— Нельзя, нельзя уходить! — завопил он.— Еще не все лодки вернулись! — Он истоптанно замахал рукой в сторону берега.— Байдарки! Три лодки! — он поднял вверх три пальца.

Не обращая на него внимания, шкипер выкрикивал английские команды. Захар схватил его за руку:

— Стойте! Там же люди! Нельзя их оставлять. Три байдарки!

Хардвик подхватил кофель-нагель и огрел Захара по голове. Захар отшатнулся и повис на поручнях.

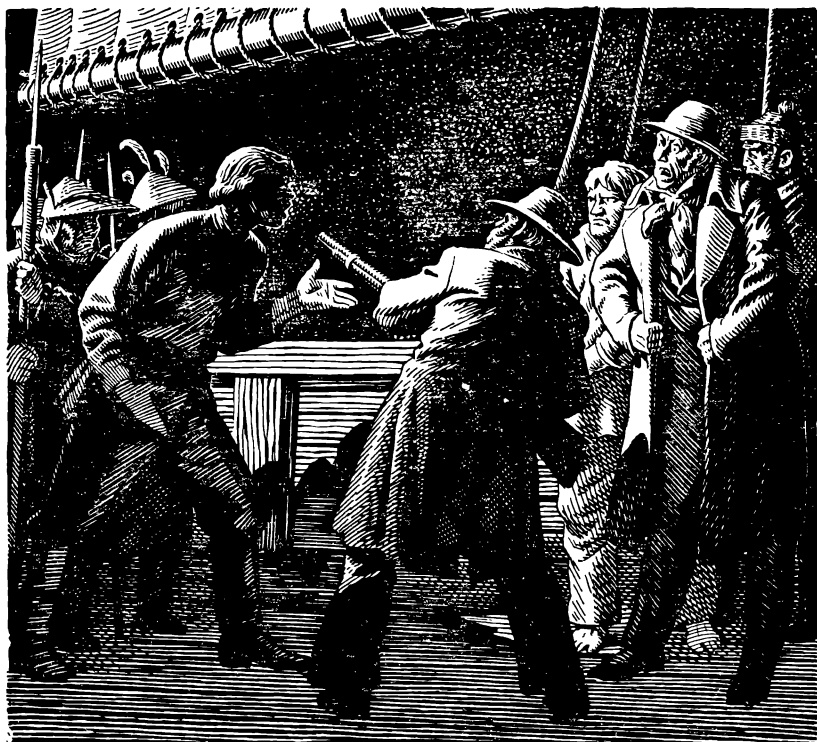
— Мистер Мишкин! — взревел капитан.

Илья уже бежал к нему.

Кучка алеутов во главе с Тайином начала надвигаться на капитана. В глотках у них угрожающе клочкотало. Тревожно затрезвонил корабельный колокол.

Захар висел на перилах, обхватив голову руками. Собрав все свои силы, он выпрямился и обернулся. На помощь капитану бежали матросы, вооруженные железными штырями. Они строились под фонарем. Рядом с Хардвиком уже стоял его помощник с мушкетом в руках. Илья держался в тени, но поближе к капитану.

Тайин и еще с полдюжины алеутов остановились в несколь-

ких шагах от капитана. Они требовали, чтобы он подождал, не бросал их товарищей. Остальные охотники сгрудились на шкафуте, ворча, но не осмеливаясь открыто поддержать Тайина.

Илья заорал на алеутов, чтобы они спустились в трюм. Захар снова бросился было к капитану, умоляя его подождать. Дуло мушкета повернулось в его сторону, и он застыл на месте.

— Захар, заткнись! — завопил Илья. — Ступай вниз, слышишь? Ну! Пошел вниз!

— Он не смеет бросать людей! — выкрикивал Захар. — Сделай же что-нибудь!

— Я попытаюсь, а ты заткнись и спускайся в трюм. Уходите отсюда, вы все. Все!

Привычка слушать своих русских хозяев была сильна в алеутах. Тайин пошел к трапу, то и дело злобно оглядываясь

через плечо. За ним потянулись остальные. Захар бросил отчаянный взгляд на людей под фонарем. Дуло мушкета все еще глядело на него. С тяжелым сердцем он спустился по трапу следом за алеутами.

И почти тут же (или это только так казалось?) корабль снялся с якоря. В трюме раздавались унылые, жутковатые причитания алеутов — они оплакивали своих собратьев.

«Елена» продолжала идти на юг вдоль неровных, изрезанных берегов. Там, где на смену голым скалам приходили лесистые склоны, дичь так и кишела повсюду. Захар видел стада благородного оленя, всевозможных птиц. В ясный солнечный день они вошли в Монтерейский залив.

Захар разглядывал маленький городок Монтерей. Во все стороны разбежались домики с белеными стенами и красными черепичными крышами. Над небольшим квадратом глинобитного президио развевался флаг, и звук трубы слабо доносился через залив. С севера в залив впадала река, на юге стеной стояли леса, чуть ближе расположилось небольшое селение. В бухте стоял на якоре корабль, к причалу было привязано несколько лодок.

«Так это и есть Монтерей,— думал Захар.— Столица Испанской Калифорнии, морской их оплот! — Он презрительно фыркнул: — Жалкая деревушка по сравнению с Ситхой».

«Елена» миновала Монтерей, по-прежнему держа курс на юг. Туманы остались позади, становилось все жарче. Но теперь, где бы они ни бросали якорь, они видели на берегу испанских солдат. Четыре кавалериста все время маячили поблизости, отпугивая их. Когда шкипер в очередной раз замечал их силуэты на берегу, он приходил в ярость, при этом нос его бледнел от злости. С проклятиями он приказывал снова поднять якорь. Добыча алеутов по-прежнему была скудной...

Питьевая вода была на исходе. Капитан Хардвик отбирал алеутов для поездки на берег за свежей водой. Он стоял рядом с Ильей и тыкал костлявым пальцем:

— Ты,— он показал на Тайина.— Ты, и ты, и ты тоже.— Потом повернулся к Захару: — Ты, Петров.

Захар не поверил своим ушам. Он изумленно посмотрел на шкипера и покачал головой:

— Я? Нет. Это не мое дело

Хардвик посмотрел на Илью, отрывисто бросил что-то по-английски. Илья заискивающе улыбнулся в ответ и сказал:

— Делай, Захар, что велят. Я сам знаю, что это не твое дело. Так ведь он здесь хозяин, его слово закон.

— С чего это он вздумал посылать меня? Это не моя забота.

Илья покосился на капитана. Нос Хардвика зловеще бледнел. Илья торопливо шагнул к Захару, обнял его за плечи мясистой рукой:

— Слушай, Захар, не валяй дурака. Тебе что, жизнь не мила?

Захар сбросил его руку пожатием плеч.

— Ладно, чего уж там. Только непонятно мне это...

Ворча, Захар забрался в корабельную шлюпку и уселся между двумя пустыми бочками на корме, лицом к гребцам. За спинами у гребцов пристроились алеуты: Тайин и еще трое, по двое на каждой банке, лицом к корме. Рассеянно глядя на них поверх голов гребцов, Захар ломал себе голову: почему Хардвик послал его, Захара, вместе с алеутами?

И вдруг, уже у самого берега, его осенило. Именно эти алеуты стояли впереди всех в тот вечер на рейде Сан-Францисского залива. Он сам тогда кричал громче всех и хватал шкипера за руку. И теперь Дэмбостон в своих мыслях свалил его в одну кучу с этими алеутами. «И я, и они — смутьяны. Очень может быть, что Хардвик задумал избавиться от них, но так, чтобы все можно было свалить на несчастный случай». От этой мысли Захар похолодел. Он дал себе клятву никогда больше не ввязываться в дела и заботы алеутов. «Не стоят они этого, — сердито подумал он. — А я теперь буду держать ухо востро с этим чертовым Дэмбостоном».

Шлюпка заскрипела килем о песок. Алеуты выбрались вброд на берег, неся по паре кожаных ведер. Следом за ними выпрыгнул на отмель Захар. Вода приятно холодила босые ноги. Матросы остались у лодки; один из них, белобрысый веснушчатый парень, стал на часах с мушкетом.

Захар побрел по песку к каменистому обрыву. Ручеек, сбегавший с прибрежных холмов, низвергался с обрыва алмазным водопадом. По краям русла росли лишайники и дикие цветы. Берег порос дикой мятой, а в одной из ложбинок Захар нашел водяной кресс — жеруху. Он набрал пригоршню жерухи и на ходу с наслаждением жевал ее сочные побеги. У листьев жерухи был острый вкус, они отдавали перцем.

Под обрывом было безветренно и тихо, солнце припекало вовсю. Прежде чем наполнить свои ведра, Захар окунул голову

в поток и долго пил холодную свежую воду. Алеуты уже двинулись к шлюпке с полными ведрами.

Внезапно над их головами раздались крики. 'Затрещали выстрелы. Фонтаном забила вода из ведра, пробитого пулей. В панике алеуты побросали ведра и опрометью кинулись к шлюпке.

Сердце отчаянно колотилось в груди у Захара, когда он, петляя, помчался по песку. Щелканье выстрелов подстегивало его, во рту пересохло от страха.

Когда Захар достиг кромки воды, шлюпка уже отвалила от берега. Отчаянным затычным рывком, разбрызгивая воду во все стороны, Захар проскочил отмель и в последний момент дотянулся до кормы. Он перевалился через транец и плюхнулся между бочками. Матросы, с красными, потными лицами, гребли изо всех сил.

Отдышавшись, Захар стал отчаянно бранить матросов.

— Вы хотели бросить меня на берегу, так ведь? Если б вам не пришлось разворачивать шлюпку, я бы вас не догнал!

Он оглянулся. На скале у водопада вырисовывались против солнца черные силуэты четырех всадников. Испанцы не стреляли — лодка была уже слишком далеко. Водопад искрился под солнцем.

— Не понимай,— буркнул веснушчатый матрос.— Не говорит по-русски.

Шлюпку подняли на палубу «Елены». При виде порожних бочек капитана охватил один из его привычных приступов бешенства. Он разразился потоком проклятий. Один из гребцов попытался что-то объяснить ему, но Хардвик заставил его замолчать ударом кулака.

Прибежал Илья и стал загонять алеутов в трюм — подальше от капитанского гнева. Захар тоже начал спускаться по трапу, но тут новый взрыв ругани заставил его оглянуться.

Один из участников поездки на берег, пожилой, колченогий алеут, замешкался на палубе. Шкипер взмахнул кофель-нагелем, раздался глухой треск, как будто раскололся арбуз, и охотник осел на палубу.

Мертвая тишина воцарилась на палубе. Все застыли, немо глядя на неподвижную распростертую фигуру. Кровь сочилась на доски из проломленной головы. Слышались только хриплые крики чаек, да волны ударялись о борт корабля с чмокающим звуком.

Тайин метнулся к лежащему телу. Он упал на колени рядом с алеутом, приподнял его голову.

— Боже милостивый! — хрипло произнес Илья. — Вы его убили, капитан.

Не отводя взгляда от алеутов, Хардвик отдал какую-то команду. Помощник капитана и несколько матросов стали за его спиной.

Тайин припал к покойнику и тихо запричитал. Подошли остальные алеуты, сгрудились вокруг, затаили негромкую воющую песню. Поверх их голов Тайин глядел на капитана. На его широком лице была написана нескрываемая ненависть. Желтые раскосые глаза словно целились в капитана из невидимого ружья.

— Это убийство! — крикнул Захар.

Вспышка справедливого гнева стерла собственную его неприязнь к алеутам. Возмущенно выкрикивая что-то, он направился к шкиперу.

Хардвик стоял в своей привычной позе: широко расставив длинные ноги, подбоченясь, сжимая в кулаке грязный носовой платок. Его нос побелел от злости, только пунцовые ноздри пылали. Глядя в лицо Захару, он что-то процедил сквозь зубы.

Илья бросился к ним.

— Захар, ради бога, перестань! Он грозитя заковать тебя в кандалы.

— Меня? Это его нужно связать, как бешеную собаку, — захлебывался Захар. — Он убил человека! Хладнокровно, ни за что ни про что!

Хардвик сказал что-то ровным голосом, но вид у него был угрожающий, ядовитый, как у гадюки.

— Захар, дьявол тебя возьми, перестань же! Он говорит, что закует тебя в кандалы и выдаст испанцам. Заткнись и убирайся в трюм!

Захар утих. Он взглянул на алеутов, сгрудившихся вокруг убитого: ни движения, ни слова протеста. Посмотрел на бostonцев, выстроившихся против него, на Илью, который, как всегда, стоял на стороне капитана. Повернулся и молча пошел вниз.

Несколько дней жизнь текла на «Елене» непривычно спокойно. Охотники уходили на промысел морского зверя, матросы делали свою повседневную работу — все происходило втихо-

молку. Разговоры велись вполголоса. Казалось, все ждали, что вот случится какая-то беда. Не раз Захар замечал, как Тайин смотрит на шкипера своими янтарными, полными лютой ненависти глазами. Шкипер тоже это видел.

Потом, дальше к югу, охотникам начало везти. Тушки драгоценного пушного зверя сотнями хлопались на палубу. То и дело звучал самодовольный смех Ильи. Алеуты перестали изводить Захара.

Удачная охота смягчила нрав капитана, и вспышки его беспричинного, безрассудного гнева прекратились. Захару казалось, что день злополучной вылазки за водой всеми забыт. Но в одно прекрасное июльское утро он понял, что заблуждался.

*Как был пленен я нагими врагами
и продан в рабство...*

Шекспир, «Отелло»¹

11. ПЛЕН

Ясным солнечным днем «Елена» резво шла вдоль убегающих береговых холмов. Дул легкий бриз. Округлые холмы, покрытые выжженной рыжевато-коричневой травой, мерцали в жарком мареве. Капитан Хардвик, не отрываясь, разглядывал берег в подзорную трубу. Когда цепь холмов оборвалась и показалась плоская, как стол, равнина, капитан велел убрать паруса и бросить якорь. Как только якорь плюхнулся в воду, стая морских птиц с криком поднялась в раскаленное добела небо.

¹ Перевод А. Радловой.

Вытянув шею, Захар с удивлением глядел на берег. Ведь здесь негде было набрать воды, к тому же сейчас в воде недостатка не было. Выжженная солнцем равнина простиралась в глубину примерно на полмили, за ней опять начинались холмы. Под одним из холмов по правую руку от Захара виднелся темно-зеленый болотистый луг, на фоне рыжего склона он казался почти черным. На лугу, по брюхо в траве, паслось стадо. Несколько коров неторопливо брело вверх по склону в сторону леса, покрывавшего вершину холма. Не видно было ни домов, ни дыма, ни каких-либо других следов человеческого жилья.

Подзорная труба шкипера снова и снова ощупывала берег. Потом он стал отбирать людей для поездки на берег — точно так же, как в прошлый раз.

Илья стоял рядом и переводил его команды. Капитан отправлял на берег Захара, Тайина и еще десять алеутов, включая двоих из тех, что были в предыдущей поездке. Задание: заарканить и забить одну из коров, чтобы снабдить команду свежим мясом.

Те же матросы доставили их на берег. Захар был настороже. На этот раз он пошел безропотно, зная, что протестовать не только бесполезно, но и опасно. Он чуял какой-то подвох со стороны капитана. Но какой?

Как и прошлый раз, матросы остались охранять шлюпку, остальные подались гурьбой в сторону луга, на котором паслось стадо. Захар перекинул через плечо моток прочной веревки, он прихватил и нож, чтобы освежевать корову. Тайин шагал рядом с ним, помахивая топором. Остальные брели за ними по пустоши, поднимая пыль босыми ногами. Свежее дыхание бриза уже не доносилось сюда. Солнце обжигало непокрытые головы. В воздухе стоял запах сухой травы.

Захар взглянул на непроницаемое лицо алеута. Выражение лица Тайина менялось только в минуты опасности или гнева: тогда яркая краска проступала на его скулах. Сейчас у него был обычный бесстрастный, почти безмятежный вид. Захар решил:

— Слушай, Тайин, — начал он осторожно, — давай не будем убивать корову.

Алеут пожал плечами:

— Все одно. Наши люди не едят корову.

На палубе «Елены» поблескивала капитанская подзорная труба.

— Дэмбостон смотрит,— сказал Тайин.— Ты лучше делай, что он велит. Ты русский. Ты сейчас главный. Не делай нам беды.

— Помоги мне вспугнуть стадо. Пусть капитан думает, что они сами от нас убежали.

Когда они приблизились к лугу, коровы дружно повернули к ним головы, нервно втягивая ноздрями воздух. Стадо беспокойно задвигалось.

— Эй вы, пошли! — заорал Захар.— Кыш! Пошли отсюда!

Он с криком побежал к стаду. В отличие от коров, за которыми Захар присматривал на «Екатерине», здешний полудиккий скот боялся людей и не подпускал их близко. Стадо галопом двинулось вверх по холму, к лесу.

Тайин трусил рядом с Захаром и смеялся. Он крикнул своим через плечо:

— Давайте, ребята, кричите, пугайте их! Ху-а! Ху-а!

Коровы неуклюже, но проворно неслись вверх по склону. Люди бежали за ними, крича и улюлюкая. Захар на бегу утирал рукавом пот со лба:

— Ну и ну!

Эти нескладные с виду животные бежали на удивление резво. Первые коровы уже нырнули в чащу и замелькали среди деревьев. Захар бежал не останавливаясь, в ушах у него гудело от топота стада и криков, пыль и пот слепили глаза.

И тут из леса вынырнули всадники. Захар остановился как вкопанный, протирая глаза: прямо на него глядело дуло мушкета. Четыре испанских кавалериста держали их под прицелом.

Двое всадников тут же проскакали вперед, сгоняя в кучу отставших. Алеуты сгрудились вокруг Захара и Тайина.

Синие мундиры солдат казались серыми от пыли, серыми были и их лошади.

Солдат, державший под прицелом Захара, повел ружьем, показывая на нож, отрывисто скомандовал что-то, обнажая черные корешки зубов.

Захар посмотрел в сторону моря. Шлюпка уже подгрребала к «Елене». Поднятые паруса наполнились. Итак, береговая партия была брошена на произвол судьбы. Неужто капитан умышленно отправил их в западню? Мысль о подлом предательстве оглушила Захара, подавила волю к сопротивлению.

Он уронил нож, скинул веревку с плеч. Тайин уже отшвырнул топор.

Два солдата спѣшились, проверили, нет ли у них оружия, пинками и затрещинами заставили их стать в один ряд.

А потом их погнали. Руки связаны за спиной, лодыжки спутаны сыромятными ремнями, которые не давали им идти широким шагом. Связанные одной длинной веревкой, пленники шли цепочкой на расстоянии полутора-двух шагов друг от друга. Первым оказался Тайин, за ним шел Захар.

Впереди ехали два солдата. Чернозубый (похоже, он был у них за старшего) привязал конец веревки к луке своего седла. Двое остальных замыкали колонну.

Они начали подниматься вверх по склону. Чтобы не отставать от всадников, приходилось бежать рысцой. Захар был в рубаше, штанах и в сапогах, которые защищали его лодыжки от ремней. На алеутах же были старые штаны, обрезанные у колен, да рваные рубахи. Захар все время видел перед собой короткие мускулистые ноги Тайина с мозолистыми подошвами. Путы из плетеных ремешков при каждом шаге врезались в его щиколотки.

Час за часом испанцы гнали их вперед под палящим солнцем. Пыхтя, пленники взбирались на очередной холм, вниз спускались бегом, чтобы не отставать от лошадей. Захар брел спотыкаясь, отупевший от жажды, горячий воздух обжигал пересохшую глотку. От разгоряченных лошадей несло потом.

Когда жара стала совсем невыносимой, люди начали падать. Упавшие с трудом поднимались на ноги; чтобы помочь им встать, остальные всем телом наваливались на веревку. Один из солдат то и дело проезжал вдоль колонны и подстегивал валившихся с ног людей плетью.

Захар упал на вершине каменистого холма. Цепочка людей дернулась и остановилась. Захар стоял на коленях, свесив голову на грудь, тяжело дыша. Тут же словно огненный язык лизнул его спину. Захар закричал от боли и вскочил. Солдат поглядывал на него с лошади с легкой жестокой усмешкой, от которой задрался кверху клинышек его черной борода.

— Вáмос!¹ — скомандовал погонщик, и новый удар плетью ожег Захара.

Захар потащился вперед, неловко переставляя спутанные ноги...

По дну лощины, поросшей ольхой, лениво катился ручей. Чернозубый спешился, чтобы стеречь пленников, пока остальные

¹ Пошли! (исп.)

испанцы набирали воду в большие плоские фляги. Потом они ввели в воду лошадей. Пленники облизывали пересохшие губы, глядя, как лошади тянут воду.

Захар стоял с опущенной головой и пытался стряхнуть с бровей пот, заливавший глаза. Его одежда пропотела насквозь, струйки пота стекали по спине и ногам.

Наконец лошади напились досыта. Солдаты вывели их на берег и привязали к деревьям. Чернозубый махнул рукой, и цепочка людей спустилась к воде.

Тогда Тайин заговорил. Он что-то сказал по-испански Чернозубому, стоявшему над ними на берегу. Тот удивленно взглянул на него.

Тайин торопливо произнес в сторону Захара:

— Я ему говорю: развяжи руки, дай напиток.

Чернозубый возразил что-то. Тайин отвечал серьезно, убедительно. Захару он объяснил:

— Он говорит: поклянись, что не убежишь. Я клянусь. Он глупый: куда бежать?

Солдат спустился вниз, прошелся вдоль цепочки, сдернул веревки с рук.

Как только Захару развязали руки, он бросился в ручей. Вода еще не успела отстояться, со дна клубами поднималась муть. Захар зажмурился и припал к воде. Он пил жадно, захлебываясь, поднимая голову только для того, чтобы перевести дыхание. Наконец он поднялся, чувствуя, что больше в него не войдет ни глотка. И тут же его стошнило. Задыхаясь, мучительно кашляя, он извергал из себя мутную воду. Позже, когда ему полегчало, а вода в ручье посветлела, он напился снова, но более осторожно. Потом оторвал от подола рубахи полоску, смочил ее и повязал вокруг лба.

Пленным разрешили передохнуть. Солдаты сняли седельные сумки, расположились в тени и принялись за еду. Ружья лежали у них под рукой.

Захар смочил водой запястья, на которых веревка оставила глубокие следы, и повернулся к Тайину. Тот растянулся навзничь на грязном глинистом берегу, усыпанном галькой. Остальные алеуты тоже распластались на берегу и, казалось, спали. Полуприкрытые веками глаза Тайина мерцали желтым блеском.

— Откуда ты знаешь испанский? — вполголоса спросил Захар. Общая беда заставила Захара забыть неприязнь к Тайину. Не открывая глаз, Тайин ответил:

— Испанский корабль разбился. Дома, на Кадьяке. Я брал матроса домой. Мало-мало научился.

Захар отжал мокрые волосы, расчесал их пальцами и стал разглядывать солдат. Судя по всему, испанцы долго были в пути и заранее к нему приготовились. Переметные сумы были набиты припасами. К задним лукам их высоких седел приторочены скатанные одеяла; палаши, пики, чехлы ружей туго притянуты к седлам ремнями. Плоские широкополые шляпы надежно защищали солдат от солнца. Мундиры, чепраки, чехлы фляг были темно-синего цвета, на прочей экипировке виднелись синие значки.

Захар повернулся к Тайину:

— Как ты думаешь, это те самые? Те, что стреляли в нас тогда, у водопада?

Тайин уселся и стал разглядывать испанцев, задумчиво щуря желтые глаза.

— Может быть.

— Провалиться мне на этом месте, если это не они! Они все время шли за нами берегом. Мы ведь всегда видали четверых. Помнишь?

— Может быть.—Глаза Тайина заблестели.— Дэмбостон видел. В трубу.

— Ты думаешь, он знал, что испанцы близко? — Захар с шумом втянул в себя воздух.— И послал нас на берег, чтобы они нас взяли?

— Капитан всегда смотрит в трубу. Зачем, как думаешь? Золото ищет, да?

Захар засопел.

— Годви решил от нас избавиться после того вечера у Сан-Франциско. И послал нас прямо в лапы к испанцам.

— Погоди, Дэмбостон, мы еще увидимся! — проворчал Тайин. Он выругался на своем родном языке, руки его заходили ходуном.

Захар глядел на эти короткие сильные пальцы, на ладони, блестящие от мозолей, на толстые безволосые запястья, покрытые красными рубцами. В душной тени, испещренной солнечными пятнами, Захара пробрала дрожь: ему казалось, он видит, как Тайин скручивает шею Дэмбостону, отрывает ему голову.

Испанцы велели им стать в ряд, снова связали их в цепочку, погнали быстрым шагом, то и дело переходящим в бег. После короткой передышки жара казалась еще невыносимее.

Захар изнемогал. Спотыкаясь, он брел вслепую, ориентируясь только по стуку копыт, дребезжанью уздечек и скрипу кожаных седел. Когда к нему пришло второе дыхание, он попытался разглядеть окрестности. Они шли на юг, удаляясь от берега. Тайин, мерно топавший перед ним, тоже внимательно изучал эти выгоревшие рыжие холмы. Захару они казались совершенно одинаковыми.

К вечеру люди едва держались на ногах. На привале пленники свалились кто где стоял, только Тайин еще держался. Захар упал на колени, перекатился на бок и словно провалился в обморочный сон.

Среди ночи Захар проснулся от холода, оцепенения и боли. Вокруг раздавался храп. Лошадь заржала, забренчала уздечкой. Оранжевым глазом подмигивал сквозь тьму тлеющий костер. Невыносимо болели онемевшие руки, скрученные за спиной. Щекой он ощущал твердость каменистой почвы. Захар чувствовал воду где-то поблизости, но не было сил добраться до нее. Когда он перекатился на другой бок, руки захрустели под тяжестью собственного тела. Но еще тяжелее давило ощущение безнадежности. Одни предали его, другие поймали и погнали бог знает куда. Захар заплакал. Слезы стекали со щек прямо на землю. Потом он уснул.

На рассвете птицы разбудили его веселым щебетом. Оказалось, они ночевали в дубовой роще, на берегу ручья. Солдаты развязали им руки, позволили напиться и умыться.

Они тронулись в путь. Второй день был страшнее первого. Испанцы гнали их в немыслимом темпе. И, как ни странно, они это вынесли. На вечернем привале у родника большинство из них еще могло держаться на ногах. Им развязали руки и впервые дали поесть.

Каждый получил по пригоршне сушеных кукурузных зерен. Захар набил ими рот и заработал челюстями. Не успел он опомниться, как проглотил всю порцию. Он напился воды из родника и сидел, разочарованно уставившись на пустые ладони.

А Тайин все еще ел. С убийственной медлительностью этот желтоглазый алеут брал с ладони по одному, по два зернышка. И жевал их, жевал, словно у него был полон рот мяса. Кукурузу он то и дело запивал водой. Это была долгая трапеза. Захар наблюдал за ним, и во рту у него сбегались слюни. Когда наконец с ладони Тайина исчезло последнее зернышко, Захар протяжно вздохнул.

Солдат, раздавший им кукурузу, глядел на них с ухмылкой. Он был помоложе остальных испанцев и не такой суровый.

— Цып-цып... — сказал он и сделал вид, будто сыплет корм цыплятам.

— Веселый парень! — процедил Захар сквозь зубы, глядя на испанца.

Он подтолкнул локтем Тайина:

— Попроси Чернозубого, пусть нам не связывают руки на ночь. Ни поесть, ни поспать толком, а завтра небось опять будут гнать весь день.

Тайин кивнул.

Солдаты пустили лошадей пастись, а сами усадились ужинать у костра. Когда Чернозубый поел, Тайин осторожно приблизился к нему и что-то сказал, запинаясь. В ответ испанец разразился длинной речью. Тайин пожал плечами, вернулся к Захару и перевел:

— Он сказал «нет».

Они снова провели мучительную ночь со связанными за спиной руками.

К вечеру третьего дня появились первые признаки жилья. Скот бродил по выжженным холмам. Пленникам дали сухой кукурузы и снова связали руки на ночь.

На следующий день они вышли на равнину, окруженную со всех сторон холмами. В центре этой чашеобразной равнины виднелись постройки миссии под красными черепичными крышами. Их пригнали во двор, окруженный высокими глинобитными стенами.

Они остановились перед низким каменным строением. Солнце обжигало их непокрытые головы. Измученные голодом, усталостью, жаждой, пленники едва представляли себе, где они находятся.

Им развязали руки. Подталкиваемые пинками и прикладами, они входили в дверь и валились на твердый земляной пол где попало. Завизжали ржавые петли, громко хлопнула дверь, загрохотали засовы. Люди ни на что уже не обращали внимания. Они лежали на грязном полу, облегченно вздыхая, наслаждаясь блаженной тьмой после палящего солнца. Со стороны могло показаться, что на полу валяются груды старого тряпья...

Захар пришел в себя от резкого звука отодвигаемой заслонки. В оконце, прорезанное в двери на уровне глаз, чья-то рука сунула еду и кожаное ведро с водой; к ручке ведра была

привязана жестяная кружка. Захар успел заметить, что на дворе уже сумерки. К его невыразимой радости, кроме сушеных кукурузных зерен, им дали по ломтю сладкого, сочного арбуза.

В полутьме, на ощупь они разделили еду поровну. Порции были скудные, как обычно. Алеуты ели арбуз вместе с коркой и с семечками.

Потом пленники уселись в кружок, чтобы обсудить свое положение. В их тюрьме не было окон. Воздух поступал только через щель под дверью шириной в полпальца. Они решили по очереди ложиться головой к этой отдушине, по трое за один раз. Часть драгоценной питьевой воды они израсходовали на то, чтобы смягчить и расслабить ножные путы. Они смочили свои головные повязки и обвязали ими отекающие ноги там, где они уже начали гноиться под кожаными путами. Несмотря на

сапоги, шиколотки Захара стерлись до живого мяса. С каждым шагом в пути петли затягивались все туже, и теперь ременные узлы были тверже железа. О том, чтобы снять сапоги, нечего было и думать.

Время шло, но Захар не знал, день теперь или ночь. Его мучило от удушливой вони в камере, блохи ели его поедом. Мучительно болела голова. Захар решил, что их оставили умирать в этой вонючей каменной коробке.

Но вот пришел его черед лежать у щели под дверью и вдыхать свежий, прохладный воздух. После короткого сна он ощутил прилив бодрости и надежды. Захар уселся и сказал, обращаясь в темноту:

— Ну, вот что! Нам нужно выбраться отсюда!

Лицо Сэнка, его руки, которыми он то наносил удары невидимому врагу, то изобрabжал петлю, стянувшуюся вокруг его горла, красноречивее любых слов рассказывали о его борьбе за свободу. Голос его крепнул... «Отпусти нас! Отпусти нас!» — Он кричал, умолял, заклинал.

Оуэнс, «Мятеж рабов»

12. РАБСТВО

леуты реагировали на его слова еще медленнее, чем обычно. Сидя в зловонной тьме, Захар слышал, как они откашливаются, что-то бормочут. Кто-то начал было говорить, но тут заскрипели дверные засовы. Завизжали железные петли. Массивная деревянная дверь медленно растворилась. Поток солнечного света ослепил Захара, сердце его заколотилось.

На фоне золотого сияния видны были только неясные черные силуэты. Тайин, прихрамывая, вышел вперед.

— Они говорят: «Выходи».

Захар вышел вместе с остальными, жадно вдыхая горячий

свежий воздух. Двое из алеутов выбрались на четвереньках, остальные еле передвигали окровавленные ноги. Захар чувствовал сырость в сапогах от гноящихся ран на лодыжках.

Постепенно глаза привыкали к яркому свету. Перед ними стояли двое. Священник в рясе, круглый, румяный, загорелый, голова тоже круглая, с тонзурой на макушке. Рядом с ним — офицер, поджарый, мускулистый, над аккуратной бородкой нависал крючковатый нос. За этой парой стояли солдаты в синих мундирах, с ружьями наизготовку.

Тайин заковылял было к священнику. Обмахиваясь соломенным веером, священник крикнул ему что-то. Тайин попятился:

— Он говорит: «Поди прочь. Воняешь, как дохлая рыба».

Захар окинул взглядом просторную площадь, окруженную глинобитными стенами. Здесь были десятки зданий: дома, бараки, церковь с длинным портиком. За исключением каменной тюрьмы, все здания словно выросли прямо из этой твердой, скудной глинистой почвы. И нигде ни деревца, ни листочка. Казалось, все эти иссушенные зноем глинобитные строения вот-вот готовы рассыпаться под палящими лучами солнца.

Тайин внимательно вслушивался в слова офицера; вслед за офицером говорил священник. Оба старались говорить медленно и внятно. Тайин отвечал им на спотыкающемся испанском языке, потом повернулся к товарищам:

— Говорят: мы крали корову, потому наказание. Будем здесь работать.

Офицер засыпал Тайина вопросами. Алеут то и дело поминал в своих ответах название корабля. Священник размеренно обмахивал веером свое одутловатое лицо. Этот коротышка был круглый и румяный, как наливное яблочко. Однако острые серые глазки, спрятанные в мясистых складках, были твердые, как мушкетные пули.

— Скажи им, чтобы сняли путы,— сказал Захар, мрачно глядя себе под ноги. Его шатало от боли и слабости.— Они нам скоро ноги перепилят.

— Я сначала раньше говорил,— отвечал Тайин.

Он тоже покачивался на распухших ногах.

Испанцы не спешили. Мимо проходили индейцы: мужчины в рваных синих штанах и женщины, закутанные в бесформенные хлопчатобумажные платья,— с любопытством поглядывая на вновь прибывших. Наконец офицер и священник удалились.

Пленники продолжали стоять под солнцем, охраняемые солдатами.

К ним подошел индеец с двумя ведрами воды. На нем были изношенные коричневые штаны и рваная синяя рубаша, широкополая соломенная шляпа защищала его смуглое лицо от солнца. С собой он принес баночку мази и чистую ветошь.

Под стеной тюрьмы оставалась узкая полоска тени. Пленникам разрешили сесть в тени, пока индеец обрабатывал их раны. Солдаты наблюдали за ними, лениво опираясь на ружья.

Индеец просунул тонкое лезвие ножа между кожаными путами и гноящейся щиколоткой Тайина. Захар видел, как побледнело лицо алеута, когда индеец начал перепиливать задубевшую сыромятную кожу. Индеец вытащил ввевшийся в кожу ремень, промыл сочившуюся гноем ссадину и досуха промокнул ее ветошью. Потом наложил черной мази на тряпку и сделал перевязку. Тайин откинулся к стене и устало выдохнул:

— Спасибо, грасиас.

Лицо его было серым.

Все с тем же бесстрастным видом индеец принялся за следующего. Он работал быстро и сноровисто. Захар решил, что это их местный фельдшер. Его помощник, мальчик-индеец, принес еще воды.

Когда пришел черед Захара, он чуть не сомлел, пока с него стаскивали сапоги. Сапоги снялись вместе с полосками кожи. Прохладная вода и черная, остро пахнущая мазь смягчили боль. Захар напился воды и прилег в тени.

В первые же недели жизни в испанской миссии Захар совсем пал духом. Как только ноги у пленников поджили, их послали на полевые работы. Захар работал среди индейцев, оторванных от своих очагов и семейств. Изо дня в день он видел вокруг себя несчастные лица обездоленных «лос индиос», которых заставляли обрабатывать землю примитивными деревянными орудиями. Каждое утро их выгоняли на работу, как скотину. Солдаты подкалывали их пиками: «Быстрее, быстрее!» Вечером их гнали скопом, как стадо, в миссию. За непослушание хлестали бичами. Палки и столб для наказаний ожидали более серьезных нарушителей, особенно тех, кто пытался бежать из миссии домой.

Вместе с полусотней индейцев Захара запирали на ночь в одном из длинных бараков. Женщин запирали отдельно. Барак кишел насекомыми, пахло в нем, как в логове диких зверей. Люди спали прямо на земляном полу или на плетеных соломенных матах, укрываясь грубыми одеялами, задубевшими от грязи. По приблизительным подсчетам Захара, в миссии жило около тысячи человек.

Кормили их сушеной кукурузой и жидкой размазней, которая называлась «пиноль»; изредка давали немного вяленого мяса. Кроме кукурузы, пшеницы, ячменя, пленники выращивали также овощи, фрукты, арбузы и виноград, однако даже пробовать их было запрещено. Однажды Захар украдкой съел кисть винограда — за это его хлестали кнутом до тех пор, пока он не свалился.

Люди, с которыми обращались как со скотом, и вели себя как скот. С овечьей покорностью повиновались они своим хозяевам. Захару казалось даже, что индейцы стараются держаться поближе к конным стражникам, подобно тому как стадо овец жмется к своему пастуху.

Каждый новый день в точности походил на минувший. На рассвете рабов выгоняли во двор. Падре, позевывая, читал молитву перед строем. После работы их снова сгоняли на молитву. Большая часть воскресенья, свободного от полевых работ, уходила на богослужения. Захар глядел на все это, как на дурацкий балаган.

Однажды, после очередной бесконечной проповеди, Тайин осведомился, одна ли вера у русских и у испанцев.

Захар сказал, что одна.

— Только у русских — православная, византийская церковь. А испанцы — римские католики.

— Почему?

— Сам не знаю. Вера-то вроде одна, а церкви разные. Я знаю только, что русские попы ходят волосатые, бородатые и могут жениться. А испанский падре лицо бреет и даже макушку, ты сам видел. И жен им нельзя иметь.

— А ты сильно веришь в русскую веру?

Захар задумался.

— Понимаешь, — протянул он, — меня ведь священник воспитал. Но я уже не верую так, как прежде. Знаю только, что русская вера правильная, а испанская — неправильная, вот и все.

Захар спросил, какая вера у алеутов. Тайину явно не хотелось распространяться об этом. Когда он все же неохотно заговорил, оказалось, что он безоговорочно верит в своего бога или богиню — Захар сразу не понял. Во всех водах живет божественная сила — в море, в озерах, в реках. Она добрая, хорошая, но в то же время капризная и коварная. Она похищает людей и уносит их в свое логово. Обычно они там и остаются. Но иногда она позволяет человеку вернуться на землю. Только «сперва сначала» она вынимает у него из груди сердце. Когда Тайин был еще мальчиком, он сам видел в своем селении человека, которому довелось побывать в море у водяной богини. Все боялись этого человека, это был ходячий труп, жертва водяному божеству. Зовут эту богиню Эль.

— Погоди-ка,— прервал его Захар.— Так этот бог женщина?

В родах Тайин никогда не был силен. Большинство имен существительных у него было женского рода.

— Да, да,— спокойно согласился Тайин.— Ее зовут Эль.

Сам Захар по натуре был скептиком, однако глубина и сила веры Тайина произвели на него сильное впечатление. Он спросил:

— Так ты думаешь, что эта водяная богиня, Эль, хватает каждого, кто попадает в воду? А ежели он хорошо плавает?

— У каждого человека свой, как это, помощник. Дух-помощник. Ангел... как это вы говорите? Ангел-помогатель?

— Ангел-хранитель?

— Угу. Ангел-хранитель смотрит за ним. Не дает Эль утащить человека. Бывает, ангел ленивый стал, забывает, не смотрит. Тогда плохо. Эль, она тащит этого человека вниз, под воду. Берет ему сердце.

Подумав, Захар спросил:

— А этот ваш ангел-хранитель — он белым людям тоже помогает?

Тайин пожал плечами:

— Не знаю.

— Я так думаю, что вряд ли. Зачем ему работать на чужих? Вы — другое дело, ведь Эль — ваша богиня.

Но Тайин, очевидно, решил, что рассказал о своей религии достаточно, даже более чем достаточно. Его вера была слишком глубокой, слишком серьезной, чтобы рассуждать о ней с белым человеком. Он лишь пожал плечами, повернулся и ушел.

Все это время Захар томился несказанно. От этой животной жизни, от неотступной тоски и скуки он совсем отупел, слонялся как неприкаянный. Читать нечего, поговорить не с кем. Тайин работал с ним в одной команде, спал в том же бараке; остальных алеутов рассовали по другим баракам. Отношения между Захаром и Тайином были прохладными. Но даже если бы они и были закадычными друзьями — так думал Захар, — с Тайином особенно не поговоришь.

Что больше всего тяготило Захара, так это явная несправедливость его положения. Его чувство собственного достоинства страдало от того, что с ним, белым человеком, обращались как с индейцем. Его, русского, поставили на одну доску с алеутами.

Впрочем, после нескольких месяцев работы в поле Захар вполне мог сойти за индейца. Он совсем отошел от тяжелой работы и скудной пищи. Вечно босой, голый по пояс, в старых штанах, обрезанных по колено, он загорел до цвета дубовой коры. Его темно-русые волосы свисали до плеч, лоб был перевязан тряпкой. Пушок над верхней губой и на щеках напоминал скудную растительность на лицах некоторых индейцев. Так же как и индейцы, он выучился немного говорить по-испански. Он уже многое понимал, но сам на этом звучном языке объяснялся плохо.

В сезон уборки урожая Тайин занемог. Кашель изводил его несколько дней кряду и не давал спать Захару по ночам. Несокрушимый алеут таял на глазах, его лихорадило. Однажды в поле, на уборке свеклы, он упал и не смог подняться.

— Человек заболел! — заорал Захар.

Подъехал конный солдат и ковырнул распростертого алеута пикой. Тайин не шелохнулся. Солдат велел бросить его на телегу, нагруженную свеклой. Мальчик-индеец кольнул быков стрекалом, и телега медленно покатилась, скрипя осями.

— За работу! — приказал солдат; индейцы, собравшиеся поглазеть, разбрелись по своим местам. — Ты, — солдат показал кончиком пики на Захара. — Ты будешь работать вдвое быстрее. За себя и за того.

— Да, хозяин, — сказал Захар.

За любой другой ответ он получил бы удар кулаком или бичом.

Захар провел еще одну бессонную ночь, слушая бред Тайина. Тот бормотал что-то, лепетал по-своему. Время от времени

Захар давал ему попить и утирал его горящее лицо влажной тряпкой. Больше он ничем не мог ему помочь. На следующую ночь Тайину стало еще хуже.

Захар твердо решил добиться для него помощи. Наутро он занял место в первом ряду команды. Как только падре закончил молитву, Захар сделал шаг вперед. Осторожно, но решительно он приблизился к коричневой рясе.

— Хозяин,— с запинкой сказал он по-испански,— очень больной человек в нашем...— он заколебался,— в нашей спальне,— он показал на свой барак.— Очень больной человек. Пожалуйста. Помогите. Лекарство. Сделайте милость...

Падре стрельнул в него своими круглыми серыми глазками. Зевнул — щеки пошли розовыми складочками.

— Имя?

— Тайин. Алеут,— озабоченно сказал Захар.— Очень больной.

Падре снова зевнул, смахнул слезу с глаза. Всадники уже погнали людей в поле. Захар стоял, ждал.

— Хорошо, иди,— сказал падре и нетерпеливо махнул пухлой рукой.— Ты сказал. Я слышал. Теперь иди.

Захар неуверенно кусал верхнюю губу: падре ничего не обещал. Один из солдат повернулся в седле в его сторону. Захар поспешил сказать:

— Спасибо, хозяин,— и побежал догонять свою команду.

Через несколько дней Тайину полегчало. Он был слаб, как новорожденный, но в сознании, не бредил больше.

— Я говорил о тебе со священником. Просил принести лекарство.— Захар наклонился над Тайином.— Ну как он, принес?

Тайин отвечал слабым, хриплым шепотом:

— Он приходил. Ты знаешь маленький крест, он носит на веревке? Он его поднял и говорит: «Целуй крест, принесу лекарство».

Тайин закашлялся, но это был мокрый, булькающий кашель, а не сухой лай, как прежде.

— А ты не стал, так ведь? — Захар был возмущен.

Усталые желтые глаза глянули на него.

— Почему не стал? — хрипло сказал Тайин.— Что мне его крест? Две палочки, связанные. Его бог — не мой бог. Пусть дает лекарство, я целую, что хочет. Сапог даст — сапог поцелую.

— Ну, и ты поцеловал крест?

— Не сразу.— Тайин устало откинул голову.— Я говорю: «Ты неси лекарство, я целую крест». Он говорит: «Целуй, я принесу». И опять сначала. Тогда он несет, я целую.— Он закрыл глаза. Слабый след улыбки мелькнул на мертвенно-бледном лице.— Он будет спасать мне душу.— И Тайин заснул.

Через пару деньков Тайин уже был в состоянии подняться и пройтись по двору, после чего здоровье и сила начали возвращаться к нему с поразительной быстротой. Вскоре он стал таким же, как прежде; худой, правда, но такой же жилистый и выносливый. Он не стал благодарить за заботу, да Захар и не ждал этого. Здравомыслящий алеут явно считал естественным, что в беде люди помогают друг другу.

Однажды Захар спросил Тайина, о чем еще падре говорил ему, когда посещал его во время болезни. Алеут сказал:

— Падре говорит: «Будь добрый христианин». Говорит: «Крестись слева направо, а не так, как русские вас учат — справа налево. У русских неправильная вера». Я тебе скажу, господин Петров, это все большая глупость. Мне все равно: лево-право, криво-прямо. Но падре, он говорит: «Будь добрый христианин. Хорошую индейскую девушку бери. Женись, живи. Все равно отсюда не уйдешь».

— Тебе нельзя, Тайин. У тебя ведь жена дома, на Кадьяке. Грех жениться еще раз.

Алеут задумался.

— Жена думает, я мертвый уже. Попадем на небо, хорошо будем жить, все три вместе.

— Ни за что тебе не попасть на небо с таким грехом на душе,— возразил Захар.

Тайин ухмыльнулся:

— Шутка, господин Петров. Шутка с падре. Однажды пойду домой, на Кадьяк. Зря ушел оттуда.

У Захара заколотилось сердце.

— А как? — возбужденно спросил он.— Как ты уйдешь? Ты уже придумал?

Тайин пожал плечами:

— Смотреть будем.

Падре обхаживал не только алеутов, но и «эль руссо Петрова». Время от времени он отводил Захара в сторону, убеждал его, уговаривал, осторожно, обиняком намекал на наказание, которое ждет его, если он откажется перейти в лоно

испанской католической церкви. Захар хитрил, ноотрез не отказывался, но в душе твердо решил не поддаваться хитрому толстопузому падре. Как только священник затевал с ним душеспасительную беседу, Захар начинал жаловаться на несправедливость, на незаконность пленения его и алеутов. Он упорно заводил об этом разговор при каждой встрече. И вскоре, к великому его облегчению, падре отстал от него.

Когда пошел первый легкий осенний дождь, Захар с наслаждением подставил лицо его холодным струйкам. Он готов был покаяться, что слышит, как причмокивает пересохшая земля, впитывая влагу.

Однажды утром Захар очнулся с тупой болью в затылке. Он явственно ощущал, что спутан по рукам и ногам. Первой его мыслью было, что ему снится кошмарный сон. Захар заметался на соломенной подстилке и проснулся окончательно.

Ох нет, это не сон. Его руки скручены за спиной, ноги связаны в щиколотках. Голова раскалывается от боли. На затылке он чувствовал шишку величиной с яйцо.

Захар осторожно перевалился на бок и попытался собраться с мыслями. В бараке стояла неестественная тишина. Тишина и ощущение пустоты — вместо привычных звуков и шорохов от присутствия множества спящих людей. И воздух, которым дышал Захар, был непривычно свеж. Он вытянул шею и увидел серый прямоугольник предутреннего света в проеме двери. Дверь была распахнута настежь. Неловко повернув голову, Захар закричал от боли.

— Господин Петров? — зашелестел тихий голос Тайина.

— Что случилось? — тоже шепотом отозвался Захар. — Меня огрели по голове и связали.

— Меня тоже. Странно дело. Очень странно. Все ушли. Только мы остались.

— Ушли? Ты думаешь, все сбежали? — Захару не верилось: «Неужто взбунтовались? Вот так овцы!»

— Может быть. — Тайин с шумом выдохнул воздух: — Х-ха! Однако сбежали на волю, дьяволы!

Как только рассвело, залились испуганным звоном церковные колокола. Во дворе раздались крики. Мимо барака с топотом забегали люди.

Захар и Тайин прислушивались, пытались истолковать до-

летавшие до них звуки. Солдаты седлали коней и выезжали со двора. Потом надолго воцарилась тишина.

В дверь сунулась голова индейца. Это был тот лекарь, крещеный индеец, которому испанцы вполне доверяли. Захар и Тайин заорали в один голос. Голова испуганно качнулась и исчезла.

— Побегал докладывать, что мы здесь, — заметил Захар.

Шло время, но никто не приходил, чтобы освободить их от пут. Постепенно стали возвращаться всадники — в проем двери Захару удавалось увидеть то одного, то другого. Следом за ними трусили индейцы с арканами на шеях. Вскоре раздался свист кнутов, глухие удары по обнаженным телам, крики и стоны. И высокий монотонный голос священника, нараспев читавшего молитвы.

Захар вздрагивал, словно каждый удар кнута обжигал его собственное тело. Он откатился как можно дальше от двери, лег спиной к ней. Но это не помогло, по-прежнему до него доносились эти жуткие звуки. Совсем рядом с дверью кто-то блеял как овца, и этот звук был страшнее воплей. На какой-то миг все эти звуки утихли, и тогда Захар услышал размеренный голос падре:

— Милые мои младшие братья во Христе...

Истязания продолжались несколько часов. То и дело во двор въезжали всадники, волоча за собой новых пленников. Наконец испанцы добрались до двух связанных в бараке. Их развязали и вытолкали во двор.

Индейцы валялись под глинобитными стенами квадратного двора. Коричневые тела были простерты в пыли, спины покрыты рубцами, красными, как черепица на кровлях. Женщины, шеи и руки которых были забиты в колодки, поникли под палящим солнцем. Два индейца были привязаны по обе стороны столба для порки, их хлестали кнутахми одновременно. Рядом стоял падре и читал молитвы. Конные солдаты разъезжали по двору, подкалывали пиками индейцев, заставляя их глядеть на истязания.

У Захара все сжалось внутри, когда его и Тайина подвели к офицеру. Это он допрашивал их в тот раз, когда их впервые выпустили из «калабосо» — кутузки. Но на этот раз офицер был занят, ему было не до расспросов. Шишки на их головах и все еще связанные руки яснее ясного говорили о том, что эти двое к побегу индейцев непричастны. Офицер велел развязать им руки и вернуть их в барак.

Поиски беглых индейцев и истязания пойманных продолжались три дня. Один индеец рассказал Тайину, что в облаве принимали участие все испанские поселенцы в округе, и в помощь им были присланы солдаты из ближайшего президио. Так бывало всегда: в охоте на людей участвовали все испанцы без исключения. Это будоражило им кровь сильнее, чем травля диких зверей. Больше двух недель понадобилось для того, чтобы миссия вернулась к привычной монотонной жизни.

Все это время Захар вел себя предельно осторожно. Приказы выполнял незамедлительно. Когда испанцы обращались к нему, опускал глаза и отвечал односложно:

— Да, хозяин. Нет, хозяин.

Так же вел себя и Тайин. При случае он сообщил Захару, что и других алеутов индейцы оглушили и связали перед своим побегом.

— Чертовско нам повезло,— сказал Тайин.— Хороший народ лос индиос. Потому нас не тронули испанцы.

— Лучше бы эти лос индиос не были такими хорошими,— угрюмо возразил Захар.— Тогда и я бы сбежал. Лучше сдохнуть, чем оставаться здесь.

В янтарных глазах Тайина вспыхнул насмешливый огонек.

— Как убежать? Дикие горы, дикий лес, ты там ребенок. Они тебя ловят раз-два, как орел берет кролика.

Захар упрямо сжал губы:

— А я готов бежать хоть сейчас. При первом же случае. А там будь что будет.

Алеут задумчиво посмотрел на Захара. Он словно прикидывал что-то в уме или приценивался к вещи, которая могла пригодиться в давно задуманном деле.

«Нашел ты меня, враг мой?»

3-я Книга царств, XXI, 20.

13. ПОБЕГ

Зимние дожди превратили поля миссии в сплошную топь. Холодный сырой ветер пронизывал до костей. Однажды выпал даже скупой снег. Он задержался лишь на вершинах холмов, и при виде этих далеких белых клочков у пленников-северян сжималось сердце от тоски по родным местам.

Все работы перешли в помещения: там лили сальные свечи, варили мыло, ткали грубые одеяла. Обработывали и складывали в штабеля бычьей кожи — самый ходовой калифорнийский товар.

Захару велели сколачивать ящики. Такому плотнику, как он! Курам на смех. Но он был рад и этому занятию.

Рождественские праздники прошли в сплошных богослужениях. Все население миссии часами парилось в церкви. Под

ее сводами стоял густой запах пота, свечного чада и ладана. Падре еще раз блеснул своим даром неутомимого проповедника. Как только он умолкал, хор «мирных» крещеных индейцев по его знаку запевал церковные гимны.

Для Захара это испанское рождество было особо изощренной пыткой. Оно мучительно напоминало ему о домашнем рождестве — то было такое милое, любезное его сердцу время. И радостное тоже. Над всей Россией царствовал веселый Дед Мороз, заснеженный мешок которого раздувался от подарков. В те далекие времена, когда Захар был маленьким, его отец охотно рядился белобородым Дедом Морозом, и тогда в их доме стекла дрожали от смеха.

В эти долгие туманные вечера Захар часто вспоминал отца. Его черные курчавые волосы, дружелюбную улыбку, озорной блеск темных глаз. То и дело Захар гадал: «Пришла «Кама» в Росс или нет?» При мысли о том, что «Кама», может быть, потерпела крушение в пути и его отца уже нет на свете, им овладевало отчаяние.

Время тянулось, переползало из недели в неделю медленно, равнодушно, как каторжник, к ноге которого приковано чугунное ядро. В ясную погоду их все еще посылали в поле. Хотел этого Захар или не хотел, но и ему пришлось оторваться от плотницких работ и ковыряться в липкой рыжей глине. Глина была повсюду: в его волосах, в ушах и даже на зубах. Постель царапала его кожу глиняной крошкой. Захар забыл, что значит быть чистым. Он привык к запаху собственной грязи и пота.

В один из погожих мартовских дней их погнали с поля задолго до привычного времени окончания работ. Вскоре после полудня солдаты окружили партию полевых рабочих, и колонна отправилась в миссию. Сырая земля дымилась в горячем алмазном блеске солнца. Дневного света с лихвой хватило бы еще на три-четыре часа работы. Тайин пристроился к Захару, который плелся в хвосте колонны.

Захар был в безнадежно мрачном настроении. Он живо представлял себе, как будет ходить в такой вот колонне до самой смерти — старый, беззубый раб. Он покосился на Тайина и сказал, коверкая слова на его лад:

— Чертовско странно дело должно быть, однако.

Янтарные глаза понимающе взглянули на него:

— На душе плохо? Смеешься, как я говорю,— тебе лучше станет? Ну-ну, шути, шути.

Они пошли рядом. Алеут сказал:

— Твоя правда. Чертовско странно. Зачем гнать домой такое время? Очень-очень рано.

Так они и брели в хвосте колонны до самой миссии. Из-за глинобитных стен доносились удары барабана, подвывали флейты — индейский оркестр старался изо всех сил. Полевая команда вошла в высокие задние ворота, сколоченные из толстых бревен, и остановилась. Захар и Тайин оказались у самых ворот, перед ними колыхалась живая стена из коричневых спин индейцев. Похоже, что на площадь высыпало все население миссии.

Замыкавший колонну солдат прищипил коня и проехал сквозь толпу вперед. Обычно же он затворял ворота снаружи, запирали их на засов, а затем объезжал миссию, чтобы въехать через главные ворота.

Захар глядел поверх голов индейцев на церемонию, происходившую перед церковью. На ступенях церкви стояли какие-то важные гости. Сверкали на солнце золотые эполеты, гофрированные манишки, блестящие шарфы. Под ярко расшитыми церковными хоругвями стоял падре в церковном облачении: то ли он служил молебен, то ли обращался к гостям с приветственной речью. Лицо его было обращено к седобородому сановнику, широкая грудь которого была усыпана орденами.

У самых ступеней церкви выстроился эскорт сановника: кавалеристы в новенькой голубой форме, щеголеватые, подтянутые — рядом с ними солдаты из миссии выглядели оборванными бродягами. Под одним из всадников взыграла, заплясала серая в яблоках лошадь, и он до отказа натянул поводья. Когда всадник вскинул голову, солнце ярко осветило его надменное горбоносое лицо, черную бородку, подстриженную так коротко, что она казалась нарисованной. У Захара екнуло сердце: Ривера! Память перенесла его в Росс: испанский капрал говорил тогда, что его переводят на юг. «Боже мой! Если он узнает, что я здесь...» Захар втянул голову в плечи.

Стоявший рядом с ним Тайин взобрался на бугорок, поднялся на цыпочки, повел глазами налево, направо, оглянулся. Толкнул локтем Захара:

— Хорошо время бежать, — сказал он напряженным шепотом. — Пойдешь со мной?

Захар изумленно вытаращился на него, потом бросил осторожный взгляд в сторону церкви. Стоявшие на ступеньках преклонили колени перед священником. Кавалеристы спешили

и тоже стояли на коленях. Захар не мог отвести глаз от склоненной головы своего врага. Если Ривера обнаружит его здесь, он пропал... Захар обернулся к Тайнину.

— Да,— тихо сказал он.

— Сейчас самый раз,— прошептал Тайнин; все смотрели на падре и на людей, стоявших перед ним на коленях.— Хочешь бежать, иди за мной. Иди, как я. Тихо, осторожно.

Алеут соскользнул с бугорка и стал бочком пробираться к воротам, неслышно скользя босыми ногами по земле. Он не шел, а струился, тек, как вода. Захар пригнул голову и двинулся следом, стараясь во всем подражать ему.

В этот момент в первых рядах индейцев, сгрудившихся перед порталом церкви, раздались крики. Захар застыл на месте.

— Руссос! Руссос! Мы руссос! — Два алеута выбились из толпы, бросились перед ступеньками на колени: — Спаси нас, господин! Мы руссос!

Но солдаты вмиг скрутили им руки за спину и увели прочь.

Между тем Тайнин уже проскользнул в приоткрытые ворота. Захар последовал за ним. Они осторожно притворили ворота снаружи и опустили засов.

Они мигом домчались до грушевого сада, который начинался в сотне шагов от ворот. Тайнин знаком велел замереть. Захар боком стал за дерево, прижался к стволу, как бы желая врасти в него.

Высокий распев доносился из-за стен миссии — священник продолжал прерванный молебен. Их побег остался незамеченным.

До сих пор Захар действовал механически. Не задумываясь, он последовал простому животному инстинкту — бежать от опасности. Но теперь наступила реакция. Его трясло от возбуждения и страха.

— Как ты думаешь, что они сделают с этими двумя алеутами?

Тайнин поглядел на него своими кошачьими глазами:

— Бить будут.

Он осмотрелся и снова пустился бежать. Захар следовал за ним по пятам. Следующую остановку они сделали в густых зарослях бузины. За ними никто не гнался. В миссии заиграл оркестр.

— Спать погонят, тогда увидят, что нас нет,— сказал Тайнин.

— Ну, а теперь что будем делать? — Захар уныло глядел

на бескрайние поля вспаханной красной земли. На окружающих холмах, зазеленевших после зимних дождей, пасся скот. Все вокруг голо, открыто, нигде не спрячешься. Ему ни за что не хотелось выходить из кустарника на открытое место.

— Бежать будем,— сказал Тайин и легким, мерным шагом затрусил вверх по склону.

Вскоре длинноногий Захар обогнал приземистого алеута. Его сапог давно уже не было и в помине, подошвы ног у Захара заглубели и покрылись жесткими мозолями. Захар первым поднялся на вершину холма и сломя голову помчался вниз. Поднимаясь на следующий, более высокий холм, он уже начал пыхтеть, замедлил бег и в конце концов остановился. Когда Тайин поравнялся с Захаром, тот сидел на земле, опустив голову на руки. Крепконогий алеут бежал все так же легко, размеренно. Захар поднялся и пристроился к нему. Теперь он равнялся на темп Тайина и не вырывался вперед. Они продолжали бежать — в гору, опять под гору,— пока Захар не почувствовал, что у него разрываются легкие.

— Погоди,— прохрипел он,— передохнем чуток.

Тайин продолжал рысить.

— Через этот холм,— пропыхтел он.— Потом отдых.

Захару казалось, что холму никогда не будет конца. Заходящее солнце обжигало голую спину. И все же он добрался до вершины и неверным шагом спустился вниз по склону.

Тяжело дыша, Тайин свалился в траву, перекатился на спину. Захар рухнул рядом. Он никак не мог перевести дыхание, в груди жгло. Не успел он отдышаться, как Тайин уже встал.

— Постой, Тайин...— простонал Захар. Он медленно поднялся на ноги, осмотрелся.— Это не та дорога. Мы пришли с побережья совсем другим путем.

— Хорошо, что другим.— Тайин глубоко вздохнул.— Когда солдаты за нами идут, они как думают? Думают, мы бежим, как пришли. И сами так пойдут.

— Ладно, а куда же мы придем этой дорогой? — Захару начинало казаться, что их побег был необдуманным, опрометчивым шагом. Он выбился из сил, был голоден — и боялся. До смерти боялся затеряться и пропасть в незнакомых местах.

— На волю придем,— отрезал Тайин.— Кончай хныкать. Хочешь назад — иди назад. Хочешь со мной — пошли.

Захар молча рысил рядом, обиженный и возмущенный. Ему ведь и в голову не приходило возвращаться. Пожалуй, сейчас

еще можно было бы незаметно вернуться в миссию. Но там был Ривера.

Они бежали, лишь изредка позволяя себе короткие передышки. С наступлением сумерек оба стали озабоченно вглядываться в окрестности: где-то нужно было найти прибежище на ночь в этой голой складчатой местности. Сбегая вниз по очередному склону, Тайин вдруг круто свернул в ложбину между двумя холмами. Узкая полоска деревьев обрамляла края ложины. Тайин прохрипел:

— Здесь будет вода.

И этот хрип подсказал Захару, что Тайин так же изнывал от жажды, как и он сам.

Спотыкаясь, они спустились в ложину и упали на колени, вдыхая запах свежести, исходившей от неширокого ручья.

— Мало-мало пей,— сказал Тайин и окунул голову в воду.— Потом пей сколько хочешь. Здесь ночуем.

Освежившись, они двинулись ложиной вдоль ручья и вскоре вышли на небольшую ровную площадку, окруженную соснами. Захар сгреб кучу хвои и в изнеможении повалился на нее. При гаснущем свете дня Тайин обламывал ветки и устраивал для себя что-то вроде гнезда. Воздух свежел, а у обоих беглецов вся одежда состояла из коротких штанов. Но у Захара не было больше сил, чтобы устроиться поукромнее. Он зарылся в ворох упругой хвои и обнял себя руками за плечи.

Его мучил голод, все мысли были только о еде. О «пиноли» — этой жидкой размазне, с которой начинался каждый день в миссии. В редкие счастливые дни кашу скупно заправляли жареным салом. Если в чашке попадалась шкварка от сала — это было редкостное везение. Сегодня Захар ничего не ел, кроме утренней порции пиноли, без сала, и сейчас он готов был душу отдать за чашку этой размазни. С этой мыслью он заснул.

Среди ночи он проснулся, холод и голод донимали его. Он завидовал Тайину, сладко храпевшему в своем гнезде из веток.

Наконец и Захару удалось забыться. И почти сразу (во всяком случае, так ему показалось) Тайин разбудил его толчком в плечо.

Стоял сырой утренний туман. Захар потянулся, сел, зевнул, растер оковеневшие руки и ноги. Тайин разорял свое гнездо, разбрасывал сосновые ветки под деревьями. Захар подпрыгивал

и махал руками, чтобы согреться. Пока он пил из ручья и плескал воду на лицо, Тайин уничтожил все следы их ночевки.

К восходу солнца сосновая рощица осталась далеко позади. Они поднимались на вершину, господствовавшую над холмистой местностью. Тайин хотел обозреть окрестности и определить дальнейший путь. Солнце позолотило гору и сунуло розовый палец в расщелину перевала. Они упорно пробирались по песчаным сланцам и плоским выступам скал, то по колено в траве, то среди зарослей колючего чаппараля. Солнце стояло уже высоко, когда они вышли на тропу, петлявшую в гору. Красноватая почва дышала зноем. На тропе виднелись следы лошадиных копыт.

Тайин опустился на колено. Перепела оставили в рыжей пыли оттиски своих трехпалых лапок; а вот прошел олень. В нескольких местах поверх отпечатков конских копыт легли следы енота, похожие на отпечаток детской ручки. Захар тупо глядел на широкую, загорелую, потную спину алеута.

— Старые следы. Испанцы здесь были.— Тайин встал.— Чертовско плохо дело может быть, если пойдем по тропе.

Захар посмотрел вверх. По обе стороны от перевала тянулись скалистые вершины, остроконечные, как зубья пилы. От голода Захар ощущал в голове удивительную легкость. Он хихикнул:

— Другого-то пути нету!

Тайин пожал плечами:

— Пошли. Только тихо. Слушать будем, если кто идет.

Они добрались до перевала к полудню, до того усталые, что тут же и свалились прямо на тропе. Двужильный Тайин, как всегда, отдышался первым и полез на выступ скалы. За ним вскарабкался Захар.

Захара и так пошатывало от голода, а от вида, открывшегося перед ним, у него и вовсе закружилась голова. Справа, со стороны океана и параллельно ему, виднелась бесконечная цепь холмов, покрытых густыми лесами. Слева, в глубине материка, одна за другой тянулись лысые, безлесные гряды, похожие на ряды оскаленных клыков. Между грядами, прямо перед ними, петляла широкая река, ее серебряные извивы то исчезали, то снова появлялись в северной стороне. Тайин показал рукой на реку:

— Так пойдем. По речке, на север.

Сразу за перевалом, у тропы, голубое небо отражалось в продолговатом озере с лесистыми берегами. На дальнем, во-

сточном берегу паслось стадо коров. Несколько коров стояло на отмели по колено в воде. Вода притягивала Захара, как магнит.

— Пойдем искупаемся, — хрипло сказал он и зашагал вниз.

Озеро, раздувшееся от зимних дождей, затопило подлесок и валежник. Коричневатая вода окрасила тело Захара в цвет старой слоновой кости. Захар долго плескался, как выдра, потом распластался на воде лицом кверху и стал прислушиваться к нескончаемым нежным трелям какой-то птицы, впадая в блаженную дремоту. Тайин окунулся разок и уселся на берегу под раскидистым дубом.

Когда Захар выбрался из воды, у него подгибались ноги. Долгое купание усилило голодное головокружение.

— Хорошо быть чистым. Но я, видно, перекупался, ноги не держат. — Он захихикал, как пьяный.

Тайин понимающе кивнул:

— Голодный. Ладно, пошли.

Чтобы снова выйти на тропу, им пришлось обогнуть озеро. Почва была изрезана руслами ручьев, сбегавших в озеро с холмов. Они перепрыгивали через ручьи, пробирались болотистыми низинами и лугами. То и дело попадались купы деревьев, звенящие от птичьего гомона.

До тропы оставалось уже совсем немного, как вдруг Тайин остановился. То наклоняя, то поворачивая голову, он коротко и резко втягивал носом воздух. Они были примерно в полумиле от озера, на поросшем ольхой берегу ручья.

— Ты чего? — зашептал Захар в смутном предчувствии опасности. Голова у него гудела, как пчелиный улей.

— Огонь. Дым. — Тайин снова втянул в себя воздух. — Мясо жарят.

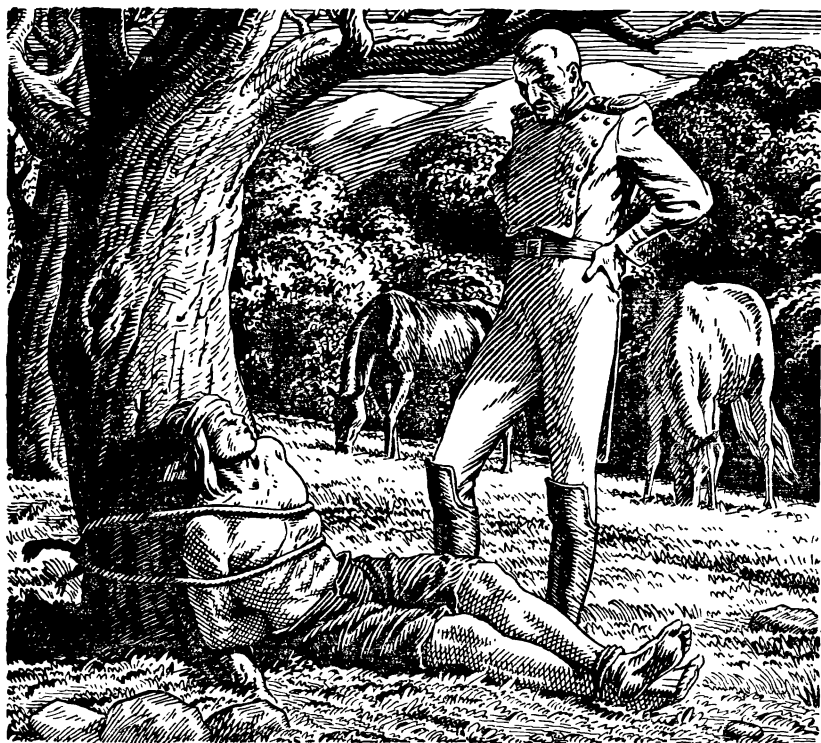
Ручей, на берегу которого они стояли, пересекал узкую лужайку, потом нырял в дубовую рощу. Желтые глаза Тайина обшаривали опушку. Сквозь деревья просачивался дым.

Мясо! Во рту у Захара сбежалась слюна. Спотыкаясь, он побрел к опушке.

— Дурак! — презрительно пробормотал Тайин. — Не ходи, опасно.

Захар слышал, но не хотел понимать. Голод гнал его вперед вопреки опасности. Ноги сами перенесли его через лужайку. Словно во сне он увидел в глубине рощи поляну.

Посреди поляны горел костер. Между двумя рогульками

была подвешена на вертеле говяжья ляжка. Когда жирный сок капал с нее в огонь, вверх поднимались струйки ароматного дыма.

Этот вид, этот запах гипнотизировали Захара. Он вступил на поляну, не отрывая глаз от поджаристой корки на мясе. Для него ничего больше не существовало на свете, кроме этого истекающего жиром мяса. Он уже не слышал отчаянный шепот Тайина за своей спиной:

— Стой, дурак!

Захар сделал еще несколько шагов к костру. И тут тень мелькнула перед его глазами. Захар попытался отмахнуться от нее, но прежде чем он успел шевельнуться, вокруг его плеч затянулся аркан.

— Тайин! — завопил Захар.

Краем глаза он успел заметить, как Тайин сломя голову мчался по лужайке назад, к ольхам. В этот миг сильный рывок швырнул Захара на землю. Он ударился головой о камень и потерял сознание...

Град увесистых ударов заставил его очнуться. Он полулежал со связанными руками и ногами, прислоненный к дереву и привязанный к его стволу веревкой, которая стягивала его грудь, как железный обруч. Голова раскалывалась от боли, в глазах стоял туман, бока ломило от ударов, которые продолжали сыпаться на него.

Мигая невидящими глазами, Захар вглядывался в надменное, жестокое лицо. Эти наглые черные глаза, эта борода, словно нарисованная тушью, кого-то ему напоминали. Слабая искорка вызова мелькнула в глазах Захара.

— Конкистадор, — выдохнул он.

Капрал Хуан де Ривера перестал лягать его ногами. Он глядел на Захара сверху вниз с холодным вниманием рыбака, изучающего червя, прежде чем насадить его на крючок.

— Сеньор Петров, — произнес он тихим ядовитым голосом. — Эль руссо Петров. Ты думал, испанский солдат глупый, э, сеньор Петров? Глупый солдат, не понимает, куда вы побежали? Теперь ты видишь. О да, сен-ньор Петров, вы еще много будете видеть. — Он еще раз с силой двинул Захара в бок и зашагал к костру.

Когда в голове у Захара прояснилось, он увидел на поляне еще одного солдата, рослого, тяжеловесного, с бычьим затылком. Солдат ставил небольшую палатку. На нем тоже была нарядная голубая форма кавалерийского эскорта. Впрочем, теперь мундиры обоих были серыми от пыли. Захар вспомнил слова Тайина о том, что в охоте на людей принимают участие все, кто только может. Ну что ж, теперь он знает, что должен чувствовать загнанный и пойманный кролик.

Нагнувшись над костром, Ривера тыкал ножом в мясо.

— Пабло, — окликнул он второго испанца, — мясо готово.

Пабло принес оловянные тарелки и кружки, хлеб.

Прежде чем приняться за еду, они не раз передавали друг другу большую кавалерийскую флягу с вином, пока она не опустела. Наконец они сняли с огня говяжьей ляжку на вертеле и стали лакомиться розовым сочным мясом, которое они нарезали большими ломтями. Захар боялся опять потерять созна-

ние от запаха мяса, от вида того, как они вытирают свои тарелки хлебным мякишем. Мясо они обильно запивали вином из фляг. Захар заставил себя отвести глаза от пирующих испанцев. Неподалеку от костра лежала коровья туша, освежеванная и разделанная. Рядом была растянута на земле коровья шкура, мухи висели над ней маленькой черной тучей.

Кони — вороной и серый в яблоках — паслись поблизости на лужайке. Запах крови их беспокоил, они фыркали, били копытами и натягивали веревки. Седла валялись рядом с палаткой. Седельные сумки свисали с толстого сука дерева.

Захар снова перевел взгляд на пирующих. Ривера отрезал очередной ломоть мяса, бранясь и яростно отмахиваясь от мух. Он воткнул нож в оставшийся большой кусок мяса и накинул на него салфетку. Испанцы ели много, но пили еще больше. Покончив с едой, они развалились у костра, пили и болтали. Пабло ругал Ривера за то, что тот упустил второго русского.

— То был не русский, — возразил Ривера, — а всего лишь алеут. Пусть подышает в этой глуши. Эль руссо Петров — вот кто нам нужен.

Значит, Тайин жив и на свободе! В сердце Захара затеплилась было искорка надежды, но тут же погасла. Что за дело алеуту до него? «Нет, — подумал он в отчаянии, — вся моя надежда на эти две фляги вина. Если испанцы напьются до бесчувствия, я попытаюсь освободиться от веревок и сбежать».

Испанцы быстро хмелели. Здоровяк Пабло захлебывался веселым смехом, Ривера еле ворочал языком. Захар не разбирал и половины того, что они лопотали. Кажется, речь шла о нем и о коровьей шкуре, которая в свете костра выглядела разостланным кровавым покрывалом.

Захар напряг слух, пытаясь разобрать слова. При чем здесь коровья шкура? Ему стало страшно, на пересохшем языке появился металлический привкус.

Испанцы встали от костра и, шатаясь, направились к нему. Пабло зашел за дерево и отвязал веревку, охватывавшую грудь Захара, но руки и ноги остались связанными. Ривера нагнулся, схватил его за ноги. Захар неловко дернулся, Ривера пошатнулся и чуть не упал. Покачиваясь, капрал неуверенно размахнулся и ударил Захара в челюсть. Потом Ривера снова схватил его за ноги, Пабло — за плечи, и они поволокли его к коровьей шкуре.

Захар понял, что они собираются с ним сделать. Он дико

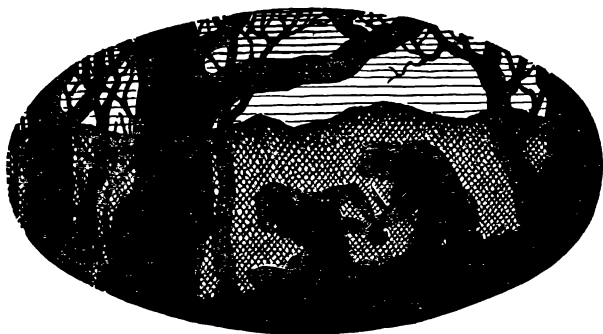
закричал. Он дергался, подтягивал ноги и лягался как мог. Солдаты то и дело роняли его, снова подхватывали. Наконец, сопя от натуги, они швырнули его на шкуру.

Захар скатился со шкуры, привстал на коленях. Он боднул Риверу головой в пах и сам опрокинулся. Обдавая Захара винными парами, испанцы снова втащили его на кровавую шкуру. Извиваясь как червяк, Захар уползал с нее, крича и умоляя, и снова его швыряли на шкуру. Пабло покатывался от смеха, а Ривера бранился по-испански и по-русски. Наконец Ривера подхватил какое-то полено и огрел Захара по голове.

Сознание возвращалось постепенно, неторопливо, как улитка. Захар не мог понять, где он находится. Он лежал в темноте, ничего не видя, не слыша. Прошла целая вечность, прежде чем до него дошло, где он и что с ним.

Связанный по рукам и ногам, он лежал на спине, туго запеленатый в коровью шкуру. Грудь была сдавлена страшным грузом. Он судорожно вздохнул и ощутил отвратительную, прогорклую вонь засохшей крови. Слизкие мясные волокна облепили его рот и нос.

Захар затаил дыхание, замер, надеясь услышать хоть какой-нибудь звук, любой признак жизни вокруг себя. Ни звука. Ничего. Они бросили его подыхать в одиночестве.

Верный друг — врачество для жизни.

«Книга премудрости Иисуса сына Сирахова»,
VI, 16.

14. СПАСЕНИЕ

Панический страх овладел Захаром. Он задержался, тщетно пытаясь высвободиться, кровь стучала у него в висках, глаза остекленели. Он истерически рыдал, бился всем телом, вопил, как помешанный. Вскоре он не только окончательно выбился из сил, но и израсходовал почти весь воздух в своем отвратительном гробу. Но вот мало-помалу здравый смысл начал возвращаться к нему. Он заставил себя лежать спокойно и думать.

Где испанцы? Ушли и оставили его умирать здесь? Оставили завернутым в коровью шкуру, на которую никто и никогда не обратит внимания?

Он прислушался. Вот раздался глухой удар о землю, это лошадь ударила копытом. Забренчала уздечка. Значит, испанцы еще здесь.

При мысли, что он не один, Захар заметался снова. Он напрягался, извивался, кричал, пока не впал в беспамятство. Потом он очнулся, вялый, обессиленный, беспомощный. Безысходная, отчаянная тоска охватила его, и он заплакал. Какая отвратительная смерть — задыхаться в вонючей коровьей шкуре!

А где же Тайин? Неужели он не придет? Неужели сбежал, спасая свою шкуру? Тогда Захару не на что больше надеяться.

Захар дышал тяжело, как загнанная собака. Кровь гулко стучала в ушах, легкие горели от недостатка воздуха; он утопал в собственном поту. Захар понял, что, если он не успокоится, не перестанет брыкаться, он вскоре задохнется. Он должен подчинить разум и тело своей воле. Нужно лежать спокойно и ждать. Чего ждать? Этого Захар не знал. Разве только Тайин вернется и попытается выручить его.

Теперь Захар лежал расслабившись, с закрытыми глазами, едва дыша. «Не напрягайся, не думай, не представляй себе ничего. Лежи спокойно, спокойно, спокойно». Постепенно наступило какое-то призрачное состояние, где-то между сном и обмороком. Время застыло.

И тут он явственно услышал голос отца: «Захар... Захар...» Фокус-покус. Ловкость рук и никакого мошенства. Вот отец кладет блестящую, новенькую монетку в одно ухо и вынимает из другого. «Захар,— повторяет он,— Захар...»

Веки Захара дрогнули. Он открыл глаза, тупо посмотрел в темное ночное небо и застонал.

— Тихо, Захар. Это я, Тайин.

Сознание медленно возвращалось к нему. Он все еще лежал завернутый в коровью шкуру, но голова и плечи были свободны. Содрогаясь всем телом, Захар глубоко вдыхал сладостный свежий воздух.

Стоя на коленях, Тайин возился с сыромятными путами. Он стащил шкуру с ног Захара, разрезал веревки на его руках. И все время приговаривал шепотом:

— Тихо. Испанцы спят. Тихо.

Захар окончательно пришел в себя. Он совсем ослаб, словно после опасного, изнурительного путешествия. Зато теперь ликующая радость жизни разливалась по всему его телу. Дышать полной грудью — какое чудо! Он сел, осмотрелся.

Костер почти погас, лишь несколько тлеющих угольков мерцало под ночным ветерком. У костра лежал ничком и громко храпел Пабло, рядом валялась фляга. За приподнятым пологом палатки виднелось неподвижное тело Риверы, этот похрапывал с тонким присвистом. Оба были одеты, вино уложило их наповал.

Тайин беззвучно пополз прочь. За ним полз Захар, то и дело мотая головой, чтобы прогнать головокружение. Вдруг раздался оклик Риверы. Захар припал к земле, оцепенев от ужаса. Но тут он услышал, как испанец бормочет во сне какое-то женское имя. Захар облегченно вздохнул и пополз дальше.

Добравшись до ручья, он на четвереньках сполз в воду, окунул голову. Вода настолько освежила его, что на лужайке он сумел встать на ноги. На большее он не был способен. В голове пульсировала боль, темный ночной мир кружился перед глазами.

Тайин помогал ему идти. Захар почти висел на нем, с трудом переставляя ноги. Ему казалось, что алеут тащит под мышкой какой-то сверток.

Они осторожно пробирались среди ольховника. Когда они удалились от лагеря испанцев на безопасное расстояние, Тайин осторожно опустил Захара на землю у ручья.

— Иди мойся,— прошептал он.— Легче станет. Воняешь, какдохлый сивуч...

Захар вышел из воды, бормоча:

— Вроде оклемался немного.

Кой-как он обтерся штанами и натянул их на себя. Теперь вдруг наступила реакция на все, что ему пришлось претерпеть в этот день. Он повалился на землю, спрятал лицо в ладонях. Судорожные рыдания сотрясали его тело.

— Господи! Господи! — повторял он глухим дрожащим голосом.

Тайин набросил ему на плечи какую-то накидку. Захар благодарно кивнул и закутался во что-то шершавое, плотное, пахнущее лошадиным потом. А потом алеут протянул ему еще что-то.

Мясо! Захар набросился на мясо с алчностью изголодавшегося зверя. Он рвал его зубами и тут же глотал не жуя; пот выступил на его лице. Потом он стал жевать медленнее, постанывая от наслаждения, смакуя каждое волоконец жесткого холодного мяса.

Как только Захар покончил с едой, Тайин встал и заторопил его. Захар брел медленно, пошатываясь, но уже без помощи Тайина. Попону он набросил на себя.

Над темной водой озера повис парной туман. Лошади испанцев стояли на отмели — темные расплывчатые силуэты в белесой мгле. Тайин опустил свой сверток на землю, набрал камней и начал бросаться ими в лошадей, негромко покрикивая на них. Кони осторожно выбрались на берег.

— Пошли! Ну, пошли, эй, вы! — Тайин забежал сбоку, норовя оттеснить лошадей к тропе. Лошади зарысили, сорвались в легкий галоп и скрылись в темноте.

Тайин вернулся, подхватил сверток.

— Домой побежали, — довольно сказал он. — Пойдем, нам нужно реку найти.

Они обогнули лагерь испанцев по широкой дуге, пересекли тропу и пошли на восток, по направлению к реке. Захар шагал молча, у него было много вопросов к Тайину, но не было сил говорить на ходу.

Остаток ночи они провели под выступом скалы. Тайин сгреб в сторону крупные камни и гальку, взрыхлил песчаную почву. Улегся, завернувшись в попону, и тут же захрапел. Захар привалился рядом. Дважды ему приснилось, что он задыхается в коровьей шкуре, он начинал метаться, просыпался и снова засыпал.

На рассвете они сидели под каменным навесом скалы и жевали холодное мясо. Тайин говорил, что больше любит рыбу, тюленину и мясо морских птиц, которое отдает рыбой. Захар нетерпеливо перебил его:

— Ты лучше расскажи, как тебе удалось меня вызволить? Что ты сделал с испанцами?

— Ничего не сделал. — Тайин размеренно прожевывал мясо.

— Ну, а лошади? Как они оказались в озере?

— Веревки резал. — Тайин показал ему длинный кинжал, острый как бритва.

Захар залюбовался кинжалом.

— Ты что, снял его с испанца?

— Нет. Длинный солдат его в мясе оставлял. — Тайин помолчал, потыкал кончиком кинжала в свой большой палец: — Нож есть, теперь хорошо живем.

— Тайин, да расскажи ты, наконец! Не томи. Как было дело?

Тайин неторопливо дожевывал мясо, извлек мясное волоконец, застрявшее в зубах, внимательно обследовал его, снова су-

нул в рот. Прищурился на утреннее солнце и начал рассказ.

Тайин и испанцы увидели друг друга одновременно. Захар прямиком пер в ловушку, и Тайин уже ничего не мог поделывать. Если бы поймали обоих беглецов — обоим конец. И он убежал.

Он спрятался в лошине. Когда мимо проехал один из испанцев — тот, длинный, тощий, — Тайин бросился к лагерю. Прежде чем тощий успел вернуться, Тайин взобрался на дерево, с которого видна была вся поляна.

— Так ты там был все время? И все видел? И не пришел на выручку? — возмутился Захар.

— Спятил, господин Петров! Я один против два мучачос?¹ У них пистолы, ножи, мушкеты. А я? Две руки — и все. Ты связанный, как весенний гусь в сетке. Тогда я жду. Они пьют вино — пусть пьют. Но я тебе скажу — как я боялся! Чертовско боялся, скажу тебе. Когда на тебе веревки резал, рука дрожал — два раза нож терял. Ох, господин Петров, чертовско страшно было. Эти мучачос проснутся — и мы пропали. — Тайин полоснул рукой по горлу. — Сперва сначала я не к тебе шел. Я сперва сначала к ним шел. Мясо брал, нож брал. Одежда брал. Когда лошадям веревки резал — шум был. Я боялся.

Захар вглядывался в коренастую фигуру — черный силуэт на фоне оранжевого солнечного сияния.

— Ты ведь головой рисковал, чтобы меня спасти. Так ведь? А почему?

— Да, головой. Точно. Потому и страшно было. Проснутся мучачос — обоих убьют.

— Даже и не знаю, как благодарить тебя.

Тайин хмыкнул. Перед ним лежала разостланная попона. Он аккуратно сделал ножом крест посредине синей шерстяной ткани.

— Как думаешь, что они будут делать, когда проснутся и увидят, что лошадей нет?

— Ногами пойдут. — Тень улыбки промелькнула на плоском, широком лице Тайина. — Домой, в миссию. Испанец без коня ничего не может. Не может нас искать.

Захар рассмеялся.

— Тысячу рублей дал бы, — выдавил он из себя сквозь смех, — только бы посмотреть, как они ковыляют в своих ботфортах.

¹ М у ч а ч о с (исп.) — парни.

— Мешки на спине,— добавил с ухмылкой Тайин.

— А палатка! А седла! — вскрикивал Захар.— Со всей амуницией — ну чисто пара вьючных мулов! И головы с похмелья трещат.

Захар смеялся до слез, до икоты. Тайин набросил на себя попону и просунул голову в разрез посредине.

— Одежка,— провозгласил он.— Испанцы зовут «пончо».

— Пончо,— повторил Захар.

И сделал такой же разрез в своей попоне.

Они стояли в своих пыльно-голубых пончо и, дружелюбно улыбаясь, разглядывали друг друга. Неужели еще недавно (или давно?) этот приземистый алеут был его злейшим врагом?

— Тайин, ты мне так и не ответил. Я тебя давеча спросил, почему ты рисковал своей жизнью ради меня. Почему?

— Ладно, господин Петров, я скажу.— Улыбка исчезла с лица Тайина, он пристально посмотрел на Захара.— Почему? Потому что ты мне нужен. Хорошее дело можешь сделать.

— Я все сделаю, Тайин, клянусь. Все на свете. Ты только скажи — я сделаю. Я тебе жизнью обязан.

Тайин фыркнул.

— Твоя жизнь зачем мне? Я домой хочу, на Кадьяк. Господин Мишкин меня держит, не пускает из Росса. Как придем Росс, скажи господину Кускову, чтоб отпустил меня домой. Он послушает. Ты скажи.

— Обязательно скажу, Тайин, поверь. Я невелика птица, но сделаю все, что смогу.

— Угу. Как придем, скажешь. Если придем. Пошли.

Их путь проходил среди круглых безлесных холмов. Дикие цветы покрывали склоны пестрым весенним ковром. В воздухе стоял их слабый аромат. Впереди виднелся лес, до него было с день пути. Когда солнце прогрело воздух, они сняли свои пончо, скатали их и понесли под мышкой.

— В лес придем, лозу найдем. Все добро вязать будем,— говорил Тайин.

Кинжал он нес в руке. Захар нес мясо, завязанное в салфетке, которую Тайин тоже прихватил у испанцев. В миссии оба они изрядно отошали, изношенные штаны еле держались на бедрах. Чтобы обмануть донимавшую их жажду, они на ходу сосали гальку.

Когда они вошли в лес, до темноты было еще далеко. Ручеек сбегал им навстречу со скалистого холма, густо поросшего вечно-

зеленым кустарником. Захар совсем выбился из сил. Вчерашние события оказались слишком тяжким потрясением даже для его здоровой натуры. Тайин утверждал, что теперь им можно не бояться преследования. Они решили тут же разбить лагерь и как следует отдохнуть.

Первым делом Захар подался к ручью. Ночное купание не смыло с него и сотов доли всей мерзости, налипшей с коровьей шкуры. Ручей сделал в твердой скале три вымоины, вода тонкой струйкой перетекала из одного корыта в другое. Захар устало опустился в самое нижнее корыто, и тут на берегу появился Тайин.

— Держи,— Тайин бросил ему корень, похожий на луковицу.— Мыло-корень.

Захар тщательно тер и скреб себя, вымыл голову. На берег он выбрался, чувствуя себя заново рожденным.

Тайин тем временем позаботился о еде. Он нашел отличную приправу к мясу: несколько пригоршней жерухи и дикого лука.

Захар хрустел сочной зеленью, приговаривая:

— Ну и жизнь пошла! Мясо и зелень! Только об этом я и мечтал в чертовой миссии.

Утром, когда Захар протер глаза, Тайин уже был на ногах. Виноградной лозой он связал скатанную попону, не забыл изготовить и перевязь, чтобы удобнее было нести. Для своих обвисших штанов Тайин сплел пояс с висячей петлей для кинжала. Сам же кинжал Тайин насадил на палку длиной примерно с метр, очищенную от коры, — отличное получилось копье. Сделал и копьемератель: нашел длинный, ровный сук и вырезал в нем выемку по всей длине. Он заложил копье в выемку, прицелился и метнул его в дерево. Копье вонзилось в ствол с такой силой, что Тайин с трудом вытащил его обеими руками.

Зевая, Захар наблюдал за ним.

— Есть копье, оленька возьмем, — сказал Тайин. — Лук, стрела лучше, но сперва сначала нужно оленя взять.

— Это почему? — спросил Захар. Он встал, энергично потянулся.

— Жила. У оленя нужно жилу взять, для лука. — Тайин вручил Захару пояс из прутьев и охапку сплетенных виноградных плетей. — На, а то штаны потеряешь.

— Вот спасибо, друг.

Захар пошел умыться. Когда он вернулся, на подстилке из больших листьев уже лежало мясо. Салфетка, в которую оно было завернуто, сохла на кусте после стирки.

— Ты прямо-таки кудесник, Тайин. — Захар сказал это шутливо, но с неподдельным восхищением. — Чудеса творишь, да и только.

Тайин скептически посмотрел на него.

— Угу, — только и сказал он.

— Нет, в самом деле, Тайин. Откуда это в тебе? Можно подумать, что ты весь свой век прожил в лесах.

Захар набрал у ручья пучок жерухи, и теперь они принялись уплетать тонкие ломтики мяса, завернутые в острые, словно наперченные, листья жерухи.

— Ведь у вас на Кадьяке небось одни снега да льды?

— Ну да! Почему так думаешь? Кадьяк не весь снег и лед. Леса большие. Зверь всякий. Рыба, утка, тюешек. Хороши места. — Тайин смотрел вдаль, его желтые глаза выражали тоску.

Когда, позавтракав, они тронулись в путь, Тайин наконец-то разговорился. Всю свою жизнь он провел в родном кадыкском селении. Искусный охотник, рыбак, лодки хорошо делал. Свою жену и маленького сына содержал в сытости и тепле. Чего еще нужно человеку? Он и был всем доволен, пока не появился «господин Мишкин» и стал вербовать охотников на бобровый промысел в Калифорнию. И он, Тайин, как последний дурак, поверил рассказам Ильи, будто после первого же охотничьего сезона можно будет вернуться домой с полной байдаркой компанейских товаров. Вместо этого Илья заставил лучших охотников год за годом торчать в Россе. Денег на руки им не давали, они получали от Ильи только какие-то лоскутки бумаги.

Тайин шагал как заведенный, но мысли его были далеко отсюда.

Захар выругался сквозь зубы.

— Я поговорю об этом с господином Кусковым, Тайин. Это же чистый разбой — держать вас против воли!

— Домой хочу как черт, это точно. А как ты, господин Петров? Домой хочешь, свое место?

Захар нахмурился.

— Нет у меня своего места. — Потом задумчиво добавил: — А я бы остался в Россе. Женился бы. Хозяйством обзавелся.

Он размышлял: представил себе маленький уютный домишко, вроде отцовского. Жена была похожа на Надю, только помоложе и покрасивее. Вот приходят к ним гости — Петя Гальван с супругой. И отец с Надей тоже здесь. На столе самовар пузатый пыхтит, в печи огонь трещит, кто-то на балайке играет. Хорошая собралась компания. И всех-то их Захар любит. И Надю тоже? И Надю.

Захар так удивился самому себе, что даже остановился. Тайин недоуменно оглянулся на него.

Захар вернулся на землю:

— Вот только добраться бы нам до Росса, а там и горюшка мало. Кабы знать, сколько еще до него идти.

Тайин пожал плечами:

— Как знать? Сто миль? Две сто миль? Три сто миль?

Цыгане верят, что медведь — брат человека, потому что у него под шкурой такое же тело, и он пьет пиво, и любит музыку, и умеет плясать.

Хемингуэй, «По ком звонит колокол»¹

15. ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

ясо кончилось в тот день, когда они поднялись на вершину холма и наконец увидели реку. Обгладывая кость, Захар глядел на просторную равнину между двумя грядами гор. Посредине, широкая и медлительная, вилась река. Захар размахнулся, чтобы забросить кость подальше.

Возглас Тайина остановил его:

— Давай ее сюда.

Захар отдал кость:

¹ Перевод Н. Волжиной и Е. Калашниковой.

— На что она тебе?

— Молоть будем, кушать будем.

«В чем ты ее молоть будешь? И то, хоть и размолоть, тоже мне еда — толченые кости», — подумал Захар, но промолчал. Он уже не удивлялся способности Тайина из ничего делать что-то.

Из камешков, связанных в цепочку лыком, Тайин соорудил снаряд для охоты на птиц. Он показал Захару, как метать снаряд, чтобы, падая, он образовывал петлю, и однажды Захар уже поймал так перепелку. Перья пригодились для стрел, которыми заранее запасался Тайин. Был у них уже и лук, и маленький лучок для разжигания огня. Однако и для лука, и для огневого лучка нужна была тетива.

Спускаясь к реке, они замечали на каждом шагу признаки наступающей весны. Бархатистая кора деревьев была усеяна молодыми почками. Птицы порхали среди ветвей, подрагивавших от стремительных прыжков белок; петляли среди кустов кролики. Земля была черной от помета оленей, лис и прочего лесного зверья.

— Да, проснулся лес, — вздохнул Захар. — А ивы-то, гляди, в воде купаются — словно девки волосы в реке полощут.

Они остановились. Широкая река лениво катила свои воды на север. На другом берегу стеной стоял лес, за ним возвышались холмы.

— Смотри! — воскликнул Захар. — Дым!

На том берегу поднимались в чистое ясное небо далекие столбы дыма.

— Индейцы, должно быть, — сказал Тайин.

— Почему ты знаешь? Могут быть и испанцы. Миссия или ранчо.

Тайин изучал противоположный берег.

— Вырубки нет. Дома нет. Скота на холмах нет. Индейцы. Мы идем здесь, они там. Мы их не трогаем, они нас не трогают. — Он медленно двинулся по берегу, вглядываясь в землю под ногами. — Пошли, ужин делать будем.

— Какой там ужин! Ничего у нас нет. — Захар плелся за ним, у него живот подводило от голода.

— Ищи круглый камень, — сказал Тайин.

Они продолжали идти по берегу. Цапли, стоявшие как снежно-белые статуи, при их приближении лениво взмахивали крыльями и улетали. Вдруг Тайин воскликнул:

— Гляди, вот ступка!

Он нагнулся над маленькой круглой выемкой в каменном наплыве у самой воды. Захар подобрал круглый твердый камень величиной с кулак. Тайин взял у него камень, достал кости, оставшиеся от съеденного мяса, сложил их в ямку. Присел на корточки и стал терпеливо дробить кости камнем.

Захар наудачу побрел в ивняк на поиски пищи. В лабиринте старой ботвы он обнаружил несколько горлянок — чернобелых бутылочных тыкв, оставшихся здесь с прошлой осени. У двух тыковок оболочка все еще была твердой. Он вернулся с ними на берег.

С невероятным терпением Тайин продолжал размалывать осколки костей в муку. Когда Захар протянул ему тыквы, он прекратил работу:

— Хорошо, чашки будут.

Постукивая по кинжалу камнем, Тайин срезал верхушки тыкв, извлек сухие семечки, бросил их в ту же ямку и вместе с костями размолот муку.

Захар промыл тыквенные чашки, заодно сам искупался. По сравнению с ледяной ручьевой водой ленивая неглубокая река показалась ему теплой ванной. Крупные темные рыбыны, которых он заметил, тоже были ленивые. Время от времени Захар неожиданно бросался на них, но они плавно уваливали и удалялись на безопасное расстояние.

Когда Захар вернулся к «ступке», Тайин выгреб в каждую чашку по пригоршне муки. С чашками в руке они пошли берегом, выискивая подходящее место для ночевки, и вскоре набрали на рошу, где под большим развесистым дубом пробивался родничок. Здесь они решили остановиться на несколько дней, пока Тайин не сработает какую ни на есть охотничью и рыбачью снасть.

Заходящее солнце заливало жидким золотом реку, когда они уселись ужинать. Захар разбавил костяную муку водой, получилась безвкусная каша. Тайин ел всухомятку, он макал палец, смоченный слюной, в чашку. Дикая зелень и корни дополняли их скудную трапезу.

Тайин набил рот зеленью и медленно, вдумчиво жевал.

— Думаю вот, как в Росс пойдем.— Он слизнул костяную муку с пальца.— Помнишь, Дэмбостон бросил наших? Три байдарки?

— За заливом Сан-Франциско? Как же, помню.

— Большая вода там кругом,— продолжал Тайин.— Море, пролив большой, бухта, еще бухта, много бухт. Хочешь идти в Росс — лодку надо. Вот я часто думаю. Думаю, пойдем за этой рекой, где-то приходим на морской берег. Попробуем прийти Монтерей. Монтерей придем, лодку крадем, а?

Захар усомнился.

— Попробовать-то можно. Однако от Монтерея до Росса чертовски долгий путь. И то еще пожалуют ли нас испанцы лодкой.

Тайин пожал плечами.

— Как думаешь, как еще пойдем? Ногами разве дойдем?

Захар ухмыльнулся. Подражая Тайину, пожал плечами.

— Кто знает?

После ужина пошли искать оленьи следы. Сумеречный вечерний свет просеивался сквозь деревья.

— Вот бы завтра добыть оленя! — с жаром сказал Захар.

Тайин шел спокойно. Если и говорил, то так тихо, что Захар еле разбирал слова. В тени папоротников почва была сырой и пружинила под ногами, как губка.

Вдруг Тайин вытянул руку.

— Там,— прошептал он.

Ручей разлился в маленький мелкий пруд. С одной стороны — поросль, с другой — луг. По луговине шла тропка и терялась в черной грязи у пруда. Сдвоенные овальные копыта оленей превратили полосу берега в болотце.

— Водопой,— выдохнул Тайин.

Дальний от тропки берег пруда был каменистый и высокий, поросший молодыми деревьями и густым кустарником.

Вдвоем они сгребли большую кучу валежника для засады у оленьей тропы.

— Ты прячешься здесь,— объяснял Тайин.— Олень придет — ты за ним, пугай его. Я — там, в деревьях, с копьём. Ты гонишь на меня, я его копьём. Понял?

Захар кивнул, облизнул пересохшие губы. Он представил себе оленью ногу на вертеле над костром, и у него потекли слюнки.

Прежде чем взошло солнце, они уже были на месте. Тайин спрятался за деревом на дальнем каменистом берегу. Захар зарылся в груды валежника, прикрыл себя ветками. Отсюда ему было видно дерево, за которым прятался Тайин. Справа от него проходила тропа к водопою.

Утро разлило сероватый свет над прудом, и тут же дружно грянул птичий хор. Захар сам не мог понять, как он прозевал первого гостя на водопое.

Рыжая лисица деликатно лакала воду. Вот она подняла голову, кончики настороженных ушей стояли прямо, как стрелки; лиса беспокойно втянула в себя воздух — что-то ее встревожило. Захар затаил дыхание. Ему казалось, что лиса глядит прямо на него. На миг зверек застыл, потом повернулся и затрусил вниз по течению. Огненно-красный пушистый хвост струился за ним следом.

Потом появился лось. Его великолепная голова с огромными ветвистыми рогами покачивалась из стороны в сторону. Уши, широкие, как снегоступы, ловили каждый лесной шорох. Лось окунул морду в поток и стал пить, подрагивая коротким белым хвостом. Захару этот матерый самец показался величиной с дом. Дрожа от возбуждения, Захар наблюдал, как лось величаво вышагивал по тропе.

Приходили напиться зайцы и еноты. Наконец на тропе появились три оленихи с оленятами. Молодые олени, со спинкой которых уже сошли пятна, шагали степенно. Зато оленихи резвились вовсю. Они шли гуськом, тыкали друг дружку носами в короткие хвостики и шаловливо брыкались. Захар любовался ими, подавляя неудержимое желание рассмеяться.

Тут легкое движение по ту сторону пруда привлекло его внимание. Из-за дерева высунулась голова Тайина. Лицо его было перекошено, желтые глаза беззвучно кричали: «Ну, давай!»

С диким воплем Захар вылетел из своего укрытия. Ветки, сучки, сухие листья разлетелись во все стороны, как от взрыва. Крича во всю глотку, хлопая в ладоши, Захар огромными скачками бросился к оленям. Он обезумел от возбуждения.

Охваченные паникой, олени закружились на месте, потом понеслись через ручей, поднимая фонтанчики брызг. Мелькая белыми хвостиками, они взлетели на каменистый берег. Один олень ударил копытом о камень с такой силой, что полетели искры. В этой суматохе Захар едва успел разглядеть, как Тайин метнул копьё. Затем и стадо, и охотник скрылись в подлеске.

Захар зашлепал через ручей следом за ними. На том берегу он растерянно заметался, как собака, потерявшая след. Но тут он услышал зов Тайина и побежал на голос.

Когда он подбежал к Тайину, тот вытаскивал тело оленя

из-под куста. Он держал животное за заднюю ногу и, напрягаясь, волок его по неровной земле. Копье торчало из коричневой бархатистой шкуры, оно вошло под лопатку. Тайин поставил ногу на тушу и выдернул копьё. Кожа у Захара покрылась холодным потом. Подавляя подступившую к горлу тошноту, он помог Тайину привязать оленя за ноги к жерди.

— Хорошая олешка, жирная,— сказал Тайин. Они подняли жердь с оленем на плечо.— Чуешь, какая тяжелая?

Захар проглотил слюну, промолчал. Они тронулись в путь. Тайин шел впереди. Туша покачивалась между ними под жердью.

Постепенно тошнота отступила от Захара. Им снова овладело возбуждение охоты, до сих пор скрывавшееся под спудом, и он разговорился.

— Знаешь, Тайин, я однажды здорово поспорил с Ильей Ми икиным. Я ему сказал, что ненавижу убивать бобров, да и вообще любых животных, что всякая тварь имеет право жить. А он говорит: «Не очень бы ты брезговал этим делом, кабы сам подышал с голоду».

Тайин обернулся на ходу:

— Он правду сказал, разве нет?

Захар неохотно согласился.

— И все равно жалко. Вроде как я перед этим оленем виноват.

— А ты ей скажи: «Виноват». Громко скажи. Тебе лучше будет. Я ей сперва раньше уже сказал.

Захар смутился, сказал тихо:

— Прости, олень, что мы тебя убили.— Потом произнес громче и увереннее: — Но иначе мы не могли. Или твоя жизнь, или наша.

И у него в самом деле стало легче на душе.

Как только они вернулись на привал, Тайин отвязал кинжал и начал разделывать оленя.

— Сперва сначала берем жилу, огонь сверлить будем.— Он вырезал кусок упругого сухожилия и сделал из него тетиву для огневого лучка. Этой тетивой он обмотал палочку из твердого дерева.— Как огонь делать будешь, господин Петров? — спросил он, не прекращая работы.

Вопрос озадачил Захара.

— Ну, как же, ну...— и он рассмеялся.— Ей-богу, не знаю. Хоть смейся, хоть плачь, а только я не знаю. Всегда у кого-то

был огонь, можно было разжиться. Вот если бы иметь огниво, кремь, трут... А так, голыми руками... — Он замолк, чувствуя себя совершенно беспомощным.

— Ладно, ладно, господин Петров, я покажу.

Тайин уселся, взял кусок сухой коры, перевернул его внутренней стороной вверх и прижал его к земле ногой. В рыхлую поверхность коры он воткнул деревянную палочку, обмотанную тетивой лучка. Верхний конец палочки он накрыл кусочком дерева и, придерживая его губами, начал вращать палочку с помощью тетивы. Он работал лучком до тех пор, пока не появилась первая струйка дыма; кора вокруг палочки начала тлеть, обугливаться. Тайин раздувал уголек, подкладывал кусочки сухой коры, сухие листья — и наконец появилось пламя.

Они наворачивали на зеленые ветки тонкие длинные ломтики оленины и жарили их на костре.

— Боже мой, до чего же вкусно! Горячее мясо! — бормотал Захар.

— Теперь хорошо, с огнем, — кивнул Тайин. — Не хотел тебя пугать — только опасно было, чертовско дело, спать в лесу. А с огнем зверя не боимся.

Утолив первый голод, Тайин с видимым удовольствием снова взялся за работу.

Захар присматривал одним глазом за долгожданной оленьей ногой, которая поджаривалась на углях, и не переставал удивляться: чего только нельзя сделать из оленя! Все несъедобные внутренности на что-тогодились. В пузыре можно носить воду, в чехлах, сделанных из кишок, — сухую кору для растопки. Шкура, в которую Тайин втер немного оленьего мозга для мягкости, могла послужить надежным укрытием от дождя.

Голову оставили в целости и сохранности, Тайин собирался насадить ее на палку и использовать для маскировки на следующей охоте. Сухожилия понадобились для самых разнообразных поделок. Мелкие кости пойдут на рыболовные крючки, большие тоже на что-нибудь сгодятся.

Перед ужином Захар решил искупаться в реке, и ему удалось поймать рыбу. Он вынес ее на берег, смеясь от радости и крича:

— Тайин! Тайин!

Тайин появился на берегу как раз вовремя, чтобы увидеть, как скользкая черная рыбина вывернулась из рук Захара. Захар подхватил ее и понес в лагерь, не переставая смеяться.

— Чего смешно? — полюбопытствовал Тайин.

— Вчера, когда мы подышали от голода, рыба меня и близко не подпускала! А сегодня, когда у нас полным-полно мяса, она сама идет ко мне в руки.

Захар насадил рыбину на ветку и повесил на дерево. Хороший будет завтрак. Рядом висела на суку оленина.

За ужином Тайин сказал:

— Завтра еще пойдем на оленя. Другой день пойдем дальше.

Ранним туманным утром они развели костер, прежде чем отправиться на охоту. Завтракать они собирались по возвращении. Захар жадно поглядывал на рыбину, висевшую на ветке. Они сложили у дуба скатанные пончо и прочие пожитки.

На этот раз Тайин вооружился новым луком со стрелами. Кинжал висел у него на поясе. Он повел Захара на новое место охоты — в густом кустарнике неподалеку от другой оленьей тропы. Оленью шкуру он набросил на спину, не забыл и оленью голову на палке. Тайину удалось подкрасться к небольшому стаду на удобное для выстрела расстояние, и охота закончилась быстро. Предрассветный туман еще не рассеялся, а они уже брели к лагерю, неся на жерди оленя. На этот раз впереди шел Захар.

Он сказал через плечо:

— Из головы не выходит эта наша рыбина. Печеная рыбка на завтрак — пальцы оближешь!

— Все время голодный, — снисходительно заметил Тайин.

Захар весело заржал:

— Что поделаешь — расту!

Костер приветливо мигал им навстречу.

Вдруг Захар заметил неясную фигуру по ту сторону костра. Ему показалось, что какой-то рослый человек тянется к их провизии, висящей на ветках.

— Эй! — Захар уронил жердь и не раздумывая бросился вперед. — Тебе чего?..

— Стой! Берегись! — завопил Тайин.

Захар понял свою ошибку, лишь когда очутился на расстоянии вытянутой руки от огромного медведя, — это он хозяйничал в их лагере. Медведь с рычанием повернулся. Захар едва успел заметить белые клыки, маленькие, горящие красным огнем глазки, и тут же его сбил с ног могучий удар медвежьей лапы.

Очнулся он, стоя на четвереньках у костра. Грозное рычание раздавалось за его спиной, земля дрожала от топота медвежьих лап. Захар замотал головой, приходя в себя, оглянулся.

Медведь сжимал Тайина в своих чудовищных объятиях. Стоя на задних лапах, огромный зверь топтался взад и вперед, прижав Тайина к своей груди. Они танцевали свой смертельный танец между дубом и костром.

Захар бессмысленно глазел на них. Он дрожал всем телом, подавляя безумное желание бежать прочь.

Он вскочил, выхватил из костра горящий сук и бросился к борющейся паре. Перед ним мелькнуло лицо Тайина, искаженное мучительной гримасой. Вот медведь повернулся к Захару. Горячее зловонное дыхание обдало Захара. И тогда он сунул свой факел прямо в рычащую морду над головой Тайина. Медведь жутко взревел, выпустил Тайина и бросился прочь, круша подлесок. Тайин привалился к дубу, обхватил голову обеими руками и сполз на землю. Захар стоял над ним пошатываясь, тяжело дыша.

— Тайин, как ты, жив? — прохрипел он.

Тайин жадно ловил ртом воздух. Кровь тонкими струйками стекала по его шее. Он ощупал свою голову:

— Не знаю. Медведь мою голову ел. Чертовско болит. — Тайин уронил голову на грудь и потерял сознание.

У Захара подкосились ноги, и он тоже свалился на землю рядом с Тайином...

Захар пришел в себя раньше Тайина, с трудом сел. Левое ухо, к которому приложился медведь, горело как в огне. Захар осторожно потрогал его. Ухо, вся левая половина лица и даже шея распухли. Он заковылял к роднику, плеснул воды на лицо и поспешил к Тайину, скорчившемуся под деревом.

Захар стал искать для него пончо — и чуть не заплакал, увидев, что натворил медведь. Все их пожитки были раскиданы и попорчены, от огневого лучка остались одни обломки, одна из двух чашек была раздавлена. Одежда-пончо медведь истоптал и изодрал когтями, когда пытался дотянуться до рыбы.

Захар встряхнул изодранные пончо, расстелил одно и уложил на него Тайина. Снял с его плеча лук, снял оленью шкуру, на которой явственно виднелись следы медвежьих когтей. Если бы не шкура, медведь содрал бы Тайину всю кожу со спины. Захар укрыл алеута вторым пончо, принес воды в чашке, утер кровь с его лица и шеи, осторожно обмыл его голову. Кожа на голове

во многих местах была проколота когтями, но, к счастью, не очень глубоко. Захар перевязал Тайину голову как умел, пытаясь остановить кровотечение. Скатал оленью шкуру и подложил Тайину под плечи.

— Уже лучше,— проворчал Тайин, и его веки дрогнули. Его загорелое широкое лицо было зеленовато-бледным.

Захар устроил его поудобнее, подкинул веток в костер — день был хмурый и ветреный. Подобрал кинжал, который Тайин выронил во время схватки с медведем, и обломки охотничьей и рыбацкой снасти, разбросанные вокруг костра. Придется Тайину все делать заново. Когда Захар вернулся к дубу, Тайин уже спал, бледность постепенно сходила с его лица. Захар заботливо подоткнул пончо под его подбородком.

Когда Захар нагнулся, кровь горячо запульсировала в щеке, ухе, шее, даже зубы заныли с левой стороны. Захар выпрямился, свирепо поглядел на весь этот разгром. А ведь еще нужно было позаботиться о еде.

— Проклятый медведь,— проворчал он и принялся за работу.

Это похоже на то, будто сотня людей задыхается под этим песком — люди селятся выйти на поверхность и тонут все глубже в его страшной глубине.

У. Коллинз, «Лунный камень»¹

16. ЗЫБУЧИЕ ПЕСКИ

Саванна расстилалась перед ними до самого горизонта. Ветерок гнал зеленые волны по безбрежному морю высокой травы. Идти по такой равнине — одно удовольствие. Они шли между двумя грядами холмов, река оставалась по правую руку. Она спокойно текла посредине равнины, становясь все шире с каждым днем их пути.

— Много верст мы отмахали за последние две недели, — сказал Захар.

¹ Перевод М. Шагинян.

Тайин повел плечами, поправляя свою поклажу. Через плечо у него был перекинут лук и колчан из шкуры койота.

— Не кушать, так быстрее пойдем,— отвечал он спокойно.— Ты всегда кушать хочешь — охота время берет.

Захар встревоженно покосился на него. В желтых глазах Тайина поблескивала усмешка.

— Это по твоей милости мы потеряли тогда три дня,— возразил Захар в тон Тайину.— Дернул тебя черт плясать с медведем, а потом никак прийти в себя не мог.

— Ты любезный человек, я любезный человек, господин Петров,— ухмыльнулся Тайин.— Сперва сначала ты ему руку жал. Потом я плясал.

Они продолжали свой путь в дружелюбном молчании, довольные собой и друг другом. Несмотря на все уговоры Захара, Тайин упорно продолжал называть его «господином Петровым». Лишь в ту страшную ночь, когда Захар лежал связанный в коровьей шкуре, Тайин окликнул его по имени. Но потом вернулся к привычному обращению. Если не считать этой причуды, они вели себя как старые, добрые друзья. Тайин очень сочувствовал стремлению Захара свидеться с отцом. «Он понимает меня лучше других потому, что сам мечтает вернуться к своей семье»,— думал Захар.

Захар никак не мог определить, сколько они прошли после памятной встречи с медведем. Не раз их задерживали проливные дожди. В жестокие бури они пережидали непогоду в каком-нибудь укромном месте. Если же просто шел дождь, они прятали пончо в оленьи шкуры и шагали в своих многострадальных, изодранных в клочья штанах. Единственным препятствием в их странствии на север оказалась еще одна испанская миссия. При виде садов и пасущегося скота они дали большого крюка и снова вышли к реке лишь далеко за последними полями миссии.

Индейцев они не встречали. Единственным напоминанием о них были те столбы дыма на дальнем берегу.

В этих краях, кишевших дичью, птицей, рыбой, беглецы не боялись погибнуть от голода. Охотничья и рыболовная снасть Тайина работала на славу. Оба путника были худыми, но крепкими и жилистыми.

Повседневные походные заботы они делили поровну. Захар отвечал за огонь. В водонепроницаемом чехле из оленьих кишок он нес огневой лучок, трут из волокон коры и мелкий сухой хворост для растопки. Он испытывал всевозможные способы

сохранить огонь во время дневных переходов, чтобы не добывать его заново на привале; но угольки или гасли, или вспыхивали и тут же прогорали.

Однажды вечером, на привале, Захар смастерил небольшую клетку из костей и подвесил ее к палке. Он насыпал в клетку угольев и стал раскручивать ее — уголья разгорались все ярче и ярче. Тайин возился у костра, время от времени скептически поглядывая на упрямения Захара.

Вдруг Захар закричал:

— Я понял!

И он рассказал Тайину про танец в круглом доме помо — о том, как колдун летал во тьме по воздуху.

— Вот как они это делали. Они спускали корзину с угольями через дымовое отверстие и раскручивали ее. Вот так.

И Захар яростно замахал палкой, заставляя клетку выписывать спирали в воздухе. Тут уголья пыхнули пламенем, пережгли веревку и рассыпались по земле дождем огненных брызг. Захар глушил их палкой. Тайин только посмеивался, глядя на него.

Не проходило дня, чтобы Захар не искупался перед сном. Река становилась все мельче. Местами она то уходила под землю, то снова выныривала на поверхность. Постепенно местность менялась, пошли низины, болотца. Москиты кровожадно роились вокруг них. Они обмазывали тела илом, растирались травами, которые собирал Тайин. И все равно звонкие рои гнуса изводили их днем и ночью.

Однажды на исходе ясного теплого дня они устало брели берегом, пробиваясь сквозь полчища мошкары. Слева к болотистой равнине подступали холмы. Один из зеленых склонов был усеян темными точками. Тайин показал на них:

— Видишь стадо? Там испанцы.

Захар разглядел за деревьями красные черепичные крыши.

— Да, еще одна миссия. Прямо на нашем пути.

Они внимательно осмотрели местность. Справа от них вяло текла обмелевшая река. На том берегу виднелась травянистая равнина, за ней — деревья, и вдали — высокие холмы.

— Похоже, чертовы испанцы больше держатся этого берега, — сказал Захар. — Потом еще ранчо пойдут, наверное. Давай-ка лучше переберемся вброд и пойдем по тому берегу.

Тайин кивнул, подкинул повыше свою поклажу. На этот раз они были здорово нагружены. Мясо, оставшееся после утренней охоты на оленя, было упрятано в оленьи шкуры вместе с пончо

и прочими пожитками. На них были только короткие рваные штаны да шапки из оленьей шкуры, защищавшие их от солнца. Тайин перебросил лук и колчан поверх своего тюка. Кинжал висел в перевязи у него на поясе...

Они брели по колено в воде, подымая со дна ил. Посредине река была поглубже, но не выше пояса. У противоположного болотистого берега Захар почувствовал под ногами песок. Песок поддавался, с каждым шагом ноги уходили в него все глубже. В нескольких шагах от берега Захар уже с трудом выволакивал ноги. Песок засасывал ноги по щиколку, потом по икры.

— Нет, не нравится мне это, — пробормотал Захар.

Он оглянулся на Тайина: тот брел в нескольких шагах за ним, чуть левее. На его широком плоском лице были написаны удивление и тревога, он продвигался к берегу все медленнее. Обе ноги Захара увязли в песке, все глубже погружались в него.

— Плывун! — отчаянно крикнул Захар.

Впереди, по правую руку от Захара, виднелись низкие кусты, это уже был берег. Полоска мутной воды шириной всего в несколько шагов отделяла Захара от этих кустов. Не оборачиваясь, он крикнул:

— Правее держи! Добирайся вплавь!

Захар сбросил свой тюк в воду и рванулся вперед, лицом вниз. Все свои силы он вложил в этот отчаянный рывок. Он сложился пополам, как складной нож, подтянул ноги к себе — и песок отпустил их. Несколько гребков — и Захар очутился у самых кустов. Он схватился за упругие ветки и стал подтягиваться на них. Корни слегка подались, но он успел выбраться на берег. Захар встал на колени, оглянулся.

Тайин увяз. Стоя по пояс во взбаламученной воде, он метался, тянулся к берегу.

Захар уже был на ногах.

— Погоди! Оставайся на месте! — закричал он, не отдавая себе отчета, насколько нелепы его слова. — Я сейчас!

И он помчался по болотистому берегу, перепрыгивая с кочки на кочку, потом по сырому лугу — туда, к деревьям! Он набросился на первую же сосну, как разъяренный бык. Стая голубей с громким хлопаньем поднялась с ветвей. Захар делал невероятные прыжки, повисал на ветках, скручивал их и бросал на землю. Шершавая кора раздирала кожу на ладонях, но он не чувствовал боли. Казалось, прошло всего несколько секунд, а он уже мчался к реке с огромной охапкой сосновых ветвей.

Стоя всего в трех шагах от берега, как раз против большой кочки, поросшей осокой, Тайин уже погрузился по горло. Ему удалось скинуть с себя поклажу и перевести ее вперед, и он положил обе руки на тюк в отчаянной попытке удержаться на плаву. Голову он откинул назад, чтобы нос и рот не залило водой. Увидев на берегу Захара, Тайин не издал ни звука. Но в глазах у него стоял голый страх смерти.

Захар уронил охапку, грудью упал на кочку и начал подсовывать к Тайину разлапистые ветви. Он осторожно укладывал их рядком, пока шаткий настил не дошел почти до Тайина. Тогда, взяв в руки самую длинную, прочную ветку, Захар стал осторожно продвигаться вперед по дышащему настилу.

Он протянул ветку Тайину, тот бешено рванулся, вцепился в конец ветки. Вода перехлестнула через тюк и залила Тайину подбородок.

— Спокойно, друг, не спеши.— Захар отдернул ветку дальше от Тайина.— Этак ты и меня стащишь.— Он чуть продвинулся вперед и снова подsunул ветку Тайину.— Не дергай. Если я свалюсь, пропали мы оба.

Пальцы Тайина ощупывали зеленые побеги, подбираясь к прочному стержню ветки, нашли, вцепились в него мертвой хваткой.

Захар медленно пятился по подрагивающему настилу. Чутко переваливаясь с боку на бок, он начал подтягивать ветку к себе. Он тянул, откидываясь назад всем телом, пока грудь Тайина не оказалась на уровне зеленой площадки. Тогда Захар осторожно поднялся на ноги. Сильный рывок — и зыбучий песок отпустил Тайина. На коленях он выбрался на настил, не выпуская из рук спасительную ветку. Стоя на кочке, Захар волок его к себе изо всех сил. Тайин рухнул на кочку. Захар стоял над ним, тяжело дыша. Ему показалось было, что Тайин потерял сознание. Но он ошибался — Тайин плакал. Тайин лежал, уткнувшись лицом в жесткую черно-зеленую траву, длинные, всхлипывающие рыдания сотрясали его голое тело. Захар побрел по болотистому лугу к следующей кочке и остановился, терпеливо выжидая. Он ничего не чувствовал, ни о чем не думал — на это у него просто не было сил.

Наконец Тайин поднялся, и они молча потащились к лесу. Захар устало опустился на землю, прислонился спиной к дереву. Тайин свернулся рядом калачиком и, казалось, мгновенно заснул.

Захар вздрогнул, очнулся от дремоты.

— Ничего,— пробормотал он.— Ничегошеньки.

Все, что у них было, погрузилось в зыбучий песок, на речное дно. Пища, вся самодельная снасть, даже штаны Тайина исчезли в этой жадной прорве. Однако страшнее всего была потеря кинжала. Он исчез вместе с драными штанами Тайина.

— Ничегошеньки. С голыми руками остались,— громко произнес Захар.— И то...— он тупо поглядел на ободранные ладони.

До наступления ночи Захар сгреб в кучу хворост, прочий лесной сор. Тайин даже не шелохнулся, когда Захар заваливал его листвою и валежником. Израненными руками Захар кой-как соорудил над Тайином хлипкий шалаш — какое ни на есть укрытие на ночь. Потом подыскал суковатую палку покрепче и улегся рядом с Тайином.

Наутро Захар первым был на ногах. Тайин, которого Захар давно уже прозвал «ранней пташкой», на этот раз лежал на своей подстилке из листьев, вялый и безразличный ко всему.

— Тайин! — окликнул его Захар.— Ты здоров? Вставай, пора идти.

Тайин безропотно поднялся на ноги. Весь день они шли рядом, и Захар не мог не заметить пугающую перемену в поведении Тайина: тот потерял интерес ко всему, не пытался добыть пищу, был рассеян и замкнут. Казалось, встреча лицом к лицу со смертью лишила его и силы, и бодрости духа.

Захар пытался расшевелить его. Он то и дело заговаривал с ним, шутил, пробовал бранить его. Ничего не помогало. Тайин шел, погруженный в свои мрачные мысли, отрешенный от всего. Его янтарные глаза утратили блеск.

Так продолжалось несколько дней. Тайин был занят своими мрачными размышлениями, Захар — поисками пищи. Он ничем не брезговал: зеленью, корешками, птичьими и черепашьими яйцами. Иногда удавалось найти несколько орешков, переживших зимние дожди. Все найденное он делил с Тайином. Тот брал и механически глотал. В довершение всех бед, дождь изводил их: то моросило, то лило как из ведра. Продрогшие, голодные, они брели днем, а по ночам корчились под деревьями.

Наконец, однажды утром, Захар, изнемогший от голода и тягот пути, но прежде всего озабоченный состоянием друга, остановил Тайина. Дождь только что перестал, река дымилась под солнцем.

Стоя перед Тайином, Захар начал:

— Тайин, посмотри на меня. Ну, прошу тебя.

Остекленелые глаза нашли какую-то точку вдали и устались в нее.

— Тайин, мы ведь друзья,— серьезно продолжал Захар.— Друзья помогают друг другу. Что с тобой? Поверь, я хочу помочь тебе. Если мы перестанем помогать друг другу, тогда всё, конец.

Тайин молчал, но Захару показалось, что он стал прислушиваться к его словам.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я умер? — не отступался Захар.— И сам небось тоже не хочешь помереть, а?

— Я уже сперва раньше умирал,— пробормотал Тайин.

— Чего? Ты это о чем?

У Захара сжалось сердце при виде безнадёжного отчаяния на лице Тайина. Немыслимо, чтобы этот уверенный в себе, смелый, сильный человек сломался из-за суеверия, из-за какой-то навязчивой мысли. Захар знал: он должен как-то пробиться сквозь невидимую стену, отгородившую Тайина от него. От этого зависели их жизни. Он схватил Тайина за плечи и дружески встряхнул его.

— О чем ты, Тайин? Скажи. Скажи мне. Пожалуйста!

— Я умирал в речке,— сказал Тайин тихим, дрожащим голосом.

— Да с чего ты взял? — Захар снова осторожно встряхнул его.— Ты же не умер. Вот ты здесь стоишь.

— Оставь, господин Петров, пожалуйста, оставь меня.

У Захара опустились руки. Но он не мог отступить теперь, когда Тайин заговорил — впервые за несколько дней. И он продолжал тормошить его.

Наконец Тайин заговорил снова, но так тихо, что Захар с трудом разбирал его слова:

— Эль, она взяла меня вниз. Ангел-хранитель, мой дух, забыл меня. Эль, она взяла мое сердце.— Его лицо было пепельно-серым.

Захар вспомнил их разговор о вере.

— Слушай, ты мне тогда говорил, что ваши ангелы-хранители не помогают белым, так ведь? Но если он хочет помочь тебе, он может сделать это через белого? Скажем, через меня. Так ведь оно и было.

На этот раз Тайин слушал внимательно, и Захар вдохновенно продолжал:

— Да, так оно и было, именно так, Тайин. Тогда, у реки, твой ангел-хранитель вошел в меня. Я помню, тогда я прямо-таки летел по воздуху. Я взлетел на верхушку дерева, наломал веток и полетел с ними назад. Да разве сам бы я смог? Ни за что! Я тогда ощущал в себе какой-то странный дух. Теперь я знаю: это был твой ангел-хранитель, он вошел в меня, чтобы тебя спасти.

Тайин впился в него горящими глазами. Его широкое лицо горело, оживленное надеждой.

— Тайин, Эль не утащила тебя к себе. Она не взяла твое сердце.— Захар вдруг нагнулся и прижал свою щеку к его безволосой груди.— Я слышу, как оно бьется,— и он отступил от Тайина.— Послушай сам. Оно у тебя в груди.

Тайин стоял запрокинув голову, с прижатой к сердцу рукой. Он прислушивался к биению жизни внутри себя. Лицо его выражало счастье, такое же чистое и открытое, как само небо.

Захар ликовал. И в то же время тяжкая усталость охватила его. Вернуть человека к жизни одним усилием воли — это не легче, чем вытащить его из плавуна. Здравый смысл подсказывал Захару, что больше говорить об этом не следует. Они снова пошли рядом. Постепенно Тайин становился таким же, как прежде.

Но все остальное, все вокруг было не таким, как прежде. Казалось, и земля, и все, что было на ней, размокло, пропиталось дождем, размылось, прогнило. Даже если бы у них и был огневой лучок или нож, чтобы сделать его, они не смогли бы развести костер. Есть сырое мясо Тайин не разрешал, он наотрез отказался ловить дичь. Но то, что он подбирал и ел, приводило Захара в ужас.

— Да я скорее сдохну, чем возьму в рот такую нечисть, этих твоих жучков-червячков,— говорил он.

— Может быть,— весело отвечал Тайин.

Вокруг пояса Тайин повязал изъеденную лисью шкурку, подобранную в лесу. Так же, как и Захар, он шел с увесистой дубинкой.

— Совсем, брат, мы с тобой одичали...— уныло пробормотал Захар.

— Чего, чего? — не понял Тайин.

— Да так, ничего...— оборвал разговор Захар.

У него болела голова, все раздражало его, но голода он уже не ощущал. Он слабел с каждым днем, с трудом заставлял себя

идти. Однажды он поел каких-то блестящих красных ягод, и у него начался жестокий кровавый понос. Через несколько часов он был так слаб, что не в силах был стоять на ногах. Колени у него подогнулись, он упал.

— Пошли, господин Петров.

Тайин силком поднял его. Они были на открытом месте у реки, недалеко виднелись леса. Тайин вел его, почти тащил на своих широких плечах. Захар брел, наваливаясь на него всем телом. Он потерял всякое представление о времени, о расстоянии. Сколько они так прошли — версту, десять? — он не знал...

Захар снова упал на колени.

— Иди, Тайин. Оставь меня, ради бога, — простонал он.

Он опустил голову, закрыл глаза. У него было одно-единственное, такое простое желание: улечься на землю и умереть.

Тайин нагнулся над ним, подбадривал, уговаривал встать. Вдруг Тайин выпрямился, и Захар услышал, как изменился его голос:

— Клаговия?

В поле зрения Захара показались чьи-то голые коричневые ступни. Он с трудом поднял голову.

Два индейца с луками в руках разглядывали их в упор. В нескольких шагах за ними лежал олень, привязанный за ноги к жерди.

Тайин поднял руку с открытой ладонью — знак мира.

— Клаговия? — Он повторил это алеутское приветствие несколько раз.

Захар неуверенно поднялся, но ноги у него подломились, и он снова уселся в грязь, как беспомощное дитя.

Индейцы перевели настороженные взгляды с Захара на Тайина. Потом один из них поднял руку, что-то сказал. Тайин ответил на своем родном языке. Захар уронил голову на грудь. Тайин и индейцы продолжали свой чудной разговор, то и дело надолго умолкая.

Потом чьи-то руки подхватили Захара, подняли и повели.

— Идем, господин Петров, — услышал он голос Тайина. — К индейцам пойдем, в деревню. Они помогут.

Захар тащился с поникшей головой, с полузакрытыми глазами. Он слышал только сопение Тайина. Потом он вдруг оказался в каком-то помещении. Его укрыли чем-то мягким, теплым. И Захар провалился в бездонный сон.

Тайин отхаживал его на свой лад. Захар лежал один в ма-

леньком шалаше из корья и почти все время спал. Тайин принес индейские снадобья, которые остановили кровавый понос, и лишь тогда дал Захару поесть. В несколько дней он поставил Захара на ноги, и они отправились в путь.

Захар исхудал, силы его были истощены до предела. Он шагал понурившись, механически переставляя ноги. Они продолжали идти берегом реки, вода в реке поднялась и помутнела. Они ушли довольно далеко от индейской деревни, когда Захар впервые внимательно посмотрел на Тайина.

На алеуте была набедренная повязка из оленьей шкуры, на голом плече болтался бурдюк из оленьего пузыря. В руке он держал плетеную корзинку, в ней был кусок вяленого мяса и мешочек желудевой муки.

— Индейцы, видно, последним поделились. Они ведь небогато живут,— сказал Захар. Он видел деревню лишь мельком: маленькое селение из дюжины убогих шалашей.— Ты небось на охоту с ними ходил?

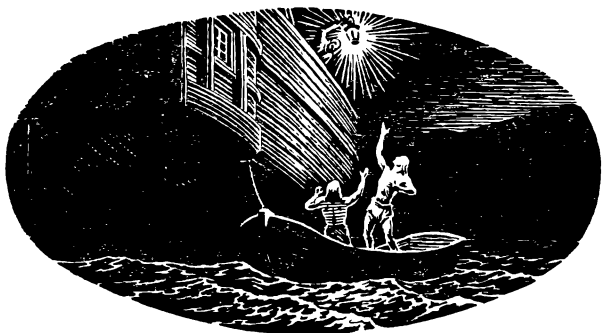
— Ходил, да. Хорош народ.

— А как ты с ними изъяснялся? Ты ведь языка ихнего не знаешь.

Тайин пожал плечами.

— Руками. Картинку рисовали. Эту речку они мне рисовали. Два дня идти, придем к большой воде. Речка, говорят, в море приходит. Большо-ой залив. Думаю, в Монтерей придем, господин Петров.

— Если бы так! — вздохнул Захар.— Ну ладно, пошли!

*И конец. Снова мы здесь, Финн!
Д ж о й с, «Поминки по Финнегану»*

17. «ЗЛАТОУСТ» И «КАМА»

Захар сморгнул счастливую слезу, глядя на безмятежные воды Монтерейского залива. Там, у причала, стоял корабль под флагом Российско-Американской компании! На фоне заката отчетливо вырисовывались крепкие, солидные очертания «Златоуста». Захар не мог оторвать взгляда от него, не мог произнести ни слова — у него перехватило горло.

Тайин тихо проговорил ему в ухо:

— Капитана Рощина корабль. Верно? — Голос его дрожал от возбуждения.

Захар молча кивнул. Они осматривали залив, укрывшись в прибрежной сосновой роще.

От индейской деревни до Монтерея они шли не два, а три дня: Захар слишком ослаб, и они часто делали передышки.

Захар посмотрел на «Златоуст» и вздохнул:

— Шлюпка причалена к борту, вант-трап поднят. Будем добираться вплавь, как только стемнеет.

— Вплавь? А силы у тебя хватит?

— Конечно. До «Златоуста» всего пара кабельтовых.

— Солдат много. Народу много.

Тайин был прав. Между причалом и президио то и дело проезжали всадники. По рейду сновали шлюпки и рыбацьи лодки.

— Ничего. Как солнце сядет, все попрячутся по своим наместам. Подождем.

В сумерках они прикончили остатки желудевой муки. Мяса, подаренного индейцами, хватило только на два дня. Когда мука была съедена, они уселись и стали ждать темноты.

В беззвездной бархатной ночи якорные огни «Златоуста» проложили на воде блестящую дорожку. В домах, разбросанных по берегу, загорелись огни. Захар и Тайин беззвучными тенями заскользили к воде. Они далеко обошли дома и вышли на песчаный берег.

У Захара на миг замерло сердце. Он забыл, какой холодной бывает вода Тихого океана. Тайин плыл рядом, рассекая блестящую дорожку. Он первым добрался до корабельной шлюпки, забрался в нее и помог Захару перевалиться через борт.

Захар лежал на дне шлюпки, дрожа и ловя воздух разинутым ртом. Тайин уже барабанил кулаком в борт «Златоуста».

— Тайин! — вопил он. — Алеут, охотник с Кадьяка!

Захар перевел дыхание и поднялся на ноги. Он занес было кулак, чтобы тоже застучать в борт, но тут же замер в нерешительности. «Ну да, Тайин — это Тайин, алеут с Кадьяка. А ты, Захар Петров, откуда ты? Где твой дом?» И тогда словно яркая вспышка осветила все, что осталось позади, и он ясно увидел, кто он, откуда и куда держит свой путь. Все встало на свои места. Захар забарабанил кулаком и заорал во всю глотку:

— Эй, там, на корабле! Здесь Захар Петров, из Росса!

Заслоняя собой свет фонаря, через борт перевесился кто-то большой, плечистый. Захар заорал еще громче.

Сверху раздался голос:

— Захар Петров, говоришь? Тогда скажи, как меня зовут?

Человек поднял перед собой фонарь, и Захар увидел Петю —

второго помощника капитана. Это он, разве можно не узнать эти широкие плечи, мелкие черты лица и маленький, пухлый рот!

— Петя! — радостно закричал Захар. — Спускай трап!

Веревочная лестница упала в шлюпку. И вот Захар и Тайин уже стоят на палубе, дрожа от возбуждения и холода. Петя велел принести им одеяла, отвел их вниз.

Сидя в душном камбузе у большой железной плиты, Захар жадно поглощал горячий чай с хлебом. Тайин уже умчался на ют к своим землякам. Захар вкратце рассказал про свои приключения, потом Петя пошел в баталерку — подыскать ему какую-нибудь одежду. К Захару то и дело подходили поздороваться за руку матросы, многих из них он еще помнил в лицо.

Петя вернулся с парой серых шерстяных штанов, синей фуфайкой, теплыми носками и сапогами, которые пришлось Захару почти в пору.

— Слушай, да от тебя только кожа да кости остались! — воскликнул Петр, наблюдая за одеванием Захара. Он протянул ему гребень: — Причешись, дикарь, приведи себя в человеческий вид. Кусков желает тебя видеть.

— Как, господин Кусков здесь? — От удивления Захар перестал терзать гребнем свои мокрые, всклокоченные волосы, отросшие до плеч.

— Он пришел вести переговоры с испанским губернатором, — объяснил Петя. — Торговый договор хочет с ним заключить. Говорят, Кусков уже ездил два раза к испанскому коменданту в Сан-Франциско-бэй по этому же делу. Но на сей раз он решил переговорить с самим губернатором. Знаешь, — продолжал Петя, — мы второй уж раз приходим в Калифорнию с Ситхи с тех пор, как ты плавал с нами. Ну, добро, заболтался я с тобой. Пошли, теперь ты хоть на человека стал похож.

С бьющимся сердцем Захар постучался в дверь капитанской каюты. Он переступил порог, и его охватил теплый, уютный запах лампадного масла и трубочного табака. Кусков сидел у стены на черном кожаном диванчике. Капитан Рошин поднялся из-за стола. Свет всяческой лампы бликами играл на его лице и волосах, которые блестели, как всегда, словно смазанные маслом. Рошин отложил трубку и вышел из-за стола с добродушной улыбкой.

— Ну, здравствуй! — Рошин обнял Захара и расцеловал его в обе щеки.

Кусков пожал ему руку.

— Здравствуй, Захар,— сказал он своим обычным ровным голосом.— А мы уж тебя похоронили. Ты, случаем, не привидение? Вообще-то похож, похож. Садись,— он показал на капитанскую койку и снова уселся на диван.

— Никак нет, не привидение,— сказал Захар и сел на койку.

— Ну? Так что с тобой приключилось? Выкладывай.

— Слушаюсь, господин правитель. Это долгая история, Иван Александрович.— Захар сделал глубокий вдох.— Только позвольте сперва спросить: отец мой вернулся?

По лицу Кускова пробежала тень.

— Неохота мне, Захар, огорчать тебя, но «Кама» еще не вернулась. И никаких вестей от нее нет.

Захар понурил голову и уставился в пол. Долгое время слышно было только, как поскрипывает такелаж. Наконец Рошин прервал тягостное молчание постукиванием своей трубки, которую он выбил о металлическую пепельницу. Захар поднял голову:

— Так вы думали, я погиб?

— Конечно,— хмуро сказал Рошин.— Ведь «Елена» погибла.

— «Елена» пошла ко дну со всем экипажем у Скалистых островов,— уточнил Кусков.

— Со всей командой? — ужаснулся Захар.— Все погибли? Илья Мышкин и этот бостонский шкипер... все-все?

Кусков мрачно кивнул:

— Только пара алеутов добралась до берега. Это все, что нам известно.

Снова в каюте надолго воцарилась тишина.

— Значит, мне все-таки здорово повезло,— задумчиво произнес Захар.

И он начал свой рассказ. Когда он дошел до побега из миссии, Кусков прервал его:

— Так они все еще держат наших алеутов в плену?

— Да, господин правитель. Насколько я знаю, алеуты еще там, десять человек.

— Когда вас взяли в плен?

— В середине июля. А сбежали мы где-то в марте.

— А эта важная персона, испанец, который прибыл в миссию в тот день,— ты знаешь, кто это?

— Нет, господин правитель.

— Ладно, продолжай.

Когда Захар рассказал о новой встрече с капралом Риверой, Рошин выругался, снова разжег свою трубку и начал яростно похихивать. Кусков произнес ледяным тоном:

— Каков герой! Каков конкистадор! Ему бы живодером быть, а не солдатом!

Наконец Захар закончил свой рассказ.

— Этот алеут, который тебя выручил...— сказал Кусков,— как бишь его зовут?

— Кто? Ах, Тайин! Занятное дело, Иван Александрович, я ведь и думать позабыл, что он алеут.— «Тайин — это Тайин,— подумал Захар,— мой друг».

— Когда подвернулся случай бежать, почему он предпочел тебя кому-либо из своих, из алеутов?

— Думаю, случайно. Я как раз был рядом.— Усталость наваливалась на Захара, но он старался не подать вида.— В тот раз, когда он спас меня от испанцев, он сказал, что я мог бы сослужить ему службу. Он просил помочь ему вернуться домой. И я обещал помочь. Его ведь можно будет отпустить, правда?

— Разумеется, я исполню его просьбу, он это заслужил. Когда придем в Росс, твой алеут отправится на север с первым же кораблем,— сказал Кусков.— А теперь давай-ка вернемся к побегу из миссии. Ты не заметил, как выглядел тот испанский вельможа?

Захар наморщил лоб.

— Значит, так. Стояли мы у самой стены. Я мало чего видел, вот разве что орденов было много на груди. Широкоплечий. Ах да, борода. Большая седая борода.— От усталости у Захара заплетался язык.

Кусков выразительно взглянул на капитана:

— Де Сола!

Рошин кивнул с довольным видом:

— Точно, сам губернатор, чтоб мне пропасть!

— Так что же кричали те два алеута? — спросил Кусков.

— Они говорили, что они русские. «Спасите нас, мы русские».

— Так.— Кусков явно был доволен.— Значит, сеньор губернатор де Сола узнаёт, что в миссии содержатся в плену русские подданные. Он, разумеется, наводит справки: как, почему? И оказывается, они всего лишь вступили на испанскую

территорию. Ты ручаешься, что вы ничего дурного не сделали на берегу?

— Ничего, господин правитель, головой ручаюсь. Нам велели забить корову, но я и не собирался этого делать.— Захар ответил на торжествующий взгляд Кускова сонным морганием век.

— Ну, а теперь — спать, Захар.— Кусков направился к двери.— Господин капитан, прошу вас позаботиться о нем,— сказал он с широкой улыбкой.— Весьма ценный молодой человек. Доброй ночи!

— Еще бы! — сказал Рошин.— А то бы я сам не догадался. Это же козырь! — Он взял Захара под локоть.— Пошли!

...С блаженным вздохом Захар завернулся в теплое одеяло.

— С повышеньцем вас, Захар Иванович,— пробормотал он. (Рошин отвел ему маленькую отдельную каюту.) Но вот чем он был ценен, что в нем было козырного — этого Захар никак не мог понять. Впрочем, он недолго ломал над этим голову — сон живо одолел его.

Захар проспал больше суток и проснулся от зверского голода. Когда он выбрался утром на палубу, «Златоуст» все еще стоял на якоре в Монтерее.

Он завтракал с Петей в кают-компании. Кают-юнга подал на стол яйца, свежий хлеб, чай. Все было горячее и удивительно вкусное. Захар одолел шесть яиц, дюжину ломтей хлеба с маслом и бесчисленное множество кружеч горячего, сладкого чая. Наконец он в изнеможении отвалился от стола.

Петя наблюдал за ним с усмешкой.

— Тебе не кажется, Захар, что чего-то здесь недостает?

Захар подобрал хлебным мякишем остатки желтка на своей тарелке.

— Недостает, говоришь? — сказал он благодушным, сытым голосом.— А чего?

— Помнишь горничную, которую держал капитан? Алеутку, которая швыряла нам еду на стол? Так вот, сбежала она в прошлый наш вояж. Приходим мы в Сан-Франциско за партией зерна. А она возьми да и сбеги ночью с корабля. Представляешь?

Перед взором Захара снова промелькнули все его злоключения. Помолчав, он сказал:

— Дай бог, чтобы она не пожалела об этом. Несладко ей будет в чужих краях... До чего отчаянная!

— Чего еще ждать от этих инородцев! Никакого соображения.

«Ну-ну, валяй,— сказал про себя Захар.— Мне-то лучше знать».

После обеда правитель сошел на берег вместе с капитаном для очередной встречи с губернатором. Кусков выглядел весьма импозантно в своем форменном темно-зеленом мундире коммерции советника с эполетами, с золотой медалью на груди. Рошин облачился в выходной черный сюртук. На борту «Златоуста» оказался отряд военных моряков, и теперь двое из них, в парадной форме, сопровождали Кускова и Рошина в качестве почетного эскорта.

На вечерней полувахте капитан Рошин объяснил Захару, что происходит. Они стояли на шканцах, облокотившись о поручни, и глядели, как загораются на берегу редкие огни. Кусков в это время писал отчет, запершись у себя в каюте.

— Отношения с испанцами у нас сейчас, прямо скажем, натянутые,— рассказывал Рошин.— Губернатор де Сола засылал новых послов в Росс. И всё с угрозами: мол, уходите, пока не поздно. То есть не то чтобы напрямик, но намеки были ясные. Де Сола запрещает своим торговать с нами, но у нас здесь есть, конечно, давнишние связи, мы и обмениваемся товарами помаленьку. Оно, конечно, незаконно, но так уж повелось покои веков. Словно в жмурки играем — и смех, и грех.— Рошин фыркнул.— А вообще-то испанцам не до смеху, я так считаю. Де Сола нас пугает — так это больше с отчаяния. Прошли их времена в Новом Свете. В Мексике мятеж за мятежом. В портах чего только не наслушаешься. Говорят, вот-вот и сюда придут повстанцы.

— Самое время нос перед нами задирать,— заметил Захар.

— Верно, никакого резону в этом нету. Может, вице-королю в Мексике взбрело на ум, что де Сола сумеет выжить нас отсюда. Мол, тогда и повстанцы не посмеют сюда сунуться — как же, сила! Теперь, значит, Иван Александрович и стал подумывать о том, как бы показать испанцам, что с нами тоже шутки плохи. А ты — тут как тут, лучше и не придумашь.

— Это как же? Я-то тут при чем?

— А при том, что мы теперь знаем: испанцы держат у себя наших алеутов. Русских подданных держать в плену! Слыханное ли дело!— Рошин прислонился спиной к поручням

и продолжал:— Господин главный правитель как раз прислал в Росс военный шлюп из Ново-Архангельска. Четырнадцать пушек и команда военных моряков на борту. Сейчас шлюп стоит в заливе Румянцева—залив Малый Бodega по-испански— и ждет распоряжений Кускова. Правитель может располагать им по своему усмотрению. Дипломатично, само собой. Господин главный правитель отписал ему, что посылает шлюп, дабы разъяснить испанцам, что мы обосновались в Россе по закону и по справедливости.— Рошин снова фыркнул.— Разъяснить! Да эти четырнадцать пушек могут весь Монтерей в порошок стереть!— Он махнул рукой в сторону берега.— Обратить в прах, из которого он вышел.

Захар тихо присвистнул.

— Тем временем,— продолжал Рошин,— мы здесь торчим с грузом скобяного товара, который самим же испанцам нужен позарез. Надеемся обменять его на зерно, которое опять же позарез нужно нам.— Он зевнул.— Завтра у нас еще одна встреча с де Солой, и сдается мне, что последняя. Сдается мне, мы получим все, что нам нужно. (На корабле пробили склянки.) В этом есть и твоя заслуга, Захар. Спокойной ночи.

На другой день Захар наблюдал, как его начальство возвращается со встречи с испанским губернатором. Вид у обоих был победный. На лице Рошина играла дерзкая усмешка, он взбежал на палубу легко и задорно. И даже деревяшка Кускова, казалось, выстукивала на ходу победный марш. Кусков кивнул Захару:

— Зайди ко мне.

У себя в каюте Кусков налил три бокала вина и протянул один из них Захару:

— Твое здоровье, дружок.

Они чокнулись.

— Наша взяла,— сказал Кусков.— Торговля возобновляется. Наши промысловые партии более тревожить не станут. Де Сола обещался послать отряд в миссию, чтобы доставить наших алеутов в Монтерей. Я пошлю сюда наш шлюп, он будет дожидаться прибытия алеутов и примет их на борт.— Он прищелкнул пальцами.— На этот раз губернатор был на редкость понятлив. Еще бы— военный корабль перед самой его дверью!— Кусков жестко улыбнулся и продолжал:— Я дал ему месяц срока. Но думаю, что так долго ждать не придется.

Рошин с удовольствием включился в разговор:

— Как будем проходить мимо залива Сан-Франциско, можно будет послать с байдаркой приказ на шлюп, чтобы шли к Монтерею.

Кусков кивнул.

— Да, кстати, насчет нашего старого друга, капрала Риверы. Я сообщил де Соле, что за алеутами придет военный корабль, и тут он вдруг оказался милейшим человеком. Все готов был сделать для дорогих гостей. Я пожелал, чтобы Риверу наказали, а де Сола говорит: «Уже сделано». Похоже, что де Сола был еще в миссии, когда Ривера и второй солдат притащились на своих двоих. Те стали было нести околесицу: мол, пленники украли у них лошадей и сбежали. А лошади-то давно уже вернулись! Ну, прижали наших героев к стенке, тут все и вышло наружу. Им-то было велено вернуть вас, а не

убивать. За нарушение приказа де Сола послал солдата на каторжные работы на полгода, а Риверу вообще выгнал из армии. На этом военная карьера Риверы закончилась. Придется ему наниматься на ранчо — коров пасти.

— Поделом ему!

Вкус возмездия был сладок, и Захар с удовольствием запил его глотком доброго испанского вина.

Они подняли якорь с утренним приливом и взяли курс на Сан-Франциско. Там они почти месяц занимались меной скобяного товара на пшеницу. В середине мая «Златоуст» вышел в море и направился к Фараллонам — этой последней обязательной остановке для всех кораблей, идущих в Росс.

Захар стоял рядом с Тайином на носу корабля, в застегнутой до подбородка теплой куртке, в шерстяной шапке, нахлобученной на уши. Жмурясь от свежего весеннего ветерка, он с довольной улыбкой наблюдал, как чайки бочком скользят в воздушных потоках над верхушками мачт. Ясное небо, паруса, освещенные солнцем, — жизнь была прекрасна! Корабельный кок откармливал Захара как на убой. И он снова был полон сил, здоровья и бодрости. И что ни говори, а приятно, когда ты чист, аккуратно подстрижен и тщательно выбрит. Короче, Захар чувствовал себя на седьмом небе.

На широком лице Тайина, которое выглядывало из отороченного мехом капюшона парки, блуждала мечтательная улыбка. Говорили, что из Росса «Златоуст» пойдет прямо на Ситху.

— Господин Кусков говорит, я тоже пойду.

— Здрово, Тайин, да? — улыбнулся Захар. — Я-то знаю, как ты рад, что возвращаешься домой. И я за тебя рад.

Тайин промолчал, но его улыбка стала еще шире.

«Златоуст» сбавил ход и осторожно нырнул в белую мглу, которая в любое время окутывает Фараллоны. Мимо проплыла скалистая вершина главного острова, повитая туманом. Нагрудные пятна бесчисленных кайр белели в расщелинах скал. Птицы теснились на каждом клочке земли, темной тучей висели в молочно-белом небе, воздух содрогался от их криков.

Захар радовался за Тайина, но и ему самому грех было пенять на свою судьбу. Кусков сам предложил ему остаться в Россе и дал понять, что жалеть об этом ему не придется. Ничто не мешало ему вернуться — старый тойон умер.

А что касается отца... Узнав, что «Кама» давно уже просрочила все возможные сроки своего возвращения, Захар изо всех сил старался не думать больше об отце. Не надо растравлять себе душу напрасными надеждами. Каждая мысль об отце причиняла ему боль. И в то же время в глубине души он гордился тем, что сам нашел себе место в этом новом мире, не затерялся в нем без отцовской помощи.

— Чего мы только не повидали с тех пор, как были здесь в последний раз!—сказал он, обернувшись к Тайину.— Помнишь?

— Конечно. Чертовско много повидали.— Тайин окинул его оценивающим взглядом:— Тот раз ты был мальчик. Теперь вырос. Теперь ты мужчина.

Захар ухмыльнулся и потрогал свой бритый подбородок:

— Борода растет и все такое.

Но Тайин имел в виду не одни лишь внешние признаки зрелости.

— Внутри вырос,—сказал он.— Ты внутри мужчина.

Захар порозовел от удовольствия и отвернулся, стал смотреть вперед. Перед ними медленно открывался, раздвигался вид на северный залив острова.

— Смотри!—воскликнул вдруг Захар.

Большая шхуна стояла на якоре у берега, ее шлюпка качалась на волнах в узком фьорде, у причала.

Захар оглянулся и увидел, что Кусков поспешно заковылял к капитану. Захар кинулся к ним на шкафут. Кусков — в синей матросской шапке и толстой фуфайке, с носогрейкой в зубах — выглядел старым морским волком. Рошин был, как всегда, в теплой шерстяной одежде и черной фуражке с засаленным козырьком. В руках он держал рупор.

На шхуне был русский вымпел и флаг Российско-Американской компании. «Златоуст» медленно приближался к ней.

— Эй, что за корабль? — закричал Рошин в рупор. Чайки тучей закружили вокруг мачт с оглушительными криками. На палубе шхуны появился офицер, тоже с рупором, и стал что-то кричать в ответ. Но шалый птичий гам заглушал его слова. Наконец слабый голос долетел до «Златоуста»:

— «Кама»! «Кама»!

У Захара словно что-то взорвалось в груди. «Кама»! Кусков повернулся к нему, его стальные глаза искрились от возбуждения. Захар прохрипел:

— Про отца спросите.

Рошин передал рупор Кускову и зашпешил на шканцы, выкрикивая команды. Кусков и офицер с «Камы» стали перекликаться. Чем громче они кричали, тем громче, пронзительнее орали птицы. Наконец на «Златоусте» явственно услышали ответ: «Петров, да. Да, Иван Петров. Корабельный плотник Иван Петров на борту корабля».

Кусков взглянул на Захара с торжествующей улыбкой, снова приложил рупор к губам:

— Наш капитан собирается к вам!

— Милости просим,— ответили с «Камы».

Кусков оглянулся на Захара:

— Хочешь поехать с капитаном?

От волнения Захар потерял дар речи, он кивнул и бросился на нос. Вцепившись в поручни рядом с Тайином, Захар напряженно выжидал, когда же «Златоуст» наконец развернется и ляжет в дрейф.

И опять на берегу появился рыжебородый охотник со своими алеутами. Неужели здесь ничего не изменилось? Ведь с тех пор, как Захар видел его, прошла целая вечность. Однако сейчас Захару было не до того. Он впился ногтями в поручень.

— Отца нашел, да? — Тайин сиял. От улыбки по его скуластому лицу разбежались морщинки, в которых почти совсем скрылись янтарные глаза. Он глядел на Захара с нескрываемой нежностью.

— Да! — выдохнул Захар и по-детски зажмурился от счастья: — Капитан берет меня на «Каму».

Тут Рошин позвал снизу:

— Захар!

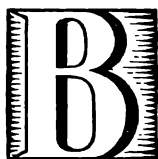
Шлюпку уже подвели к вант-трапу. Два матроса уселись на весла, Рошин занял место на корме. Захар прогрохотал по палубе и сломя голову скатился по трапу. Легко и осторожно ступая, он перебрался на нос шлюпки и уселся.

Шлюпка заскользила по шиферно-серым волнам к «Каме». Захар сидел, судорожно стиснув ладони между коленками, чтобы унять нетерпеливую дрожь.

Вдруг на шлюпку снежным шквалом налетела орущая стая чаек. Глядя на их шумную возню в воздухе, Захар забыл про сдержанность и разразился счастливым смехом:

— Давайте, чайки, кричите! Радуйтесь! За отца! За меня! За нас обоих! Летите! Радуйтесь!

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

основе этой повести лежат действительные события, происходившие с реальными лицами в русских колониях Аляски и Калифорнии. Имена некоторых действующих лиц известны по историческим документам.

А. А. Баранов был правителем Российских колоний в Америке с 1791 по 1818 год. Его помощник, И. А. Кусков, основал крепость Росс на побережье Северной Калифорнии в 1812 году. Кусков находился в Росс до 1821 года и в 1823 году вернулся в Россию. После его отъезда дела в русской калифорнийской колонии расстроились, однако крепость Росс продолжала существовать еще двадцать лет. В 1841 году русское правительство продало крепость Росс Джону Суттеру.

Реальная фигура, послужившая прототипом главного героя книги,— Захар Чичинов, который в шестнадцать лет отправился из Сибири на Аляску, чтобы разыскать своего отца. Узнав, что его отец перебрался в Росс, Захар нанялся на корабль, чтобы оплатить свой проезд. Так он добрался до Росса, где и нашел отца. Впоследствии отец Захара Чичинова погиб, сорвавшись со скалы на Фараллонских островах.

Еще одно реальное лицо — байдарщик Тимофей Тараканов. В 1814 году он был взят в плен испанцами на берегу неподалеку от миссии Санта-Барбара и пробыл там в качестве пленника более года. Рассказы Чичинова и Тараканова, записанные историками, хранятся в библиотеке имени Г. Г. Бэнкрофта Калифорнийского университета (г. Беркли, штат Калифорния). В своей книге я использовала рассказы как Чичинова, так и Тараканова для повествования о приключениях вымышленного Захара Петрова.

СЛОВАРЬ

Б а й д а р к а — алеутская охотничья лодка: остов из деревянных круглых палок, выброшенных волнами на берег, каркас соединен с килем с помощью китовых усов; остов обтянут лафтакми (см.), сшитыми жилами. Для охотника оставлено одно или два отверстия — люки (отсюда название «однолючная» или «двухлючная»). Весло двухлопастное. Гребет обычно сидящий сзади охотник, а передний бросает в зверя стрелку или гарпун. Как правило, выезжали в море на двух или — чаще — на трех байдарках. Во время непогоды вдали от берега байдарки примыкали друг к другу бортами. Чтобы заткнуть дыру в кожаной обтяжке, алеуты всегда имели с собой сырую рыбу, а для откачки воды — деревянный «насос».

Б а й д а р щ и к — начальник над партией охотников-алеутов, отправленных на промысел на байдарках; на первых порах байдарщиком назначали только русских промысленников.

Б о б р м о р с к о й (калан) — земноводное животное с очень красивой и высоко ценившейся шерстью кофейного цвета. Голова у него совершенно круглая, грудь плоская, а лапы похожи на руки. В открытом море бобры обыкновенно переворачиваются на спину. Самки своих маленьких детей носят на груди, никогда не покидают их в минуту опасности.

К а м л е й к а — водонепроницаемая одежда в виде рубашки, доходящей до икр, с капюшоном. Изготавливается из кишок сивучей (см.), тюленей, моржей, китов и медведей. Одевается поверх другой одежды (меховой, из птичьих шкурок, холщовой рубашки). Самые прочные камлейки — сивучьи, а щегольские — медвежьи. Шнуром стягивается капюшон под подбородком и рукава у кистей. Сидя в байдарке, охотник затягивает обтяжку люка, и вода не проникает в байдарку. В камлейке легко, тепло и удобно.

К о л о ш и, или **к о л о ж и**, — так русские называли индейцев-тлинкитов, населявших материковую юго-западную окраину Аляски и прилегающие к ней острова: Баранова, Адмиралтейства, Чичагова и др. Поводом к такому названию послужили, скорее всего, калужки — деревянные и каменные украшения, которые носили тлинкитские женщины в проколотой и оттянутой нижней губе.

К о т м о р с к о й — земноводное животное, похожее на тюленя, с серебристой шерстью, мягкой и подсаженной пухом. Коты водятся только на Командорских островах, островах Прибылова и Фараллон (Калифорния). Южные коты бурее по окраске, и шерсть у них короче.

Л а ф т а к и — шкуры морских животных, главным образом сивучей (см.), с опрешей и тщательно счищенной шерстью. Используются на обтяжку байдарок.

Марки Российско-Американской компании — деньги достоинством в 10, 25, 50 коп. и 1, 5, 10 руб. имели хождение только в русских поселениях в Америке. Изготавливались в Петербурге из пергамента, по мере износа в Ново-Архангельске иногда заменялись «лафтакными» (то есть изготовленными из лафтака) купюрами.

М и с с и и — укрепленные испанские поселения в Калифорнии, которыми управляли католические монахи. В миссии была церковь, жили монахи и имелся монастырь для крещенных детей индейцев. Индейцы жили либо в каморках, двери которых выходили во внутренний прямоугольный двор миссии, либо вне ограды в «индейской деревне». Население миссий насчитывало до 1 тысячи человек.

П а р к а — длинная прямая, со всех сторон закрытая одежда с невысоким стоячим воротом (эскимосская парка — с капюшоном) и с длинными рукавами. Изготавливалась из различных материалов: из шкурок птиц, еврашек (сусликов), морских котов, морских бобров.

П р е з и д и о — укрепленное испанское поселение в Калифорнии, управляемое светскими властями.

П а р т о в щ и к — начальник над несколькими партиями охотников-алеутов, в подчинении у которого находились байдарщики; назначался из русских промышленников.

П р о м ы ш л е н н и к — в Сибири так называли охотников, промышлявших пушнину, а в Русской Америке — наемных работников промысловых компаний, из числа русских.

Р о в д у г а — замша, выделанная из оленьей шкуры.

Р а н ч о — хутор или ферма, расположенные возле обработанных полей. Там находились амбары, куда ссыпали зерновой хлеб, складывали кожи, шерсть и проч. Жилое помещение устраивалось в самих же амбарах. При испанских ранчо обычно жили одно или два надежных индейских семейства.

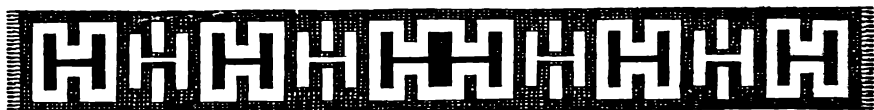
С и в у ч — морской лев, сильнейший из всех земноводных зверей, которые водятся в северных водах Тихого океана. Шерсть их на груди и плечах длиннее, чем на прочих местах тела, и цветом несколько похожа на львиную. А еще больше сивуч похож на льва, когда сидит на камне, чувствуя приближение неприятеля. Величина большого самца более быка, а тяжесть до 80 пудов. Сивуч очень полезное животное: мясо и жир его идут в пищу, кишки — на камлейки, горло — на голенища торбасов, шкура — на обтяжку байдарок.

Ф л а г Р о с с и й с к о - А м е р и к а н с к о й к о м п а н и и. — Был утвержден указом 1806 года специально для поселений и судов этой компании. По цвету повторял российский Государственный флаг. Полотнище из трех горизонтальных полос: верхняя — широкая, белая; средняя — более узкая, голубая; нижняя — красная. На белом поле — двуглавый орел, в лапах которого скипетр и держава, а также лента с надписью: «Российско-Американская компания».

Ш а п к а д е р е в я н н а я — охотничий головной убор алеутов из гнутой деревянной пластины с сильно удлиненным козырьком. Украшен резной костью, перьями, бусами, сивучьими усами, раскрашен разноцветными красками. Одевался поверх капюшона камлейки.

С. Федорова

СОДЕРЖАНИЕ

С. Федорова. О Русской Америке и авторе этой книги . . .	5
1. В путь	19
2. Кораблекрушение	28
3. След на Аляске	38
4. Стычка	51
5. Крепость Росс	61
6. Индейский вождь	73
7. Круглый дом	84
8. Конкистадор	94
9. Изгнание из рая	109
10. Горькое плавание	119
11. Плен	130
12. Рабство	141
13. Побег	152
14. Спасение	164
15. Жизнь в лесу	173
16. Зыбучие пески	183
17. «Златоуст» и «Кама»	193
Послесловие автора	205
С. Федорова. Словарь	206

Для среднего и старшего возраста

Джин Монтомери

ИЩИ НА ДИКОМ БЕРЕГУ

Повесть

ИБ № 2605

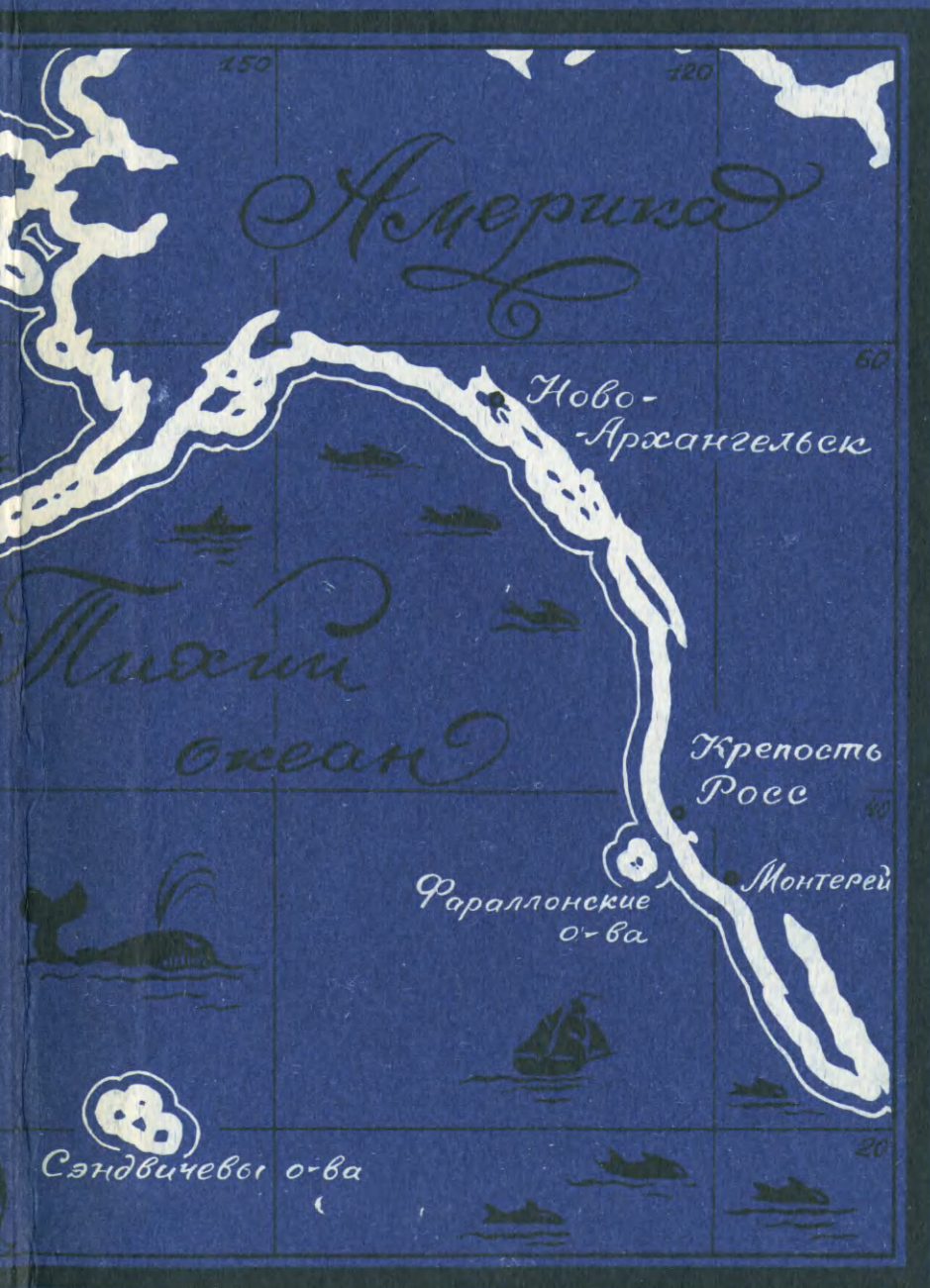
Ответственный редактор Н. В. Шерешевская. Художественный редактор А. Д. Бирюков. Технический редактор М. В. Журавлева. Корректоры Г. С. Муковозова и Н. Г. Худякова. Сдано в набор 04.01.79. Подписано к печати 15.06.79. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 11,59. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4123. Цена 60 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Моря и Земли,
где действуют герои
этой книги.

Фактически в начале XIX века
было гораздо больше поселений
и в Азии, и в Америке, но на
этой схеме они просто не
указаны, поскольку описанные
события их не затрагивают.

150

120

Америка

60

Ново-
Архангельск

Тихий
океан

Крепость
Росс

40

Фараллонские
о-ва

Монтерей

20

Сэндвичевы о-ва

60 коп.

